

Бакунин Михаил. О нем

Биография, критика, исследования

- [Рябов Петр. Михаил Бакунин: биография, личность, вехи великой жизни \(Видеолекция\)](#)
- [Рябов Петр. Михаил Бакунин: Идеи \(Видеолекция\)](#)
- [Рябов Петр. Наследие, влияние, образ в культуре \(Видеолекция\)](#)
- [Панда. Гайд по Бакунину: “Государственность и анархия” за 10 минут](#)
- [Блок Александр. Михаил Александрович Бакунин](#)
- [Неттлау Макс. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина](#)
- [Катков Михаил. Кто наши революционеры? \(Характеристика Бакунина\)](#)
- [Рябов Петр. Михаил Бакунин](#)
- [Аврич Пол. Бакунин и Нечаев](#)
- [Библиография](#)
- [Найт Райан. Постидеологический импульс Михаила Бакунина: непрерывность между классическим и новым анархизмом](#)
- [Артемов Вячеслав. Проблема свободы: М.Бакунин и П.Кропоткин](#)
- [Черкезишвилли Варлаам. Значение Бакунина в Интернациональном революционном движении](#)
- [Неттлау Макс. «Исповедь» Бакунина царю Николаю I \(1851 г.\)](#)
- [Кропоткин о Бакунине](#)
- [Рябов Петр. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю](#)
- [Рябов Петр. Личность Михаила Бакунина и особенности его философии](#)
- [Дамье Вадим. Михаил Бакунин: от социалистического федерализма к анархизму](#)

Рябов Петр. Михаил Бакунин: биография, личность, вехи великой жизни (Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/AqoP6BSyV58?si=mLwvbqKnhmL2PNhV>

Сегодня мы начнем разговор о великом бунтаре, с наибольшей полнотой, силой и последовательностью выразившем дух анархизма — Михаиле Александровиче Бакуине. Мы поговорим о людях, окружающих его (а среди них — Александр Герцен и Иван Тургенев, Виссарион Белинский и Петр Чаадаев, Жорж Санд и Пьер Жозеф Прудон, Рихард Вагнер и Карл Маркс, Джузеппе Гарибальди и Сергей Нечаев). Об основных вехах его удивительной жизни: от философской юности среди «прямухинской гармонии» — к казематам Кенигштайна и Петропавловки и череде восстаний. Попытаемся понять психологические черты этого Дон Кихота Революции и Прометея Европы, и понять, почему Александр Блок призывал нас «занять огня у Бакунина!»

Рябов Петр. Михаил

Бакунин: Идеи

(Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/Mxb69WK5bBQ?si=6t9XFsf21KWKKAbV>

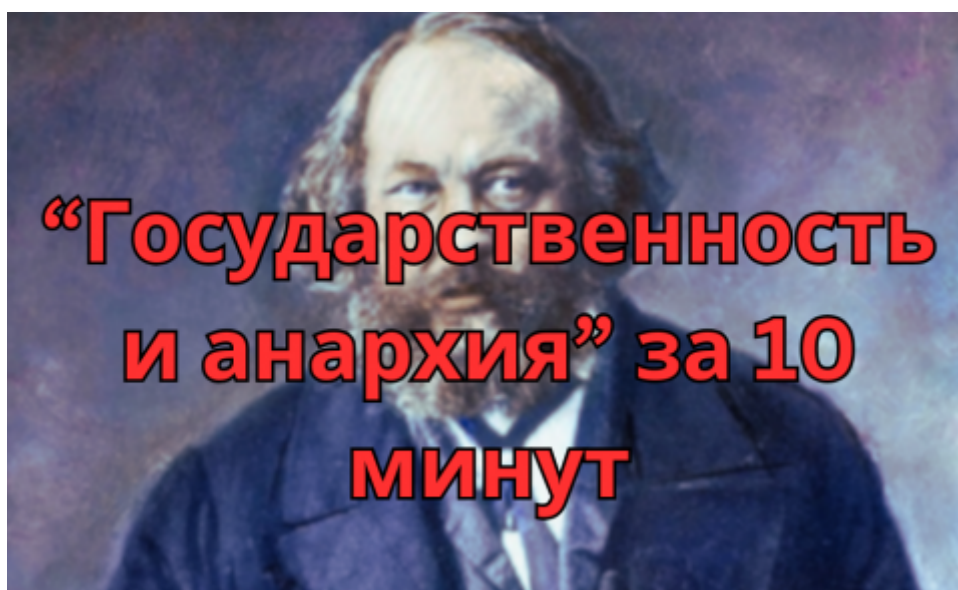
Продолжая знакомство с фигурой Михаил Бакунина, сегодня мы обратимся к его идейному наследию. Что такое «концепция убывающего авторитета» в педагогике? Как Бакунин понимал смысл истории и за что ненавидел государство? Что такое — его «антитеологизм»? Почему за полвека до начала тоталитарного большевистского правления Бакунин гениально предсказал его основные черты в своей критике авторитарного социализма Маркса? Можно ли считать бунтаря «панславистом»? Как он понимал «негативную диалектику» и почему принципиально отказывался от проектирования анархического идеала? Почему современный либертарный историк Александр Шубин назвал Михаила Бакунина «человеком из трех столетий»?

Рябов Петр. Наследие, влияние, образ в культуре (Видеолекция)

<https://www.youtube.com/embed/1mmMMd26CZA?si=HXUHm54-cEDZbWnd>

На последней лекции триптиха о Бакунине пойдет речь о его ближайших продолжателях, о его наследии и образе в мировой культуре. Мы поговорим о том, как воспринимали Михаила Александровича и как отобразили его в своем творчестве художник Ге и композитор Вагнер, поэты Блок и Волошин, писатели Алданов, Тургенев, Гуль, Федин, Стоппард, Корнилов, Бинек, мыслители Камю, Боровой, Бенъямин, Берлин, Масарик... Какие мифы созданы вокруг фигуры Бакунина? Почему он был вдохновителем русского народничества (от южных бунтарей до "Земли и Воли" и "Черного Передела") и всемирного анархического движения второй половины XIX века? Что из его личного опыта и философского наследия наиболее актуально для либертарианцев XX и XXI века?

Панда. Гайд по Бакунину: “Государственность и анархия” за 10 минут

2024, источник: [здесь](#).

Работа была опубликована в 1873 году в Цюрихе. Изначально автор задумывал ее в качестве двухтомника, однако второй том так и не был написан. Основная тема заявлена в подзаголовке: "Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих", хотя непосредственно данному вопросу посвящена лишь небольшая часть материала.

Для тех, кто вообще не знаком с творчеством Бакунина, рекомендуем прислушаться к совету Петра Рябова и начинать знакомство с труда “Федерализм, социализм и антитеологизм”. В целом, “Государственность и анархия” читается тяжело из-за пространных отклонений в историю европейских народов и международную политику XIX века. Самые ценные мысли высказаны в конце: о принципиальных различиях государственного социализма и анархизма, дилемме “бунт либо эволюция” и контрреволюционной сути патриархата.

Начинается книга с обзора текущего состояния борьбы с Интернационалом в Европе. Бакунин критикует государство, отмечая его агрессивный, завоевательный характер. Через призму итогов франко-прусской войны он обличает правящие классы дворянства и буржуазии, заявляя о невозможности их сотрудничества с пролетариатом.

На примере французской политики он атакует идеи патриотизма и демократической республики, приравнивая ее к монархии:

“Народу отнюдь не будет легче, если палка, которою его будут бить, будет называться палкою народной”.

Бакунин анализирует возможности для начала социальной революции в разных странах Европы, отдавая предпочтение Испании и Италии. Он отвергает панславизм, считая, что объединение славян в одно государство под лидирующей ролью России только ухудшит положение пролетариата:

“Чем обширнее государство, тем тяжелее цепи и тем теснее тюрьма”.

Далее Бакунин возвращается к критике республиканцев, парламентов и всеобщего избирательного права, утверждая, что:

“Политическая свобода без экономического равенства и вообще политическая свобода, т.е. свобода в государстве, есть ложь”.

В качестве негативных примеров приводятся Сербия и Пьемонт. Альтернативу он видит в организации рабочих фабричных и земледельческих ассоциаций на базе программы Интернационала, впрочем, не вдаваясь в подробности.

О России Михаил Бакунин пишет горькие, но настолько меткие слова, что, сказанные сейчас, они бы не утратили актуальности. Внутренняя жизнь в России обустроена только для нескольких тысяч людей во главе с императором. А для остальных она:

“Злодейка-мачеха, безжалостная обирательница и в гроб загоняющая мучительница. <...> Народ инстинктивно ее ненавидит, а она неизбежно его гнетет, так как на народной беде построено все ее существование и сила”.

Бакунин не верит в возможность реформизма, призывая русских уничтожить империю:

“Полезная конституция для народа может быть только одна - разрушение империи”

Автор скептически оценивает потенциал российского государства оспорить гегемонию Бисмарка в Европе:

“Никакая война наступательная, предпринятая нашим правительством, не будет национальной в России. <...> Государство - это его (народа - прим.) тюрьма. Какая же ему нужна укреплять свою тюрьму? Во-вторых, между правительством и народом нет никакой связи, ни одной живой нити, которая могла бы соединить их <...>”.

Не только отсутствие народной поддержки, но и коррупция в рядах госслужащих станет препятствием для завоевательных войн, считает Бакунин:

“Казенное повсеместное воровство, казнокрадство и народообирание есть самое верное выражение русской государственной цивилизации”.

Далее он переходит к обзору немецкой истории, выражая явную германофобию, будто немцы обладают рабской ментальностью, более других склонны к дисциплине, иерархии, и навязывают свое видение остальной Европе. Мимоходом в этой антинемецкой тираде достается Георгу Гегелю и его последователям - революционным гегельянкам. Бакунин полагает, что гегелевская философия слишком абстрактна, оторвана от жизни и не имеет связи с природой, действительностью.

Затронув тему философии, Бакунин не обошел стороной и модный в те времена позитивизм:

“Метафизики или позитивисты, все эти рыцари науки и мысли, во имя которых они считают себя призванными предписывать законы жизни, все они, сознательно или бессознательно, реакционеры”.

Он выступает против навязывания народу какой-либо научно-политической доктрины со стороны ученых, определяя цель анархистов уничтожить всякую государственную власть, а народ “помимо различных и равно свободных влияний лиц и партий сам создаст свою жизнь”.

Бакунин предостерегает от установления революционной диктатуры, основанной на мнимом народном представительстве, говоря, что разница между революционной диктатурой и государством будет “только во внешней обстановке”.

В рамках поверхностного обзора немецкой политической мысли 19-го века автор останавливается на Карле Марксе, давая ему оценку и как человеку, и как социальному философу. Положительно отмечая его ученость и энергичность, Бакунин крайне негативно

характеризует личные качества немецкого коммуниста:

“Нет такой лжи, клеветы, которой бы он не был способен выдумать и распространить против того, кто имел несчастье возбудить его ревность или, что все равно, его ненависть”.

Видимо, тут проявилась сложная история взаимоотношений между двумя бывшими соратниками. Маркс даже когда-то написал в своей газете, что Бакунин является шпионом российского царя. Тем не менее, при анализе марксизма автор старается быть объективным, упоминая влияние рикардianцев, Гегеля и французских социалистов на учение своего визави. Далее он высказывает любопытную мысль:

“<...> В отношении политическом господин Маркс прямой ученик Луи Блана” .

После долгого отклонения в историю Германии, естественно, с тем же нарративом германофобии, к этим двоим Бакунин причисляет третьего - лидера немецких социал-демократов Фердинанда Лассаля, небезосновательно приведя их под общий знаменатель: стремление к основанию народного государства, которое бы выражало интересы пролетариата. Он цитирует Манифест международного общества, написанный Карлом Марксом в 1864 году:

“Первый шаг к революции рабочих должен состоять в возвышении пролетариата на степень господствующего сословия. Пролетариат должен сосредоточить все орудия производства в руках государства <...>”.

Бакунин обрушивается на них с рьяной критикой. Это важный момент в книге, поскольку он показывает фундаментальные отличия между анархизмом и государственным социализмом. Приведем его некоторые аргументы в виде цитат:

“Спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит, останется еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству. Например, хотя бы крестьянская чернь, как известно, не пользующаяся благорасположением марксистов <...>”.

“Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом <...> - ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли”.

Бакунин считает, что после избрания представителей работников во власть они будут представлять уже не народ, а “себя и свои притязания на управление народом”. Позже, в 1911 году, социолог Роберт Михельс эмпирически докажет данный тезис в своем исследовании “Политические партии”, в котором выведет Железный закон олигархии.

Бакунин указывает на противоречие между целью и средством марксистов: цель - безгосударственная свободная организация экономических интересов и общин, средство - диктатура пролетариата в государстве. Будто бы всякое управление в государстве окажется ненужным и оно естественным образом отомрет. То есть, свобода - цель, диктатура - средство.

“Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют его называть народным?”

В завершении он метнул еще пару стрел в Лассалья, Маркса и Либкнехта, обвинив их в поддержке германского империализма, при этом смешивая здравые аргументы с откровенно антинемецкими пассажами в духе: “немец создан в одно и то же время для рабства и для господства”. Стоит отметить, что в книге вскользь попадаются и антисемитские фразы, хотя какого-то раскрытия их по смыслу, в отличие от германофобии, у Бакунина нет.

После основного текста, никак не структурированного по разделам или параграфам, идет два “прибавления”.

В Прибавлении А автор начинает с привычной для него атаки на позитивизм и кабинетных ученых-анархистов. Но далее раскрывает интересную тему о средствах для достижения политических целей анархистов. Михаил Бакунин выделяет два пути: революционный - через организацию всенародного бунта, и мирный - через медленное преобразование экономического быта капитализма, а именно: создавать трудовые артели, кредитные и потребительские кооперативы.

Бакунин считает второй, мирный путь нереализуемым, ссылаясь на конгрессы Интернационала и, как ни странно, на Лассалья: для победы кооперации необходимо, чтобы земля и капитал во всех видах сделались коллективной собственностью. До тех пор, пока этого не случится, кооперация будет раздавлена в условиях конкуренции с большим капиталом и земельными латифундистами. Он скептически относился к перспективах

развития кооперативного движения в России, хотя уже через несколько десятилетий после написании “Государственности и анархии” в кооперативах будут участвовать миллионы жителей Российской империи.

Бакунин считает, что в представлении народа сформировался некий всеобщий идеал, который он формирует в трех пунктах:

1. земля должна принадлежать народу;
2. право пользования ею принадлежит не лицу, а общине;
3. общинное самоуправление как антипод государству.

Воплотить в жизнь данную социально-экономическую программу мешают “затемняющие черты” народа:

1. патриархальность;
2. поглощение лица миром;
3. вера в царя.

“Патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами. <...> Деспотизм мужа, отца, а потом старшего брата обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата”.

Далее автор опять возвращается к дилемме “бунт либо эволюция”, в этот раз критикуя идею создания утопических коммун. В качестве неудавшегося примера он упоминает Новую Икарию Этьена Кабе, отмечая, что даже в случае успеха это будет лишь капля в море, а результаты - недостаточны для освобождения всего народа. Единственным правильным решением он считает организацию всенародного бунта, преодоление замкнутости и разъединения общин.

В Прибавлении Б выложена политическая программа славянской секции в Цюрихе Международного общества рабочих. Она состоит из 14 пунктов, предусматривающих “уничтожение государства, права собственности и юридической семьи”, гендерное равенство, материализм и атеизм.

Блок Александр. Михаил Александрович Бакунин

Источник: [здесь](#).

Тридцать лет прошло со смерти «апостола анархии» – Бакунина. Тридцать лет шеренга чиновников в черных сюртуках старалась заслонить от наших взоров тот костер, на котором сам он сжег свою жизнь. Костер был сложен из сырых поленьев, проплывших по многоводным русским рекам; трещали и плакали поленья, и дым шел коромыслом; наконец взвился огонь, и чиновники сами заплакали, стали плясать и корчиться: греть нечего, остались только кожа да кости, да и сгореть бояться. Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня.

Имя «Бакунин» – не потухающий, может быть еще не расплавленный, костер. Страстные споры вокруг этого костра – да будут они так же пламенны и высоки, чтобы сгорела мелкая рознь! Бедная литература о Бакунине растет: в первый же год «свободы» вышло уже пять отдельных книжек; правда, пока больше охаживают Бакунина, процеживают классические слова Герцена о нем[1], а «полного собрания» еще долго ждать. Из трех очерков о Бакунине, вышедших в этом году, наиболее яркое впечатление производит очерк г. Андерсона («Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин», СПб.). Автор сумел отметить то вечное, что очищает и облагораживает всякий запыленный факт, поднимает его на воздух, предавая его солнечным лучам. Очерк Андерсона написан литературнее двух других. Драгоманов[2] – серьезный исследователь, известный знаток Бакунина, – и не задавался, впрочем, общими целями; он рассматривает Бакунина как политического деятеля по преимуществу. Третий автор, г. Кульчицкий («М. А. Бакунин, его идеи и деятельность», СПб.)[3], пишет отрывочно, политиканствует и кое о чем умалчивает, считая Бакунина «прежде всего – человеком дела».

Бакунин – одно из замечательнейших распутий русской жизни. Кажется, только она одна способна огораживать мир такими произведениями. Целая туча острейших противоречий громоздится в одной душе: «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень» – из всего этого Бакунину не хватало разве стихов – в смысле гармонии; он и не пел никогда, а, если можно так выразиться, вопил на всю Европу, или «ревел, как белуга», грандиозно и безобразно, чисто по-русски. Сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков: способный к деятельности самой кипучей, к предприятиям, которые могут привидеться разве во сне или за чтением Купера, – Бакунин был вместе с тем ленивый и сырой человек – вечно в поту, с огромным телом, с львиной гривой, с припухшими веками, похожими на собачьи, как часто бывает у русских дворян. В нем уживалась доброта и крайне неудобная в общежитии широта отношений к денежной собственности друзей – с глубоким и холодным эгоизмом. Как будто струсив перед пустой дуэлью (с им же оскорбленным Катковым[4]), Бакунин

немедленно поставил на карту все: жизнь свою и жизнь сотен людей, Дрезденскую Мадонну и случайную жену, дружбу и доверие доброго губернатора[5] и матушку Россию, прикидывая к ней все окраины и все славянские земли. Только гениальный забулдыга мог так шутить и играть с огнем. Подняв своими руками восстания в Праге и Дрездене, Бакунин просидел девять лет в тюрьмах – немецких, австрийских и русских, месяцами был прикован цепью к стене, бежал из сибирской ссылки и, объехав весь земной шар в качестве – сначала узника, потом – ссыльного и, наконец, – торжествующего беглеца, остановился недалеко от исходного пункта своего путешествия – в Лондоне.

Здесь, с первых же дней, с энергией ничуть не ослабевшей, Бакунин стал действовать в прежнем направлении. Кто только не знал его и не отдавал ему должного! Все, начиная с императора Николая, который сказал о нем: «Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти», [6] – и до какого-то захудалого итальянского мужика, который не разлучался с ним в последние годы и прятал шестидесятилетнего анархиста в сено после неудачного Болонского восстания.[7]

О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами, уморительными, трогательными или драматическими. Есть случаи из Рокамболя и Дюма, например история снаряжения корабля с оружием для Польши – утлой посудины с командой из каких-то добровольных головорезов, польских офицеров, солдат всех национальностей – до кафров и малайцев включительно, – доктора, типографа и двух аптекарей. Интересно, что в участии своей посудины Бакунину удалось заинтересовать брата шведского короля, шведских министров и влиятельных лиц; и все-таки дело кончилось ничем: всеславянский Арго оказался старой калошей и был растрепан шквалом, напрасно стараясь приткнуться то к немецким, то к шведским берегам. Половина команды пошла ко дну, а оружие забрал шведский фрегат.[8]

Писал Бакунин много, но большей части своих писаний не кончил; они и до сих пор в рукописях. Бакунин противоречил себе постоянно, но, конечно, «без злого умысла». То же хочется думать о «сомнительных» поступках его, около которых спорят и горячатся, склоняясь то к осуждению, то к оправданию. Если Катков, близко зная Бакунина, не мог быть хладнокровным и отказывал ему даже в искренности,[9] – то мы, уж наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня. Да и человек Бакунин был не житейский, – и это не всегда в похвалу ему: то, что доставляло легкие средства освобождения от всякого комфорта, тормозящего деятельность, – тоже приводило к схеме и отвлеченности; отвлеченность вела к противоречиям, давала возможность наскоро соединять несоединимое.

Искать Бога и отрицать его; быть отчаянным «нигилистом» и верить в свою деятельность так, как верили, вероятно, Александр Македонский или Наполеон; презирать все установившиеся порядки, начиная от государственного строя и общественных укладов и кончая крышей собственного жилища, пищей, одеждой, сном, – все это было для Бакунина не словом, а делом. Как ни странно, – образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева.[10] Удивительно, что это сходство простирается еще дальше – куда-то вглубь семьи. Мне приходилось слышать немало семейных воспоминаний о Соловьеве и Бакунине; в тех и других звучит одна, быть может, музыка – музыка старых русских семей, совсем

умолкающая теперь в молодых рамоликах и брюзжащих дегенератах.

Можно ли брать с Бакунина пример для жизни? Конечно, нет. Нет, потому одному, что такие люди только рождаются. Такая необычайная последовательность и гармония противоречий не даются никакими упражнениями. Но эта «синтетичность» все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души. Их раскололо то сознание, которого не было у Бакунина. Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез, великолепный потому, что им он жил, мыслил, страдал, творил. Перед нами – новое море «тез» и «антитез». Займем огня у Бакунина! Только в огне расплавится скорбь, только молнией разрешится буря: «Воздух полон, чреват бурями! И потому мы зовем наших ослепленных братьев: покайтесь, покайтесь, царство Божие близко! – Мы говорим позитивистам: откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвым хоронить своих мертвецов и убедитесь наконец, что духа, вечно юного, вечно новорожденного, нечего искать в упавших развалинах... Позвольте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть».[11] Это говорит молодой Бакунин, но то же повторит и старый. Вот почему имя его смотрит на нас из истории рядом с многошумными именами. Хорошо узнать Бакунина, страстно и пристально взглянуть в его глаза, на лицо, успокоенное только смертью: бури избородили его. «Бакунин во многом виноват и грешен, – писал Белинский, – но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки, – это вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа». Переведем эти старые, «гуманные» слова на вечно новый язык. Скажем: огонь.

Октябрь 1906

Примечания

1 В книгах о Бакунине, упоминаемых Блоком, часто приводились слова Герцена о Бакунине из дневника 1842 г. (март): «Меня, если б знали во всех изгибах, поставили бы, может, на одну доску с Бакуниным, т. е. талант и дрянной характер». Подробную характеристику Бакунина см.: А. И. Герцен. Былое и думы, ч. VII, гл. IV.

2 М. П. Драгоманов. Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк. Казань, 1905.

3 См.: Л. Кульчицкий. М. А. Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906(?), с.5.

4 Катков обвинил Бакунина в распространении о нем сплетни. Вызвав Каткова на дуэль, Бакунин предложил провести ее за границей, ссылаясь на строгость русских законов.

5 Блок имеет ввиду следующие события из жизни Бакунина. Во время Дрезденского восстания (1849) Бакунин предложил выставить на баррикадах шедевры Дрезденской галереи, полагая, что прусские войска остерегутся стрелять по ним из «эстетических» соображений. Бакунин, нарушив слово, данное им своему родственнику, генерал-губернатору Муравьеву, бежал из Иркутска (1861) через Японию в Америку, оставив в

Иркутске свою жену. (Насколько нам известно, не существует документального подтверждения того, что Бакунин действительно предлагал выставить произведения искусства на баррикады. – прим. ред.)

6 См.: А. И. Герцен, там же.

7 См.: В. М. Андерсон. Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин. СПб. 1906, с.55.

8 См.: А. И. Герцен, там же.

9 Блок имеет ввиду статью М. Н. Каткова, которую цитирует В. М. Андерсон в своей книге, с.19–20.

10 В. Соловьев не интересовался бытом, вел неупорядоченный образ жизни.

11 Блок цитирует статью Бакунина «Реакция в Германии» (вероятно по книге М. Драгоманова), которая заставила Белинского изменить свою точку зрения на Бакунина, о чем он и писал Н. А. Бакунину в приводимом ниже Блоком письме от 7 ноября 1842 г.

Неттлау Макс. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина

1920, источник: [здесь](#). Q.A.: Предупреждение биографической энциклопедии:
Пер. с нем. изд., вышедшего в 1901, пер. плохой, текст не проредактирован.

Прим. переводчика: Брошюра эта написана в 1901 году.

Михаил Бакунин (1814–1876)

Михаил Бакунин родился в русской дворянской семье, родословная которой восходит к 17-ому столетию. Согласно преданию предки Бакунина иммигрировали в Россию из Трансильвании. Отец его еще ребенком был отправлен вместе с русским посольством во Флоренцию и прожил в этом городе и в Неаполе до 35-летнего возраста, состоя на дипломатической службе. После его возвращения в Россию ему вскоре надоела столичная, придворная жизнь. Он уехал на постоянное жительство в свое имение и в сорокалетнем возрасте женился на 18-летней девушке из семьи Муравьевых. От этого брака родилось 11 детей – 6 сыновей и 5 дочерей; Михаил Бакунин был старшим сыном (родился 8/20 мая 1814 г.) Бакунин описал свои детские годы, проведенные в родном селе Прямухине Торжковского

уезда, Тверской губернии, в автобиографическом очерке «История моей жизни», впервые напечатанном в «Société Nouvelle» (Брюссель, сентябрь 1896 г.). В этом очерке он рассказывает что он был очень привязан к своему отцу. Это был умеренный либерал, просвещенный человек, принимавший участие в одном из декабристских кружков, что осталось впрочем необнаруженным. Однако печальный исход всех свободлюбивых стремлений, разочарование в российской действительности, а также и влияние жены, холодно относившейся к его гуманитарным взглядам, все это привело к тому что он отказался от своих идей и стал крайне осторожным скептиком. Благодаря отцу Бакунин получил более или менее свободное воспитание. Так, например, ему не прививали никаких религиозных верований, ограничившись тем, что познакомили его с внешней обрядовой стороной православия. С другой стороны отец старался по возможности оградить детей от ознакомления с действительным положением народа, напр. с крепостничеством, опасаясь, что это может вызвать в них дух недовольства существующим строем. Он охотно давал детям читать описания путешествий, производившие на Михаила Бакунина сильное впечатление, возбуждавшие его воображение и вызывавшие в нем желание самому пережить подобные приключения, так что одно время он даже, как говорят, помышлял о бегстве из родительского дома. Он провел таким образом счастливое детство, не зная ничего о суровых сторонах жизни.

За три года (1829–1832 г. г.) он окончил петербургское артиллерийское училище. У нас нет непосредственных источников, по которым мы могли бы получить ясное представление об его жизни в течение этого периода. Остается поэтому невыясненным, почему он, несмотря на успешное окончание училища и связи своей семьи, дававшие ему возможность поступить в гвардейскую артиллерию в Петербурге, был послан в чине прапорщика в полк, стоявший в Минской губернии.

Там он провел в захолустном местечке два года, будучи свидетелем всевозможных угнетений, которым население подвергалось после подавления польского восстания, «Служба» совершенно его не интересовала; он много читал, и наконец сам оборвал свою карьеру, подавши в отставку в 1834 г. Несмотря на то, что этот поступок вряд ли находился в соответствии с планами его отца, последний очевидно ничем не проявил своего недовольства, так как мы не встречаем никаких следов вмешательства отца в его дальнейшую жизнь. Следующие шесть лет (до 1840г.) он провел большей частью в Москве, где он жил то один, то вместе с друзьями; летом же он обычно жил в Прямухине в кругу своей семьи, и только в 1840 г. он посетил Петербург.

Эти годы Бакунин посвятил страстному изучению философии и на этой почве вступил в тесную связь с наиболее прогрессивными московскими и петербургскими студентами. Он сумел с исключительной яркостью постичь учения некоторых философов и комментировать их в бесчисленных разносторонних дискуссиях с друзьями; он весь ушел в абстрактное мышление и больше чем когда либо отдалился от действительной жизни. Весной 1835 г. он вступил в переписку со Станкевичем и встретился с ним лично в ноябре того же года. В это время он занимался чтением сочинений французских философов, в том числе Кондильяка. Станкевич привлек его к изучению Канта и Фихте. Бакунин стал восторженным последователем Фихте, и первой его напечатанной работой был перевод сочинения Фихте «Несколько лекций о призвании ученого». («Телескоп», 1836 г.). Последователем Фихте был

в то время также и Белинский, который после скорого отъезда Станкевича (1837 г.) стал ближайшим и вместе с тем самым выдающимся из друзей Бакунина. Он провел несколько месяцев в семье Бакунина, в Прямухине (летом 1836 г.), и с энтузиазмом вспоминал потом об этом времени. Только в 1837 г. друзья приступили к изучению философии Гегеля, которая вскоре оказала колоссальное, для нас теперь непонятное, влияние на все мышление и на все воззрения этих кружков. Первой самостоятельной работой М. Б. было предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля («Московский Наблюдатель», 1838 г., март-апрель); следующей работой была неоконченная статья «О философии» («Отечественные Записки», т. IX, 1840 г.).

Осенью 1839 г. кружок М. В. познакомился с Александром Герценом и его друзьями, возвратившимися в Москву из провинции, куда они были сосланы, и тогда произошло весьма острое столкновение между московскими гегельянами, не останавливавшимися перед тем, чтобы распространить положение «все существующее разумно, раз оно существует» также и на позорнейшие явления российской действительности, с одной стороны, и кружком Герцена – свободомыслящими, республиканцами, сочувствующими французскому социализму, – с другой. В результате каждая из двух сторон осталась пока при своих взглядах, но благодаря ознакомлению с кругом идей противника обе стороны извлекли большую пользу из этих дискуссий.

В 1840 г. после краткого пребывания в Петербурге Бакунин стал готовиться к отъезду в Берлин с целью изучения немецкой философии в тамошнем университете. Возможно, что он рассчитывал добиться современем в России профессорской кафедры по философии. Во всяком случае он почувствовал потребность покончить с бездеятельной жизнью, которая, как он опасался, должна была привести его к «самому большому несчастью – к постепенному опошлению». Он выехал в июле или августе 1840 г. из Петербурга в Берлин, где уже со следующего зимнего семестра стал посещать университет.

Внутренний процесс превращения Бакунина из консервативного в революционного гегельянца очень ясно вырисовывается из следующих результатов. Профессора Вердера, пользовавшегося тогда большой славой в качестве красноречивого излагателя гегелевской системы, Бакунин был вынужден признать поверхностным краснобаем, который в своем стремлении к компромиссам избегает доводить идеи Гегеля до их логического конца. Он также присутствовал при полном фиаско Шеллинга, впервые выступившего зимой 1841–42 гг. с изложением своей реакционной системы. По этому поводу появилась в Лейпциге, в 1842 г. брошюра анонимного автора, которая, согласно письму А. Руге к Розенкранцу (апрель 1842 г.), была написана Бакуниным, жившим тогда уже в Дрездене. Ее заключительные страницы впервые показывают нам революционного Бакунина, увлекающегося Фейербахом. Он призывает «рискнуть наконец своей жизнью в последней священной войне, за которой последует тысячелетнее царство свободы»... «...великий решительный день, день сражения народов приближается, победа должна быть на нашей стороне». В этих вдохновенных призывах он говорит правда пока только о философском бое, но все же они прежде всего обнаруживают темперамент, победивший наконец покой абстрактного мышления.

В Берлине Бакунин жил несколько времени вместе с Тургеневым. Там же он познакомился с Фарнгагеном фон Энзе, сохранившим навсегда к нему чувство глубокой симпатии. Летом 1841 г. он ездил в курорт Эмс. Когда он оставил Берлин, неизвестно. Весной 1842 г. он был уже в Дрездене, где он близко сошелся с Арнольдом Руге и его друзьями, группой радикальнейших гегельянцев. Его брат Павел и Тургенев также прожили некоторое время в Дрездене, и там же Бакунин познакомился с музыкантом Адольфом Рейхелем, происходившим родом из Восточной Пруссии, и приобрел в его лице истинного друга на всю жизнь.

Опубликование сочинения Бакунина «Реакция в Германии. Письмо француза» в журнале «Deutsche Jahrbücher» (17–21 октября 1842 г.), выходившем под редакцией Руге, представляет собою поворотный пункт в его жизни. Статья эта подписана псевдонимом «Жюль Элизар», но авторство Бакунина не сохранилось в тайне, и таким образом не приходилось больше думать о преподавании в русском университете. Бакунин, впрочем, уже давно был и без того скомпрометирован в политическом отношении благодаря своим связям с радикальнейшими немецкими кругами, а также и с поляками. Статья эта направлена против половинчатых и тепловатых, компромиссных течений. Заключительные слова статьи общеизвестны, менее известен весь заключительный абзац: «Будем-те же доверять вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он является непостижимо глубоким и вечно творящим источником жизни. – Дух разрушения есть в то же время созидующий дух!»

В начале ноября 1842 г. в Дрезден приехал Гервег, путешествовавший тогда по Германии, и остановился у Бакунина. Спустя несколько недель положение Бакунина стало непрочным очевидно он не согласился на требования неофициального характера вернуться в Россию, а Саксония, где вскоре после этого был закрыт журнал Руге, не могла считаться безопасным для него убежищем. Вследствие этого он уехал вместе с Гервегом из Лейпцига в Швейцарию (через Страсбург) в начале января 1845 г.

В Цюрихе он прожил несколько месяцев, приятно проведенных в кружках тогдашних тамошних немецких радикалов, среди которых были Юлиус Фребель, Август Фоллен и др. Его боевое жизнерадостное настроение обнаруживается в написанном в мае 1843 г. и напечатанном в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» (Париж, 1844 г.) письме его к Руге, под заглавием: «В. an R.» Уже в его статье, появившейся в октябре 1842 г., Бакунин проявляет большой интерес к социализму, но преимущественно в философском смысле. Остается неизвестным с каким из социалистических течений он познакомился раньше; во всяком случае романы Жорж-Занд, находившейся тогда под влиянием Пьера Леру, произвели на него сильное впечатление. Но в Цюрихе он вступил в прямые сношения с немецкими коммунистами вейтлинговского направления и в течение краткого периода времени с самим Вейтлингом, и с тех пор (а может быть еще со времени, когда он жил в Дрездене) воспринял социализм со всеми его крайними выводами. При этом он однако не проникся столь распространенной тогда верой в определенную спасительную систему и не соглашался жертвовать свободой в пользу равенства. Темперамент и философское образование заставляли его прежде всего крепко держаться принципов свободы и революции, так что он вскоре перерос кружки рабочего коммунизма Вейтлинга, Августа Бекера и др., или вернее – он никогда к ним и не принадлежал. Кабэ также не оказал на

него никакого влияния, впоследствии его не мог привлечь на свою сторону Маркс, и сочувствовал он только взглядам Прудона, за исключением философских воззрений последнего. Одним словом, можно сказать, что, отбросивши консервативное гегельянство, державшее его мысль в оковах с 1837 г. до 1840 г., Бакунин быстро и уверенно пришел по существу к своим позднейшим воззрениям, не веря в реальность какойнибудь компромиссной точки зрения.

Несколько анонимных статей Бакунина под общим заголовком «Коммунизм» появилось в журнале Фребеля «Der Schweizerische Republikaner» (Цюрих, 2, 6, 13 июня 1843 г.). В ночь с 8-го на 9-го июня был арестован в Цюрихе Бейтлинг, и Бакунин должен был тогда немедленно покинуть этот город. Пользовавшийся печальной известностью Блюнчли опубликовал его фамилию, найденную в бумагах Вейтлинга (21 июля). Русский посол в Берне немедленно потребовал от цюрихского правительства доставления сведений о Бакунине, и таким образом впервые против него началось официальное следствие. Бакунин уехал в Проманту под Нионом, на Женевском озере, где он поселился в доме итальянского эмигранта Пескантини. В течение следующих месяцев он жил также в Женеве и Лозанне, где он встречался с немецкими коммунистами и сторонниками «Молодой Германии». Вслед за этим он совершил путешествие по Альпам вместе с Рейхелем и Августом Бекером (Шамони, долина Роны, Мейринген, Гримсель и т. д.). Наконец он в октябре приехал из Ниона в Берн, где завязал тесное знакомство с семейством Фохтов, находившимся в родстве с Фолленом. Но в феврале 1844 г. он был вызван русским послом в Берне, сообщившим ему о приказе немедленно возвратиться в Россию. Тогда он предпочел покинуть Швейцарию и в середине февраля выехал в Брюссель.

Там он виделся с несколькими поляками, в том числе с Лелевелем, а также с русскими знакомыми, проезжавшими в Париж через Брюссель. Сам он впервые поехал в Париж в мае, а в середине июля 1844 г. он поехал туда вторично, и на этот раз он там остался жить.

В течение следующих лет Бакунин познакомился с самыми разнообразными прогрессивными кругами Парижа; при этом он однако сохранил свою независимость и лучше всего чувствовал себя в маленьком кружке действительно свободомыслящих людей, в числе которых были Рейхель, Гервег и его жена, Прудон и впоследствии Герцен. Также хорошо он чувствовал себя в описанном Карлом Фохтом веселом обществе естествоиспытателей и любителей в Сен-Серване под Сен-Мало, где он жил летом 1845 г. Он близко познакомился с кружком «Форвертс» (Париж, 1844 г.), но чем ближе он узнавал французов, тем больше он удалялся от немцев, за исключением упомянутых личных друзей. Мелкая душа Руге, начавшего тогда уже опускаться, и злой характер Карла Маркса, затмевавший его блестящие способности, показали ему, что революции нечего ждать от этих кружков филистеров и педантов. Я не буду называть имена тех многих французов, с которыми он вел знакомство и из которых каждый почти имел особую социалистическую систему для собственного потребления. Большой интерес представляют его встречи с Прудоном, с которым он однажды имел дискуссию, продолжавшуюся целую ночь до утра. Многие из русских друзей Бакунина приехали в то время в Париж; в 1847 году приехал Герцен и позже безнадежно больной Белинский. В эти годы в печати мало что появилось принадлежавшее перу Бакунина. 27 января 1845 г. появилось его письмо в «Reforme», после того как он, в конце декабря, был заочно осужден к лишению всех прав состояния и к пожизненной

ссылке в Сибирь. В этом письме он впервые высказался по поводу положения дел в России. 12 марта 1846 г. он поместил письмо в «Constitutionnel» о жестокостях русского правительства в Польше. В октябре 1844 г. он написал «Изложение и развитие идей Фейербаха», которое никогда не было напечатано. Это были для него интересные годы, течение которых он узнал много нового. Но в то же время это были для него годы горьких разочарований, так как столь страстно и с такой уверенностью ожидавшаяся им революция все еще не приходила. Бакунин сделал ей шаг на встречу, выступив 29 ноября 1847 года со своей известной речью на польском собрании. Это было его первое публичное выступление, и он бросил тогда в лицо официальной России выражение своего презрения и стыда за нее. Следствием этого выступления было его изгнание из Франции (декабрь 1847 г.). Не ограничившись этим, министр граф Дюшатель, подстрекаемый русским послом Киселевым, пытался возвести на Бакунина гнусное обвинение, на которое Бакунин дал ему достойный ответ («Réforme», 11 февраля 1848 г.).

Он уехал тогда в Брюссель, где вращался в польских кругах и где он опять встретился с кружком Маркса, от которого у него осталось неприятное впечатление. Вряд ли ему удалось бы долго удержаться в Брюсселе, и поэтому он уже подумывал о переезде в Лондон, но известие о парижской февральской революции заставило его немедленно возвратиться в Париж. Первые свои впечатления о новой революции он изложил в статье, напечатанной тогда в парижской «Réforme». Так пришла наконец революция, которую он так долго и страстно ожидал.

Я ограничиваюсь здесь только очень беглым обзором планов и деятельности Бакунина в течение 1848–49 гг., так как более подробное резюме деятельности его в этот период я поместил в берлинском журнале «Socialistische Monatshefte» за 1898 г. – Он предвидел с самого начала, что временные победы в феврале и марте еще не обеспечивали торжества революции и что необходимо ее углубление, иначе поднимавшая голову реакция отнимет все ее завоевания. Он видел, что дальнейшее развитие революции может явиться только следствием совместного действия демократических партий всех стран, чему реакция старалась воспрепятствовать путем возбуждения национальной ненависти и приготовления национальных войн. Своей личной задачей, к выполнению которой едва ли был подставлен кто либо иной, он считал революционизирование славян для того, чтобы они могли примкнуть к европейской революции вместо того, чтобы стать орудием реакции, которая, как это и случилось в действительности, могла их толкнуть на путь национальной ненависти. Это была очень трудная задача; у него не было точки опоры, он должен был сам создать для себя все средства и помощников. В глазах всех «солидных» демократов, за исключением немногих, он постоянно являлся беспокойным человеком, мешавшим им предаться опять отдыху и погрузиться в спокойный сон. Вследствие этого его деятельность дала тогда больше планов и попыток, чем конкретных результатов. Но он все же остается одним из немногих людей, которые отдавали себе в 1848 г. ясный отчет в действительном положении дела и поднялись над иллюзиями и ошибками масс.

После несколько счастливых недель, проведенных в атмосфере энтузиазма февральских и мартовских дней, когда отовсюду приходили известия о победе революции, Бакунин оставил Париж в начале апреля, уже несколько разочарованный. Его ближайшим

намерением было присоединиться к ожидавшейся польской революции и попытаться перенести ее внутрь России. С этой целью он поехал в Бреславль, тогдашний центр польского движения, где он принял участие в организованных Дембинским в начале мая польских совещаниях. По пути он заехал в Франкфурт, где он познакомился с целым рядом немецких демократов; в Кельн, где он окончательно порвал с Марксом и Энгельсом из-за осуждения своего друга Гервега; в Берлин, где полиция сначала стала его беспокоить, но потом – это было месяц спустя после 18 марта – оставила его в покое, и наконец в Лейпциг, где он опять встретился с Руге. Вслед затем он появился на славянском конгрессе, состоявшемся в начале июня в Праге, где он выступил с пропагандой своих идей в самой неблагоприятной обстановке, так как настоящие заправилы конгресса менее всего преследовали прогрессивные цели. Возможно, что некоторые из его мыслей вошли в манифест: «к народам Европы». О его тогдашних взглядах по славянскому вопросу мы можем судить, по проекту «Статуты новой славянской политики», с которым конгресс не ознакомился. Конгресс был прерван военным нападением, поведшим к революционным выступлениям. В продолжение недели Пятидесятницы Бакунин находился в центре революционного движения в Клементинском квартале, где вел агитацию между студентами. 19 июня он оставил Прагу и направился в Бреславль. Здесь его застала позорная клевета, появившаяся в «Новой Рейнской Газете» от 6 июля 1848 г., вполне опровергнутая им посредством полученного письма от Жорж Занд (Сравн. «Нов. Рейнскую Газ.» от 16 июля и 3 августа и статью Маркса в лондонской газ. «Morning Advertiser»). Клевета эта все же временно помешала его деятельности. Его душевное настроение и мрачная оценка тогдашнего положения обнаруживается в нескольких письмах его, написанных в 1848 и 49 гг. к Георгу Гервегу (Письма эти напечатаны в сборнике «1848-ой год», Мюнхен, 1898 г.) Так, напр., в начале августа он пишет: «Я не верю в конституции и законы: наилучшая конституция не удовлетворила бы меня. – Мы нуждаемся в чем то ином; в буре и в жизни и в новом, лишенном законов, а потому и свободном мире». В середине июля 1848 г Бакунин поехал в Берлин, где он встречался с поляками, с демократическими депутатами и целым рядом других лиц. Там же он тогда познакомился с Максом Штирнером и по настоянию общих друзей помирился с Марксом. 22 сентября он опять поехал в Бреславль и 6 октября был выслан из Пруссии; 9 октября, проезжая через Саксонию, он был выслан также и из этой страны. Верное убежище он нашел в тогдашнем маленьком оазисе свободы, в Ангальте, где он и прожил до января 1849 г., в Кетене и Дессау, вращаясь в сочувствовавших ему кружках ангальтских демократов. Там же он часто встречался с министром-демократом Габихтом и др. Этими месяцами внешнего покоя он воспользовался для издания «Воззвания к славянам» (Кетен, 1848 г.). Но главным образом он был занят заговорщической деятельностью, т. е. попытками склонить революционные элементы разных стран к новому выступлению весной 1849 г. До сих пор осталось неясным степень участия других революционных деятелей того времени в этом направлении. Из его усилий ничего не вышло, но во всяком случае вполне установлено, что Бакунин видел единственный путь к спасению революции в таком объединении отдельных движений и работал очень энергично в этом направлении. Благодаря этому он стал наиболее ненавидимым для реакции человеком, внушавшим ей страх более чем кто-либо другой. И это произошло не благодаря каким-либо его утопическим стремлениям, а как раз потому, что он был практичнее всех других и пытался прибегнуть к самому опасному для реакции средству: к объединению сил революции.

С января до начала марта 1849 г. он жил нелегально в Лейпциге, откуда он вел сношения с целым рядом молодых чехов, находившихся в Праге; кажется, что он также однажды сам с большой опасностью для себя ездил в Прагу. Заговорщики надеялись на восстание в Праге, в котором должны были принять участие чешские крестьяне; быть может, имелось в виду совместное выступление с польскими повстанцами, которое должно было воспрепятствовать вмешательству России в Венгрии. Бакунин стал еще энергичнее работать в этом направлении, когда несколько позже, начались выступления в связи с немецкой имперской конституцией. С марта месяца Бакунин избрал центром своей деятельности Дрезден, бывший более важным центром чем Лейпциг. Отправка Рекеля в Прагу с письмом Бакунина от 30 апреля 1849 г., показывает, что планы Бакунина были совершенно реальны, хотя, с другой стороны, фактический опыт Рекеля, в Праге обнаружил, что для осуществления этих планов имелись слабые материальные основания. После взрыва дрезденской революции были произведены в Праге массовые аресты, и многие чехи и немцы просидели в тюрьме после долгих судебных процессов до 1857 г.

Роль Бакунина в дрезденской майской революции общеизвестна (3–9 мая 1849 г.). В теснейшем контакте с временным правительством он работал самым энергичным образом днем и ночью, и имя его внушало саксонским мещанам панический страх. С остатками борцов майской революции он уехал утром 9 мая в Фрейберг, вместе с Гейбнером и Рихардом Вагнером. На последнего Бакунин оказал очень сильное влияние, и тот в своих сочинениях того времени сам открыто об'являл себя сторонником анархии. В Фрейберге, где Бакунин в последний раз предложил план, впрочем неосуществимый, вторжения в Богемию, добровольческие отряды были распущены, и Гейбнер, Бакунин и некоторые другие уехали в Хемниц, где их встретили как будто бы дружески, но в ту же ночь, с 9-го на 10-ое мая, когда они спали, на них напали саксонские мещане, арестовали и выдали прусским солдатам, в Альтенбурге. Солдаты повезли их далеким кружным путем через Лейпциг в Дрезден, где они были посажены в тюрьму. Тут начинаются тюремные годы Бакунина.

В ночь с 24-го на 25-ое мая Бакунин, Гейбнер и Рекель были переведены в Нейштадт, в кавалерийскую казарму, где они просидели до 29 августа, когда их перевели в крепость Кенигштейн. О тогдашнем настроении Бакунина дают представление его письма из крепости к своему другу Рейхелю. На допросе он открыто говорил о своих идеях и действиях, отказавшись сказать что бы то ни было о других соучастниках. 14 января 1850 г. им был вынесен смертный приговор в первой судебной инстанции, 16 апреля приговор был подтвержден во второй инстанции. В начале июня смертный приговор был им заменен пожизненными каторжными работами. Гейбнер отбывал каторгу до 1859 г., а Рекель до 10 января 1862 г. Бакунину пришлось просидеть в заключении меньше, чем им обоим. 13 июня 1850 г. он был выдан Австрии и посажен в монастырь Св. Георгия в Праге; с марта 1851 г. он находился в строжайшем заключении в Ольмюце. Здесь его постоянно допрашивали о пражском майском заговоре, и 15 мая его присудили к смертной казни через повешение, но тут же смертный приговор был заменен пожизненным тяжелым заключением в тюрьме. Немедленно после этого он был выдан России, чему он был рад, так как нигде условия заключения не были так тяжелы для него, как в Австрии.

Его привезли в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин. Здесь не было никакого судебного процесса, а от допросов он отделался тем, что составил адресованное Николаю общего характера письмо или записку. В начале Крымской кампании, в 1854 г., он был переведен в Шлиссельбург. Он заболел цынгой, потерял все зубы и впал, после того, как он и после смерти Николая не был освобожден, в такое состояние духа, что несомненно покончил бы с собою, если бы его семье не удалось в марте 1857 г. добиться ссылки его на поселение в Западную Сибирь.

После того, как он прожил на свободе неделю в Петербурге и один день в Прямухине, Бакунин был отправлен в апреле 1857 г. в Томск. Здесь, а впоследствии в Восточной Сибири, он жил совершенно свободно, если не считать ограничений в местожительстве и полицейского надзора. Вскоре он сумел достичь такого положения и морального влияния, какого никто из ссыльных не достигал, хотя в более тесных кругах они всегда пользовались известным моральным влиянием. Он стал встречаться здесь с декабристами и петрашевцами, с поляками и молодыми сибиряками, которым он старался привить идею Соединенных Штатов Сибири. Впоследствии он сообщал со своим родственником, губернатором Восточной Сибири Муравьевым-Амурским, строил планы, представляющиеся нам почти непонятными, так как мы ничего не знаем о лицах, в расчете на которых эти планы строились. При различных обстоятельствах Бакунин принимал участие в таких предприятиях, от которых, по нашему представлению, ему следовало бы держаться подальше. Но, как мы еще много раз увидим, он следовал в таких случаях побуждениям своей активной натуры, делавшей невозможным для него подобное воздержание.

Старания Муравьева-Амурского добиться полного помилования Бакунина потерпели неудачу, и последний стал добиваться разрешения переехать в Восточную Сибирь. В марте 1859 г. он приехал в Иркутск. Он часто ездил в качестве служащего Забайкальской Амурской Торговой компании. Несколько позже он получил другое место у золотопромышленной компании. Когда Муравьев-Амурский оставил Сибирь, Бакунин осуществил в 1861 г. свой план бегства. Его бегство не было связано ни с какими физическими лишениями, но потребовало с его стороны большой ловкости, так как ему пришлось своим искусным обхождением с ними провести целый ряд лиц для того, чтобы не быть узнанным. Он сумел до последнего момента, до прибытия в Японию, изображать в глазах русских чиновников и судовых капитанов свое бегство в виде легальной деловой и научной поездки. Выехавши из Иркутска 5/17 июня 1861 г., он прибыл по Амуру в Ново-Николаевск 2/15 июля. В Японию, в Хакодате, он прибыл в августе. Оттуда он направился через Иокагаму в Сан-Франциско, куда прибыл 15 октября; 21 октября он приехал в Панаму и 15 ноября в Нью-Йорк; 14 декабря он был в Ливерпуле и 27 декабря приехал в Лондон, где он направился прямо к Герцену и Огареву, в семейный круг которых он попал вечером совершенно неожиданно. Здесь он встретил братский прием и сразу стал тем-же прежним Бакуниным. Уже в Японии он встретился с одним из участников дрезденской майской революции, В. Гейне, с которым он вместе поехал в Сан-Франциско (имя В. Гейне значится в судовом списке). В Сан-Франциско и в особенности в Нью-Йорке он встретил старых знакомых, так что бегство его удалось как нельзя лучше. Жена его, Антония, дочь поляка, на которой он женился в Томске в 1858 г., смогла с ним встретиться только весной 1863 г. в Стокгольме.

Теперь Бакунин взялся с новой колоссальной энергией за работу, стараясь возместить потерянные годы и своими призывами привлечь к делу революции элементы, отошедшие от нее с 1849 г., или вновь народившиеся. Поход Гарибальди на Сицилию и Неаполь, предстоявшее польское восстание, развитие революционной пропаганды в России, все это и многое другое предсказывало наступление нового движения. 60-ые годы действительно стали новым революционным периодом, продолжавшимся вплоть до войны 1870–71 гг., когда благодаря войне реакция окрепла на продолжительный срок. Усилия Михаила Бакунина оставались часто безуспешными. Между людьми 48-го года он чуть ли не единственный остался молодым, и прошли годы, пока он не привлек окончательно на свою сторону целый ряд людей, большей частью из среды молодежи, и пока, наконец, ему не представилась настоящая возможность развить пропагандистскую и агитационную деятельность в среде революционно-настроенных рабочих и студенческой молодежи Интернационала, от которого берет начало большинство современных революционных течений.

Вначале он остался жить в Лондоне, где его возвращение приветствовала группа английских рабочих. Здесь он познакомился с Мадзини, Саффи, Луи Бланом, Таландье, Линтоном, Голиоком, Гарридо и многими другими. Но здесь же опять воскресла старая клевета, выдвинутая группой Уркарта, к которой стоял близко Маркс. Клевета эта, впрочем, повторялась и в 50-ые годы, когда Бакунин сидел в тюрьме. Действительная совместная работа с Герценом и Огаревым, издателями «Колокола», была невозможна, и его русские издания излагают личные его воззрения, его старую программу. Такого прежде всего его воззвание «К русским, польским и всем славянским друзьям» (15 февраля 1862 г.) Брошюра же «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», написанная в июле того же года, соответствовала, как ему казалось, практической потребности современной ситуации (см. письмо Бакунина к Герцену от 19 июня 1866 г.).

Он искал связей на всех границах для ввоза печатных произведений в Россию, знакомился со всевозможными славянами, армянами и др. и немного мешал своими слишком откровенными разговорами Герцену в его дипломатическом стремлении привлечь на свою сторону русских сектантов, желавших только быть суеверными на свой собственный лад и т. д. В общем это была несколько чересчур стремительная деятельность, не дававшая пока никаких результатов, а тем временем приближение польского восстания поглотило на целый год энергию Бакунина.

Только лишь польский вопрос привел к внешнему политическому объединению Герцена и Огарева с Бакуниным, причем перо Герцена и его «Колокол» в соединении с личностью Бакунина представили собой такую силу, что польские комитеты выразили готовность вести с ними переговоры как с равной силою. Эти лондонские эмигранты рассматривались как представители тайной русской организации «Земля и Воля» – впоследствии оказавшейся совершенно мифической – и офицерского комитета русской армии, стоявшей в Польше, душою которого был Андрей Потебня, единственный, кто сумел умереть за свое дело. Из многих предпринятых в связи с этими обстоятельствами шагов я перечислю только следующие: поездку Бакунина в Париж (август – сентябрь 1862 г.), благодаря которой между прочим, должно было быть достигнуто соглашение с Мирославским, закончившееся однако обоюдной ожесточенной полемикой; поездку в Лондон делегатов варшавского

Центрального Комитета, Подлевского, Гиллера и Миловича (в конце сентября) давших свое согласие на выставленное русскими представителями требование об отказе от исторической Польши, и на автономию Литвы, Украины и Белоруссии; это был высший момент дружественных отношений; и, наконец, поездку Потебни в Лондон, о которых рассказал в 1870 г. Бакунин в своей брошюре, написанной для русских офицеров.

Отношения вскоре охладели, так как в польской организации одержало верх аристократическое течение, и слышать не хотевшее об отказе от исторической Польши и о возвращении земли крестьянам и возлагавшее надежды на французское вмешательство. Офицерская организация Потебни не находила более никакой действительной поддержки, также как и план Бакунина о создании русского легиона, который он, напр., настоятельно отстаивал в одном своем письме от 3 февраля 1863 г. Наконец польский комитет передал ему свою просьбу отложить его поездку в Польшу и свою деятельность в ней (см. письмо Бакунина от 9 июля 1863 г.). Таким образом русские эмигранты могли содействовать польскому восстанию только посредством создания диверсии в России. Много говорилось тогда о казацких и сектантских восстаниях, о великой организации «Земля и Воля», о Кавказе и Финляндии, но если для этих разговоров и были кой-какие основания – революционные элементы России не проявили тогда никакой инициативы.

Благодаря всем этим обстоятельствам Бакунину пришлось остаться в Швеции, где он нашел сравнительно удобные условия для продолжения своей деятельности. 21 февраля он выехал из Лондона через Гамбург и Киль в Копенгаген, готовясь в случае соглашения с поляками отправиться в российскую Польшу вместе с ними, но, прождав напрасно, он приехал пока в Стокгольм. Оттуда он, будучи вызван на английское судно «Ward Jackson», отъезжавшее из Саутэнда 22 марта с польской экспедицией Лапинского, выехал в Гельсингфорс, куда приехал 26 марта. С подготовкой этого неудавшегося предприятия он не имел ничего общего. На этом судне он отправился в Копенгаген и Мальмэ, откуда возвратился 31 марта в Стокгольм. Действовать в таком направлении оказалось совершенно невозможным, но Бакунин, сделавший все, что он мог, для преодоления встретившихся затруднений, никоим образом не мог быть ответственным за неудачу. Его деятельность в Швеции состояла в том, что он старался повлиять на общественное мнение посредством статей (в «Aftonbladet») и речей (наиболее значительная речь была произнесена им 28 мая). Кроме того он путем личного знакомства старался оказать влияние на самые решительные и прогрессивные элементы шведского общества. Целью его пропаганды было об'явление Швецией войны России, причем он наряду с Польшей упоминал постоянно и о Финляндии. Частным образом он приобрел много новых связей, между прочим и с Финляндией, и постоянно, хотя и безрезультатно, стремился к тому, чтобы наконец непосредственно познакомиться с организацией, якобы существовавшей в России. Несмотря на энтузиазм и оптимизм, который он высказывал в своих открытых выступлениях, он в действительности был сильно разочарован неудачей польского восстания и крахом связанных с ним надежд, возможностей. В своем письме от 29 августа 1863 г. он вынужден был сказать, «...даже самый лучший поляк враждебно относится к нам как к русским». Уже тогда он решил провести зиму в Италии, и в октябре того же года он выехал сначала в Лондон и вскоре затем в Италию. Тут заканчивается период его славянской деятельности (1862–63 г. г.). Он убедился очевидно, что национальные стремления непригодны даже как средство, и с этого времени начинается подготовительный период его интернациональной

социально-революционной деятельности (1863–1867 г. г.), за которым последовала его открытая деятельность в этом направлении.

В конце января 1864 г. он поехал во Флоренцию, через Брюссель, Женеву, Турин, Геную, Капреру (где он посетил Гарибальди), и Ливорно, отыскивая всюду старых знакомых и новых людей, примкнувших к движению. Несмотря на неудачу польского восстания он чувствовал, что на западе реакция подходит к концу – и начинается опять революционная пора (письмо от 24 апреля 1864 г.). Он жил во Флоренции, где встречался с итальянцами (Дольфи, Маццони, Берти, Калура и др.), русскими (Лев Мечников и др.), поляками, венграми и т. д. Он занимался еще иногда некоторыми польскими делами (отправка Мечникова к Гарибальди и т. д.) и впервые сделал попытку основания тайной организации (об этом ниже).

Летом он жил в курорте Антиньяно под Ливорно и позже, в августе, поехал, неизвестно с какой целью, в Швецию, где на этот раз пребывание его привлекло мало внимания. В октябре он поехал обратно во Флоренцию и по дороге остановился в Лондоне (где Маркс посетил его и уверял, что он никогда на него не клеветал), в Брюсселе и Париже (где он последний раз виделся с Прудоном). Во Флоренции он оставался до лета 1865 г. Это лето он провел в Сорренто, а в начале октября приехал в Неаполь, где остался, вместо предполагавшихся нескольких месяцев, почти на два года (до сентября 1867 г.), причем в летние месяца он жил в Ишли (1866–67 гг.).

В Сорренто и Неаполе Бакунин познакомился с целым рядом молодых людей, принимавших уже участие в итальянском движении, как Фанелли, Гамбуцци, Фрисчия, Тучи, или с еще более молодыми, как А. Драмис, де Люка, Милети, а впоследствии Кармело, Палладино и др. Тут же он встречался с поляками Валерьяном Мрочковским, русской княгиней З. О. Оболенской, которая оказывала наиболее существенную материальную поддержку и с др. Для итальянского революционного движения он старался завоевать наиболее способные элементы из среды мадзинистов и гарибальдийцев, причем он мадзиниевскому религиозному патриотизму на буржуазной подкладке противопоставлял атеистический интернационализм на социально революционном базисе. Его первые итальянские статьи, в «Popolo d'Italia» (1865 г.) и в «Liberta e Giustizia» (1867 г.) и первый номер летучего листка «La Situazione», мне неизвестны. Но по программе итальянской тайной организации (1866 г.) мы можем себе составить определенное представление о том направлении деятельности Бакунина в итальянском движении этого времени, которое я охарактеризовал выше. Те же взгляды Бакунин развивает в своем письме к Герцену от 19 июля 1866 г. и, наконец, в более старых документах, напр., в масонских рукописях и в революционном катехизисе (1866 г.). Для того, чтобы избежать всяческих затруднений в своей работе, он старался действовать возможно более конспиративно, так как благодаря наущениям русских властей на него постоянно возводились разного рода нелепые обвинения – в поджогах в России, в выделке фальшивой монеты в Италии и т. п. Об этом он, между прочим, писал 29 мая 1867 г. в своем письме к Фанелли. По этой причине в течение этого времени в «Колоколе» появились за его подписью все лишь два заявления, и он был совершенно забыт, что вполне соответствовало его желанию.

В течение этих лет русское движение далеко перешагнуло через Герцена. Молодежь, приносившая всю свою жизнь в жертву движению, сначала относилась критически, а вскоре враждебно к странной позиции Герцена, который, с одной стороны, стал относиться критически к революционерам, а, с другой стороны, становился все доверчивее к самым ничтожным либеральным мероприятиям русского правительства. Кроме того Герцен не верил уже более в под'ем западноевропейского революционного движения и оставался одиноким в своем безнадежном разочаровании. Бакунин продолжал верить в молодежь и в пролетариат и возлагал большие надежды на будущее. Их частая взаимная критика в переписке, в которой до сих пор иногда оказывался правым Герцен, заканчивается в пользу Бакунина его блестящим письмом от 19 июля 1866 г. В этом письме он – как и позже, 22 июня 1867 г., приводил всевозможные доводы, чтобы заставить Герцена отказаться от своих предрассудков по отношению к молодому поколению, но ему так и не удалось переубедить Герцена.

В Италии Бакунин только случайно встречался с отдельными русскими; и только в 1868 г. в Вевей и Кларане представилась ему возможность организованной пропаганды. Здесь он нашел безусловных последователей в лице Николая Жуковского и его жены, а в лице Николая Утина и его кружка сначала сомнительных друзей, а потом явных врагов. Предполагалось основать типографию в Берне. Появился номер «Народного Дела» (1 сентября 1868 г.), целиком написанный Бакуниным и Жуковским. Разрыв с Утиным и другие обстоятельства, вызвавшие переезд Бакунина в Женеву, положили конец его участию в этом издании. Подготавливавшаяся им брошюра на французском языке «Революционный вопрос в России и Польше» (1868 г.), в которой он также собирался выяснить свои недоразумения с поляками по поводу последнего восстания, не была закончена и осталась ненапечатанной.

Однако свою главную задачу Бакунин видел в следующего рода деятельности: привлечь к своей более тесной программе, которая была безусловно атеистическо-анархистско-социалистической, наиболее интеллигентных, честных и энергичных людей, выступавших в освободительных движениях разных стран; организовать тайное совместное действие этих людей, посредством которого начинающимся народным движениям было бы придано революционное, прежде всего разрушающее государство направление; движения эти должны были бы быть поддержаны одновременными движениями в других странах, и таким образом, как он часто высказывал, должна была быть создана невидимая, безличная (и поэтому не дающая места тщеславию) революционная диктатура, которая воспрепятствовала бы распылению революционных сил и их отклонению от прямой цели. В этом состоит основная мысль всей его неустанной деятельности с 1864 г. до 1874 г. Все это однако основывалось на личных, частных отношениях целого ряда революционеров между собою. Что же касается сложных статуты и программ, появившихся при этом, то они имеют второстепенное значение, и появление их должно быть приписано слабости быть может Бакунина, а быть может тех, для кого они были предназначены. Не следует однако по ним судить о ценности основной мысли, которая гораздо яснее проявляется в действительной истории распространения левого крыла Интернационала в Италии и Испании, южной Франции и романской Швейцарии.

Из всей истории деятельности Бакунина в течение этого периода, которую, по весьма понятным причинам, можно передать только в отрывочной форме, я выдвигаю следующие моменты: Его попытки привлечь франко-масонов (Флоренция, 1864 г.), о чем свидетельствуют также и отрывки из рукописей, показывающие, что он выработал свое мировоззрение к тому времени в совершенно ясной форме, в какой он высказал его позже в своей книге «Бог и государство». Попытки эти остались безуспешными, и он сам от них отказался. Его поездка в 1864 г. была им использована для привлечения членов в свою организацию. Лучшую почву нашли старания его в этом направлении в Неаполе, и в июле 1866 г. Бакунин писал Герцену о товарищах, завербованных им в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Бельгии, Франции, Испании и Италии, о поляках и нескольких русских. В этом письме упоминается также и о поездке с этой целью Мрочковского. Из рукописей мы имеем перед глазами: невероятно подробный устав «Организация» и длинное изложение основных идей общества («Революционный катехизис») – обе эти рукописи (французские) относятся к 1866 г.; печатные итальянские программы и статуты; более краткий и очевидно более старый рукописный отрывок: «Программа Общества Интернациональной Революции» (по-французски). – Организация именуется просто «интернациональное революционное общество», а члены «интернациональными братьями», так что обычным названием общества стало «Интернациональное братство».

Едва ли необходимо упоминать, что все это происходило раньше, чем Бакунин вступил в какую бы то ни было связь с Интернационалом. В то годы это общество жило едва заметной жизнью. Главные лидеры французской ветви – Толен, Фрибург и др. – находились под подозрением в бонапартизме, Маркс и его немецкие сторонники являлись представителями старого авторитарного коммунизма, и кое-где (Швейцария) процветал буржуазный социализм в духе Кульери. Только в Бельгии движение шло по пути свободного социализма.

Вследствие этого Интернационал до 1867 г. мог иметь для Бакунина лишь очень слабую притягательную силу, тем более, что он знал, что главным вождем этой организации был его старый враг – Маркс. И таким образом он работал со своими друзьями отдельно. Когда в 1867 г. был созван в Женеве всеобщий мирный конгресс, который должен был объединить республиканские и радикальные элементы Западной Европы, Бакунин увидел в этом с'езде благоприятный случай впервые выступить публично со своей настоящей программой, а также завязать в интересах своего тайного общества много новых связей. С этой целью он и некоторые из его товарищей отправились в сентябре 1867 г. в Женеву.

В женевском мирном конгрессе (9-12 сентября 1867 г.) принимали участие не только известнейшие французские и немецкие деятели 48-го года, новое республиканское поколение Франции (за исключением бланкистов), остаток немецкой демократии, Гарибальди и многие демократы других национальностей, но также 26 из 64 делегатов лозаннского конгресса Интернационала, французские, бельгийские, швейцарские секции, члены Генерального Совета и т. д.; из принципиальных соображений держали себя в отдалении Мадзини, Герцен и часть поляков. Бакунин приготовил рукописный текст подробной речи; но в действительности он произнес 10 сентября речь, не справляясь с рукописью, и небрежно отредактированное изложение этой речи имеется в «Анналах» конгресса. Свои принципы он резюмировал в тосте, произнесенном на прощальном банкете, в следующих словах: федерализм, социализм, антитеологизм. Это были предтечи более

ясных слов: анархия, коллективизм, атеизм, легших в основу программы свободнического течения Интернационала. Он стал членом постоянного Центрального Комитета ново-основанной Лиги Мира и Свободы, который должен был заседать в Берне. Он и его более интимные друзья, Жуковский, Мрочковский, Наке и др., прилагали все усилия к тому, чтобы упомянутые основные положения, представленные ими Комитету в детально обработанном виде, были им приняты; но это было безнадежным предприятием. Все это привело лишь к тому, что началось печатание этого сочинения, под заглавием «Революционный вопрос, Федерализм, Социализм и Антитеологизм», но печатание было приостановлено после выпуска нескольких листов. (Сочинение это было издано лишь в 1895 г. в Париже).

В 1867–68 гг. Интернационал переживал период сильного под'ема, Лига же влачила жалкое существование. Буржуазные члены Лиги удовлетворялись вполне спокойствием мирной жизни и разговорами, обычными на конгрессах всех подобных мирных организаций. Бакунин же стремился об'единить серьезные элементы демократического движения с Интернационалом и действительно добился того, что принятая 1 июня 1868 г. центральным комитетом программа членов Бернского конгресса включала его идеи, хотя и в весьма ослабленном виде. Кроме того комитет в секретном циркуляре вполне признал значение рабочего движения и высказывал пожелание, чтобы Лига «стала политическим выразителем великих экономических и социальных интересов и принципов, столь победоносно развиваемых и распространяемых теперь великой международной ассоциацией рабочих Европы и Америки». Интернационал, как чисто экономическая организация, базирующаяся на солидарности всех рабочих и естественно не имеющая никакой более узкой сектантской программы, и рядом с ним эта Лига (как впоследствии Альянс, в качестве боевой и пропагандистской организации с революционной программой Бакунина – это была по всей вероятности тогдашняя цель его, которая и была впоследствии осуществлена в другой форме. Очевидно, однако, что деятельность Бакунина в Комитете, до бернского конгресса Лиги (сентябрь 1868 г.) имела известный успех, так как его тактика была предложена Лиге конгрессом.

Но брюссельский конгресс Интернационала вотировал резкую резолюцию, которая отрицала за Лигой право на отдельное существование и приглашала ее вступить в Интернационал. Бакунин, сразу узнавший в этой резолюции руку Маркса, в письме к президенту комитета Лиги подчеркнул необходимость для Лиги стать немедленно на чисто социалистическую точку зрения и не дать себя заstraщать этим нетерпимым к ней отношением. С этой целью он потребовал от бернского конгресса Лиги признания социального вопроса главным вопросом, признания экономического, а не только политического равенства (23 сентября). Но его предложение было отклонено, и это привело к выходу Бакунина и его товарищей (18 членов конгресса) из Лиги после прочтения написанного Бакуниным протеста (25 сентября), подписанного между прочими Элизе Реклю, Жуковским, Мрочковским, Аристидом Рей, В. Жакляром, Альбером Ришаром, Фанелли и др. Выступившие образовали «Интернациональный альянс социалистической демократии».

Бакунин провел этот год в трех местах под Вевей и Клараном и много раз ездил в Берн. Весной 1868 г. он дал в письме, помещенном в парижской «Democratie» наиболее полное к тому времени изложение своих идей (если не считать его итальянских сочинений. Речи,

произнесенные им на Бернском конгрессе, в особенности его речи против религии (24 сентября), свидетельствуют о том, что его мировоззрение достигло высшей точки своего развития. В Берне он также говорил о национальном вопросе и о России (25 сентября).

«Братство» усилилось в 1867 г. в Женеве, главным образом благодаря вступлению в его ряды членов французов и Николая Жуковского. Последний стал в течение этого года как бы секретарем Бакунина и работал очень энергично, поддерживая своего учителя в его решении рассчитывать только на рабочих (а также и на молодежь).

После выхода из Лиги Бакунин предложил собравшимся на совещание в Берне членам Братства вступить по одиночке в Интернационал, сохраняя втайне связь между собою. Но перевес взяло мнение французов и итальянцев, указывавших, что помимо тайной связи должна существовать соответствующая открытая организация, и таким образом был основан «Интернациональный Альянс социалистической демократии», который должен был в качестве отдельного целого вступить в Международную Ассоциацию рабочих, но притом наряду с программой Интернационала иметь свою собственную атеистическую анархистско-революционную программу и собственную интернациональную организацию (центральное бюро в Женеве).

Бакунин вместе с некоторыми из своих друзей уехал в Гассе Дюпра (под Клараном), откуда Фанелли, Элизе Реклю и Рей отправились в поездку по Испании. Остальные вместе с Бакуниным поехали в Женеву, где они вступили в центральную секцию Интернационала и устроили ряд совещаний о своей тайной организации. Вскоре, 28 октября 1868 г., образовалась женевская секция открытого Альянса в составе 85 человек, из которых многие впрочем вышли из этой организации.

Представляется невозможным без длинных раз'яснений даже отчасти резюмировать имеющийся обширный материал обо всем происходившем в интимном кругу, в Братстве, и изложить его в кратких чертах, так, чтобы не породить новых недоразумений. Благодаря личным раздорам возникшая против воли Бакунина, как он это сам констатировал в 1873 г., задача – установить соответствие между деятельностью Интернационала и братства, открытого и тайного Альянса – была осложнена и практически оказалась совершенно невыполнимой. Только весной 1859 г. дело окончилось тем, что Братство было распущено, а также был распущен и непризнанный Генеральным Советом открытый Альянс. Тогда близкие друзья Бакунина стали членами Интернационала и вместе с тем сохранили частую связь между собою, как между союзниками; так что получилось то положение вещей, к которому Бакунин стремился в Берне. Все остальное было лишь проектом и осталось исключительно на бумаге.

Одно во всяком случае можно установить с точностью: то, что Маркс выдает в своей брошюре об Альянсе (1873 г.) за статуты, хронологически неотделимо от определенных рукописей, самим Бакуниным названных проектами, – а эти проекты написаны были до известных совещаний в Женеве и Шапонеире, состоявшихся в январе 1869 г. и приведших к уходу некоторых от Бакунина, который, впрочем и сам их ценил невысоко. Таким образом Маркс выдал эти, неизвестно путем какого вероломства попавшие к нему, проекты за статуты, поступок настолько же некритический, предательский и смехотворный, как если

бы кто-либо вытащил из корзины для старой бумаги какого-нибудь конгресса никогда не принятые или даже не обсуждавшиеся всякого рода предложения и выдал их за резолюции конгресса только потому, что они начинаются с фразы: «Конгресс решает...»!!!

То, что Бакунин думал о столь многократно извращавшихся взаимоотношениях между Интернационалом и Альянсом (тайным), он самым детальным образом изложил в целом ряде писем, отправленных им по всем направлениям, напр., в письме к Альберу Ришару от 7 февраля 1870 г. («Revue de Paris», 1 сентября 1896 г., стр. 126–7), в письмах, приводимых в Биографии, в письмах в Испанию (к Пауло, от 21 мая 1872 г.; к братьям del'A. 1872 г.) и др.

Международная Ассоциация Рабочих должна была, по его мнению, стать выражением экономической солидарности всех рабочих и захватить в свои ряды миллионы пролетариев. Если бы эта организация выставила официальную, политическую и социалистическую программу, то она сразу опустилась бы до положения секты, из нескольких тысяч человек. Этого никогда не должно случиться. Но для того, чтобы привить этим массам революционное направление, внутри Интернационала должна образоваться организация, сознательно революционная по своей программе и тактике, существование которой должно оставаться в тайне. Это и есть Альянс. Только таким путем можно добиться того, чтобы неосознательные массы, лишь благодаря Интернационалу познающие солидарность своих интересов, могли действовать в качестве революционной силы. Вместе с тем тайный характер организации дает возможность противодействовать тщеславию, авторитарности и стремлениям к диктатуре.

С октября 1868 г. Бакунин жил в Женеве и в промежутке времени до базельского конгресса (сентябрь 1869 г.) вел пропаганду в пользу Интернационала в романской Швейцарии. Из написанного им в течение этого периода упоминаю: составленное им женевское обращение к испанским рабочим (21 октября 1868 г.); его речь на народном собрании от 23 ноября 1868 г.; отрецензированный им и в главной части принятый проект статута конституированной 3 января 1869 г. в Женеве романской федерации Интернационала; главным образом им отрецензированное до осени 1869 г. периодическое издание «Egalité», в которой им помещены кроме небольших статей и заметок несколько серий статей: «Les Endormeurs», «L'Instruction intégrale», «La Montagne», «Le jugement de M. Coullery», «Politique de l'Internationale», «De la Coopération», в которых он выяснял сущность псевдосоциалистических направлений; подготовку докладов базельскому конгрессу (его доклад о наследственном праве) и т. д.

Помимо этого он постоянно присутствовал на собраниях и комитетских заседаниях женевской секции Альянса, и сохранившиеся, частью цитированные в Биографии, протоколы заседаний дают нам возможность наблюдать детально за всей его пропагандистской и организаторской мелкой работой; он также составил проект статута секции. И, наконец, он открыл широкое поле для своей агитации благодаря нескольким своим поездкам в Юру, где он нашел наиболее убежденных и постоянных последователей. В феврале, а затем опять в конце мая 1869 г. он ездил в Юру и написал тогда ряд статей в «Progrès», выходившем в Локле, которые должны были, очевидно, дать изложение всей его системы, но были прерваны посредине.

Базельский конгресс является высшим пунктом развития Интернационала, как общей организации. Свободнические течения, руководимые в Швейцарии и Южной Европе Бакуниным, во Франции Варленом и его товарищами, в Бельгии де Папом и др. взяли перевес на этом конгрессе и оттеснили на задний план авторитарные идеи Маркса. В сознании успешного развития левого крыла сторонники Бакунина легкомысленно предоставили Генеральному Совету более широкие полномочия, причем Бакунин выступил в защиту этого предложения. Это было грубой ошибкой, что и выяснилось вскоре, так как Маркс использовал столь печальным образом предоставленную ему власть. В дискуссиях о наследственном праве и земельной собственности Бакунин принимал деятельное участие.

Вскоре, после этого, приблизительно 30 октября 1869 г., он оставил Женеву и уехал через Лугано в Локарно, (2 ноября), произведший на него сразу самое приятное впечатление. Письмо его к Огареву от 23 ноября дает представление о размерах его переписки в то время: он переписывался с 44 лицами, причем к 19-ти из них он писал, по крайней мере, раз, а иногда два-три раза в неделю, и не менее двух раз в месяц, к остальным не менее одного раза в два месяца. Тогда же он начал с большой неохотой для заработка, переводить на русский язык «Капитал» Маркса, который он называл «экономической метафизикой». В первой половине 1870 г. он ездил неоднократно в Женеву, специально по поводу русских дел. В период от 12 марта до 11 апреля он пробыл в Женеве и воспользовался этим, для того, чтобы повлиять на тактику юрцев, принятую ими после конгресса в Шо-де-Фоне. Он вообще старался использовать эти свои поездки, чтобы устраивать собеседования со своими друзьями, преимущественно в Невшателе. Во второй половине апреля он ездил в Милан, в мае, а также и в конце июня опять в Женеву. Но положение в Женеве было столь напряженным, и русские дела настолько захватывали, что он не принимал участия в открытой пропаганде, посещая только заседания секции Альянса.

Наряду с этой агитационной деятельностью в Женеве и на Юре, он развивал деятельность также и в некоторых других направлениях. Из этой его деятельности я могу только вскользь указать на его связи с Лионом (Альбер Ришар) и Марселем (Андре Бастелина), а также и с Парижем, не столько с Малоном, на которого он не слишком полагался, как с Варленом, Полем Робэном, Элизо Реклю и др. Письмо его к лионскому собранию от 13 марта 1870 г. резюмирует его идеи о тактике революции во Франции. Следует сказать, что бельгийцы никогда не были его сторонниками в полном смысле этого слова, несмотря на дружественные отношения существовавшие между ним и бельгийскими членами Интернационала, и на то обстоятельство, что бельгийцы в то время все без исключения принадлежали к свободническому течению. В тактике Бакунина, им не нравилась подготовка революционного движения посредством тайной организации. В Италии с начала 1869 г. вел агитационную деятельность неапольский бакунинский кружок, но к концу 1871 г. эта агитация не дала особенно заметных результатов. Но зато в Испании процветал Интернационал, вызванный к жизни поездкой Фанелли, а вместе с тем быстро возник и испанский Альянс, сначала в Барселоне и Мадриде, а затем, в июне 1870 г., конституировавшийся в испанскую федерацию.

Я опускаю более мелкие эпизоды, вроде поездки болгарских революционеров к Бакунину в Женеву (1869 г.) и их совещания с ним. В кратких словах невозможно изложить его отношения к Нечаеву (1869–70 г. г.). Прежде всего следует забыть все написанное об этом

на основании сведений, полученных из вторых рук или посредством злонамеренного использования источников (как, напр., марксовская брошюра об Альянсе). В действительности дело сводилось к следующему. В начале 1869 г. в России существовало студенческое движение с агитационным комитетом во главе, к которому Нечаев стоял очень близко. Несомненно, что Нечаев дал Бакунину преувеличенные сведения об этом комитете и, заметивши сильное впечатление, произведенное его личностью и столь долгожданными известиями о существовании действительной организации в России на охваченного энтузиазмом Бакунина, он впоследствии постепенно стал мистификатором, искренно стремясь при этом действовать на пользу революции и вместе с тем оставаясь по существу бланкистом-террористом, чуждым более благородных свободных воззрений. Нечаев в течение долгого времени оказывал влияние на Бакунина и слабого Огарева и таким образом очень сильно их компрометировал и эксплуатировал, пока, наконец, долготерпение Бакунина не лопнуло, и он не понял, что Нечаев видел в нем не товарища, а лишь орудие для осуществления своих планов.

В течение этого агитационного периода Бакунин написал: «Несколько слов молодым братьям в России» (1869 г.); «Наука и современное революционное дело», (брошюра, 1869 г.) «К офицерам русской армии» (январь 1870 г.); «Русский отдел интернационального Альянса социальной демократии – к русской молодежи», (февраль 1870 г.) Первые три сочинения подписаны именем Бакунина, последнее не подписано но несомненно принадлежит ему. Наоборот, тщательное изучение оригинальных текстов всех других русских изданий, на которое ссылается брошюра Маркса об Альянсе, заставляет меня считать их произведениями Нечаева, который в лучшем случае мог вставить в них некоторые идеи Бакунина, как, напр., несколько соответствующих идеям Бакунина мест о разбойнических движениях в России. На первый же взгляд видно, что большинство этих прокламаций и других изданий не могут принадлежать перу Бакунина, и прежде всего прокламация о русском дворянстве, которую Маркс так злобно использовал в брошюре об Альянсе.

В течение этого времени Бакунин написал также несколько вещей на французском языке о русских делах: о смерти Герцена (в «Marseillaise»), «Письма о революционном движении в России», адресованные Либкнехту в «Volkstaat», апрель 1870 г.); «La Police suisse» (о преследовании Нечаева, в «Progrès», Локль, 19 февраля 1870 г.); легко и популярно написанная брошюра о ценности права убежища в Швейцарии: «les Ours de Berne et l'Ours de St. — Pétersbourg» (Невшатель, 1870 г.) и т. д. Бакунин задался планом об издании в Женеве большого русского журнала, программу которого он развивает в письме к Лаврову от 15 июля 1870 г. Это происходило по всей вероятности после разрыва с Нечаевым, и во всяком случае в то время, когда продолжение сношений с ним стало уже невозможным. Поэтому Бакунин хотел вместе с Огаревым продолжать русскую пропаганду без Нечаева, чему больше всего воспрепятствовало событие, направившее все его планы в другую сторону – немецко-французская война. С этого момента Бакунин поставил своей задачей уже больше не пропаганду и не полемику, а действие.

В течение периода 1868–70 г., когда Бакунин занимался пропагандистской деятельностью, старые и новые клеветники и враги его продолжали ставить ему препятствия на каждом шагу. Марксовская интрига росла и разбухала и нашла себе усердных помощников в женевских политиках, в грязных карьеристах а la Утин в гиенах журнализма вроде

Боркгейма и т. д. Можно заметить некоторое различие между официальной кампанией авторитетных крючкотворов Генерального Совета и женевских организаций и официозной кампанией которую вели посредством лжи и клеветы марксовские лейб-журналисты.

Генеральный Совет отказался 22 декабря 1868г. принять интернациональный Альянс в состав Международного Общества Рабочих, что было правильно с формальной точки зрения. Тогда Альянс распустил себя, его секции также себя распустили или вступили в Интернационал в качестве его секции; так поступила женевская секция Альянса, принятая Генеральным Советом, в качестве секции. (Письмо Эккариуса от 28 июля 1869г.). Женевский центральный комитет отказался, однако, принять женевскую секцию Альянса (август), и то же самое решение по этому поводу, вынес и Романский Федеральный Комитет (сентябрь). Когда же большинство романского конгресса, состоявшегося в Шо-де-Фоне в апреле 1870г., приняло секцию Альянса, то женевское меньшинство оставило конгресс. С тех пор начался раскол между свободной Романской Федерацией, которая стала с ноября 1871 г., называться Юрской Федерацией, наиболее выдающейся по своей революционности из всех швейцарских организаций, с одной стороны и Романской Федерацией женевских политиканов, с другой. Последние отомстили тем, что исключили 13 августа 1870 г. Бакунина, Жуковского и Перрона из женевской центральной секции, не смотря на требование Бакунина о представлении сформулированного обвинения и о суде чести. «Egalité» также была в январе 1870 г. посредством интриги вырвана из рук ее тогдашней редакции и передана пресловутому Н. Утину, сделавшему ее орудием в руках женевских политиканов.

Генеральный Совет вел борьбу против Бакунина за его спиной. Он выпустил против Бакунина циркуляр 16-го января 1870 г. и так называемое «конфиденциальное сообщение» (25 марта 1870 г.). В то же время Утин собирал для Маркса материал об Альянсе. Каким образом собирался этот материал осталось неизвестным; ценность же этого материала мы показали выше.

Сверх всего этого Бакунин был оклеветан в позорных статьях, написанных Боркгеймом и появившихся в берлинской «Zukunft» и в либкнехтовском «Demokratisches Wochenblatt» (1869 г.). Бакунину было также известно, что А. Бебель в своем письме к И. Ф. Беккеру писал про него, что он по всей вероятности русский агент и сотрудник «прусского агента» фон Швейцера. (Письмо Бакунина к Беккеру от 4 августа 1869 г.). Суд чести Базельского конгресса признал, что Либкнехт, напечатавши эту ложь, действовал с предосудительным легкомыслием. Этот урок возымел свое действие ровно на 6 месяцев, в течение которых «Volksstaat» напечатал даже воззвание Бакунина к русской молодежи. С 16 марта 1870 г. Боркгейму опять была предоставлена полная свобода, и он начал в целом ряде заметок клеветать самым отвратительным образом на Бакунина, Герцена, Нечаева и т. д. Другую массу лжи напечатал Мориц Гесс в парижском «Réveil» от 2 октября 1869 г. На конгрессе в Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.) выступил с целым рядом клеветнических обвинений Утин вместе с некоторыми женевцами. О том, что писали эти люди по данному поводу в своих письмах друг к другу, дают представление выдержки из писем Маркса, его жены и т. д. к криводушному И. Ф. Беккеру, напечатанных когда-то Р. Рюэггом в «Neue Zeit».

Бакунин горел желанием ответить этой милой компании раз навсегда и этим расчистить себе почву для теоретической борьбы с Марксом. Рукопись его письма в «Réveil», переписка с Герценом и другие касающиеся этого места в письмах к разным лицам показывают, как часто он хотел свести публично счеты со своими врагами; все-таки он постоянно сдерживал себя и молчал, так как он некоторым образом стыдился за Маркса, т. е. он настолько высоко ценил его полезность для движения, что не мог себе разрешить, публично обнаружить его дурной характер и тем, быть может, совершенно устранить его из движения. Таким образом борьба со стороны Маркса велась посредством употребления или злоупотребления предоставленной ему официальной властью и при более чем терпимом его отношении к самым гнусным поступкам своих сторонников и друзей. Он избегал всякой теоретической дискуссии по основным вопросам, как, напр., вопрос о свободе об авторитете, о революции, политике и т. д., и поэтому интернациональные конгрессы, публичность которых ему совершенно не была по вкусу, или совсем не созывались, как это было в 1870 г. и 1871 г., или же превращались, как в 1872 г. в карикатуру конгресса. Так подготавливал Маркс свою формальную победу, в то время, как фактически победило, как мы увидим, левое крыло Интернационала.

Взрыв немецко-французской войны заставил Бакунина приступить к практическому действию. Он предвидел, что за этой войною должен последовать долгий период торжествующего милитаризма, что власть государства возрастет до чудовищных размеров и что таким образом установится та железная неподвижность закостенелой реакции, которую мы до сих пор видим вокруг себя[1]. Всем возможностям, которые носили в себе 60-ые годы, всем надеждам на новый 93-ий или 48-ой год, на этой раз социалистический, который должен был наступить после падения императорского режима во Франции, угрожала верная смерть. Единственно возможным путем спасения Бакунин считал народные восстания, во время войны, имеющие своей целью социализм и разрушение государства. Вместо того, чтобы, подобно руководителям всех рабочих партий, попусту потратить первые решающие недели на провозглашение мирных манифестов, а затем умыть свои руки, Бакунин пытался вызвать движение, по крайней мере, в южной Франции, Италии и Испании. Вначале он был лишен возможности действовать иначе, как посредством всестороннего настойчивого проповедывания этой идеи. Так, он в письме к Огареву от 11 августа сообщает, что за последние три дня он написал 23 длинных письма. В течение следующих недель он мог уже лично встречаться со своими итальянскими друзьями и вместе с тем написал во Францию изложение своих идей о современном положении в ряде писем, из которых часть была немедленно напечатана в сокращенном виде, в форме брошюры, под названием «Lettre à un Français sur la crise actuelle» (сентябрь 1870 г.). Вскоре затем важнейшим пунктом для революционного действия оказался Лион. 4-ое сентября открыло возможность отправиться во Францию и подготовить там же на месте революционное выступление, хотя, конечно, при неблагоприятных обстоятельствах. Бакунин, предварительно поведши между лионцами настойчивую пропаганду необходимости самого быстрого выступления, предоставил затем себя самого в их распоряжение. Предложение это было принято, и во второй трети сентября он выехал из Локарно в Лион через Берн, Невшатель и Женеву. Подготовка продолжалась несколько дней, и все это время он, несмотря на все разочарования, проявлял лихорадочную деятельность возбуждая во всех энергию и объединяя все имевшиеся на лицо силы. Затем наступило 28-ое сентября, день

выступления, когда влияние перешло временно в руки группы Бакунина, но день этот закончился чем то худшим, чем кровавое поражение, а именно – чем то вроде мирного отступления и соглашения, которое означало, конечно, торжество господствующей партии. Тактика последней состояла в том, чтобы в решительный момент как бы исчезнуть с горизонта, и когда революционеры не встретили временно никакого сопротивления, они потеряли свою энергию и были затем легко застигнуты врасплох. Бакунин сам очутился в опасном положении. Втечение нескольких часов он находился в заключении; там его ограбили и вообще обращались с ним грубо, пока его не освободили товарищи. Его выставили в глазах публики козлом отпущения, и ему пришлось скрыться. 29 сентября он оставил Лион и до конца октября он жил нелегально в Марсели, где сочувствовавшие движению партии еще не были разбиты и действительно выступили в ноябре. Оттуда еще он продолжал вести настойчивую пропаганду необходимости дальнейших выступлений в своих письмах в Лион, в которых он писал о своих целях и о требованиях момента, сообщая, между прочим, о своей готовности вернуться туда. На этих же вопросах он останавливается в рукописях (о которых я скажу позже), а также и в наброске одного письма (от 20 октября), относительно которого неизвестно, было ли оно отправлено по адресу. Он уехал из Марселя на отходившем в Геную судне и оттуда возвратился обратно в Локарно, в котором оставался безвыездно до середины марта 1871 года.

Печальный опыт привел Бакунина к глубокому убеждению относительно неспособности и разложения буржуазии, независимо от того, выступает ли она под монархическим, республиканским или псевдо-социалистическим знаменем и укрепил в нем уверенность в необходимости социальной революции. Но вместе с тем он получил впечатления, против которых он боролся и которые впродолжение ряда лет не проявлялись в его действиях и словесных выступлениях: его вера в дремлющие в пролетариате революционные инстинкты и страсти, нуждающиеся для своего пробуждения лишь в примере и инициативе нескольких убежденных революционеров – эта вера впервые была в нем потрясена.

Когда неудача во Франции сделала невозможной для него активную работу а пропагандистской деятельности помешало печальное положение дел в Швейцарии – интриги в Женеве и глубокий кризис, вызванный войной на Юре, – Бакунин бросился на новое поле деятельности; он взялся за теоретическое изложение своих идей, которым он был занят впродолжение целой зимы в Локарно. План этот закончился тем, что вместо теоретического сочинения он стал сначала писать политическую брошюру на современные темы. После изложения положения вещей во Франции и, как раз не беспристрастного обзора развития немцев – эта часть одна только была тогда опубликована под названием «L'Empire knouto-germanique et la Révolution sociale» (май 1871 г.) – он перешел к краткому очерку «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», за которым последовали блестящие очерки, известные всем под названием «Dieu et l'Etat» (издано в 1882 г.); за ними последовали дальнейшие очерки подобного же рода, важнейшая часть которых впервые была напечатана в 1894 г. и 1895 г. Множество заброшенных рукописей и вариантов показывает, как тщательно Бакунин работал над этим сочинением, которое также, как и его предтеча, Антитеологизм (1867-68 гг.), осталось ненапечатанным. После Коммуны он мог подумать об издании дальнейшей тетради, для которой он написал «введение», в незаконченном виде напечатанное в 1871 г. под названием «La Commune de Paris et la notion de l'Etat» («Парижская коммуна и понятие о государстве»). Но и эта тетрадь

не была напечатана. С другой стороны, тщательная обработка своих мыслей о происхождении религии и государства как раз тогда дала ему возможность особенно блестяще подготовиться к выступлению против Мадзини, напавшего на социализм и Парижскую Коммуну (его письмо в брюссельскую «Liberte», август 1871 г., перевод которого на итальянский язык появился в свет в Милане и послужил началом успешной пропаганды в Италии).

Первое впечатление, произведенное Парижской Коммуной на Бакунина, осталось нам неизвестным. В то время он, быть может, как раз находился на пути во Флоренцию. Во всяком случае и у него был краткий период оптимизма, во время которого он поощрял возникавшие тогда в особенности на Юре планы по оказанию помощи Коммуне. Уже 9 апреля он писал к Огареву: «меня самого била лихорадка, но теперь я остыл. Я слишком ясно вижу, что дело проиграно». Он предвидел расколы внутри Коммуны и безучастное отношение провинции. Он желал хотя бы того, чтобы парижане погибли героически и поставили весь мир перед новым огромным фактом, который пережил бы временную победу милитаризма. И, таким образом, когда он в начале второй половины апреля ездил из Локарно в Сонвилье на Юре и оттуда спустя приблизительно три недели в Локль, где он пробыл около недели, то он имел, между прочим, в виду быть поближе к центру в случае благоприятного поворота событий, но вместе с тем он хотел, как это можно заключить из его письма от 9 апреля, предостеречь от выступлений с недостаточными средствами, которые заранее были осуждены на неудачу.

Он прочел тогда несколько докладов в центральной секции округа Куртелари (май 1871 г.), которые были напечатаны с записи в 1895 г.; они представили собой популярное резюме его идей. В первой половине июля он в печальном настроении вернулся в Локарно, после того, как он и его юрские друзья сделали все, что было в силах, для спасения беглецов Коммуны.

В то время, когда Бакунин вскоре бросился со всей своей энергией в итальянскую пропаганду, столь счастливо начатую полемикой с Мадзини, Маркс был занят подготовкой так называемой Лондонской Конференции (сентябрь 1871 г.), посредством которой он хотел обойти общий конгресс Интернационала, не обещавший ему ничего хорошего.

Согласно известиям, полученным из Лондона, женевские политики оспаривали факт принятия секций Альянса в Интернационал, и когда затем из Лондона был затребован по этому вопросу ясный ответ – да или нет, – то Маркс и его агенты затянули дело на целые месяцы. Понадобилась бурная сцена, описанная Полем Робэном, для того, чтобы заставить Маркса сознаться, что правда в этом случае была на стороне Альянса, о чем было заявлено в письме Г. Юнга к секции Альянса от 25 июля 1871 г. После этого эта секция добровольно себя распустила, для того, чтобы, как она заявила, не служить более яблоком раздора. Ближайшей причиной было стремление не втягивать в спор французских эмигрантов, сочувствовавших принципам секции. С Бакуниным при этом не посоветовались; он протестовал против роспуска, который он рассматривал как унижение, и стал побуждать своих товарищей к составлению мемуара, обсуждавшегося в 1870 г., относительно спорных вопросов в романской Швейцарии, к посылке делегата на Лондонскую конференцию и к передаче всего спора на третейский суд бельгийского федерального совета. Из всего этого

ничего не вышло, только идея «Мемуара» не была оставлена. В конце концов она была осуществлена, и весной 1873 г. появился в свет «Мемуар Юрской Федерации».

Недостаток места не позволяет изложить здесь, как развивался Генеральный Совет Интернационала, состоявший с 1864 г. все из тех же самых лиц, пополнявшийся посредством кооптации и ставший покорным орудием в руках Маркса. Немцы беспрекословно повиновались Марксу, англичане предоставили ему всецело все континентальные социалистические дела, к которым они были совершенно равнодушны, из французов же он, опираясь на такое верное большинство, терпел только тех, кто согласен был действовать вполне по его указке, т. е. людей шестого или седьмого ранга, вроде Серралье или своих родственников (Лонге и Лафарг). После Коммуны появились в Лондоне французские эмигранты, но люди, сочувствовавшие левому крылу, попали в Генеральном Совете в невыносимое положение, а Маркс сблизился, с 1871 г. вплоть до Гаагского конгресса, как раз со старыми врагами Интернационала – бланкистами. Положение стало невыносимым даже для старых друзей Маркса, как, напр., для Германа Юнга, секретаря для Швейцарии, когда за спиною Маркса стал выступать Энгельс, который приехал в Лондон из Манчестера в 1870 г. и действовал в качестве подстрекателя и «натравителя», превзойдя Маркса в злобности и интриганском искусстве.

Генеральный Совет нашел следующее средство для того, чтобы избежать открытой дискуссии. По его решению конгресс 1871 г. не был созван, и вместо него состоялась частная конференция (17–23 сентября 1871 г.) из 23 человек, из которых 14 были члены Генерального Совета. На этой конференции были приняты резолюции по всем спорным вопросам, желательные Генеральному Совету, окончательное редактирование которых он принял на себя; в этих резолюциях сделан был также шаг вперед по пути навязывания Интернационалу «политического действия», т. е. сектантской программы.

Этот скандальный поступок привел, наконец к открытому протесту левого крыла, побуждаемого вновь конституированной в Женеве «Section de propagande et d'action révolutionnaire socialiste», в состав которой входили французские эмигранты, а также прежние члены секции Альянса и между прочими – Жуковский. Жуковский в конце октября ездил в Юру, и после ряда совещаний дело было передано на рассмотрение конгресса Романской федерации, состоявшегося 12 ноября 1871 г. в Сонвилле (Юра). Этот конгресс решил распустить Романскую федерацию и основать Юрскую федерацию, издать предположенный впервые еще в секции Альянса 8 июня 1870 г. Мемуар и разослать циркуляр ко всем федерациям Интернационала, известный и популярный документ, явившийся достойным ответом на произвольные действия Генерального Совета. Он встретил сочувственный прием в французских секциях, в Бельгии, Италии, Испании. Только предложение о немедленном созыве конгресса было заменено постановленной на Рождестве 1871 г. бельгийским Интернационалом выработкой проекта новых статуты для Интернационала.

Бакунин, согласно его собственному заявлению, не имел ни прямого ни косвенного отношения к составлению этого циркуляра. Здесь так же, как и в вопросе о роспуске секции Альянса женевцы, и в особенности Жуковский, близкие отношения которого с Бакуниным прекратились, действовали самостоятельно и в этом случае поступили даже несколько

невежливо по отношению к Бакунину. Он приветствовал появление циркуляра самым горячим образом и стал очень усердно распространять и комментировать его, в особенности в Италии, о чем свидетельствует множество имеющихся на лицо рукописей и писем. Распространял он этот циркуляр и в Испании, с которой у него возникли некоторые разногласия, вскоре впрочем устранившиеся и интересующие нас теперь лишь постольку, поскольку они служат доказательством независимости всех этих групп друг от друга, что разбивает сказку о бакунинской диктатуре, распространявшуюся марксистами, которые, впрочем, иначе и не могли себе представить положение дела.

Бакунин остался также доволен бельгийскими резолюциями, принятыми на Рождестве 1871 г.

Он постоянно имел в виду действительное движение и возможности революционных выступлений и ожидал их в 1872 г., прежде всего в Испании. Чтобы справиться с серьезностью положения и предстоявшими первыми ударами реакции он настойчиво советовал итальянцам образовать в возникающих в большом числе открытых секциях тайные группы из самых решительных элементов; об этом он пишет, например, в одном письме, в марте или апреле 1872 г. (вскоре после смерти Мадзини). Относительно себя лично он желал только одного – остаться незамеченным, и поэтому, когда постоянно распространявшаяся на его счет клевета стала, после назначения Энгельса секретарем Генерального Совета для Италии и Испании, распространяться и в этих странах, он попытался прибегнуть к последнему средству примирения: написать частное письмо Генеральному Совету, и с этой целью он попытался посредством письма к А. Лоренцо в Барселону (май 1872 г.), достать точные сведения обо всем сказанном о нем на Лондонской конференции. Мы видим таким образом, что до последней минуты Бакунин подчинял свою личную обиду интересам дела и отказывался от личных преступлений.

Не так действовал Маркс, как раз в то время увидевший, что одна из составных частей его интриги, «конфиденциальное сообщение», разосланное в марте 1870 г., раскрыто благодаря лейпцигскому процессу о государственной измене (заседание 16 марта 1872 г.), и почувствовавший себя беспокойно благодаря решительному поведению бельгийцев, которых он считал до тех пор на своей стороне (так как он воздерживался от всякого вмешательства в их дела!). Поэтому он вместо прежней кампании, ведшейся посредством писем Энгельса, Сералье и др., перешел к способу открытых доносов. Открыл этот новый поход Лафарг, донесший в брюссельский «Liberté» от 5 мая 1872 г. о существовании тайной «Allianza» в Испании (письмо от 12 апреля). Месяц спустя появилась подписанная Генеральным Советом брошюра «Les pretendues Scissions dans L'Internationale», в которой Бакунин и его друзья подвергаются самым гнусным нападкам. В ответ на эту брошюру появился в «Бюллетене» Юрской федерации (15 июня 1872 г.) ряд писем, а также письмо Бакунина от 12 июня, в котором он заявляет, что ожидает регулирования личных разногласий от суда чести на ближайшем конгрессе; что же касается общественных вопросов, то он по этому поводу издаст брошюру еще до конгресса. Брошюра эта не появилась в свет, но имеется обширная рукопись «Aux compagnons de la Fédération des sections internationales du Jura», очевидно представляющая незаконченный набросок этого сочинения.

Бельгийский проект статута, совершенно отменявший Генеральный Совет, был изменен бельгийским конгрессом (19 и 20 мая 1872 г.) в том смысле, что Генеральный Совет был сохранен, но члены его должны были впредь избираться самими федерациями, чем конгресс старался устранить авторитарные замашки Генерального Совета. Юрский конгресс (18 августа 1872 г.) дал делегатам федерации императивный мандат выступить на общем конгрессе с требованием отмены Генерального Совета, действовать солидарно с испанским, итальянским, французским и всеми остальными антиавторитарными делегатами и оставить конгресс, в случае, если какой-либо из этих делегатов не будет на него допущен; так же было наказано делегатам поступить, если конгресс не согласится на свободническую реорганизацию Международного Общества Рабочих. По поводу личных вопросов делегаты должны были рекомендовать полное забвение прошлого, на будущее время – суды чести и исключение клеветников. Ненапечатанный в «Бюллетене», но опубликованный в «Favilla» (Мантуя, 27 августа 1872 г.), пункт этого мандата решает в случае ухода с конгресса: выразить протест и устроить совещание антиавторитарных делегатов для назначения места нового конгресса. Эта тактика, направленная против вынесенного Генеральным Советом 18 июня решения о созыве конгресса в Гааге, была очевидно выработана в полном согласии с Бакуниным, а быть может, даже была непосредственно им предложена. Во всяком случае именно в этом направлении он и его друзья старались повлиять на своих итальянских и испанских сторонников.

Итальянский Интернационал, который уже раньше, несмотря на совет Бакунина, не хотел подчиняться формальностям, будучи действительно настроен революционно, по собственной инициативе, зашел дальше предложений и советов в духе этой тактики. На своей конференции в Римини итальянцы вынесли свою известную резолюцию (6 августа), в которой они заявляют о своем полном разрыве с Генеральным Советом и обращаются к антиавторитарным секциям с предложением не являться в Гаагу, а созвать на тот же день антиавторитарный конгресс в Невшателе. Марксисты старались изобразить дело так, будто это решение было инспирировано Бакуниным, и Энгельс усматривает в нем, «отступление по всей линии» (письмо от 21 августа 1872 г.). Но это совершенно неверно. Было ясно, что дело дойдет до ухода с Гаагского конгресса, и что в Швейцарии (Юра) будет созван антиавторитарный конгресс. Но совершенно не присутствовать на Гаагском конгрессе – это сильно ослабило бы влияние вышеуказанной тактики. Сохранившиеся письма из Италии (август 1872 г.) также показывают, как неудобна была эта резолюция, и как искали средства не приводить ее в исполнение, не беря ее в то же время обратно. Юрцы и испанцы решили обязательно присутствовать на Гаагском конгрессе; итальянцы воздержались от этого и в начале сентября приехали в Швейцарию на антиавторитарный конгресс. Там Бакунин познакомился с некоторыми из них, которых он до сих пор не знал лично; в числе их был и Малатеста.

Таково было положение дел накануне Гаагского конгресса.

С июня 1871 г. Бакунин оставался в Локарно. Его материальное положение было в то время очень стесненное, а в августе 1872 г. он сверх того болел несколько недель. С весны 1872 г. его итальянские и русские связи умножались; в Цюрихе его посетили Кафиеро и группа русской молодежи. В конце августа он ездил в Невшатель, а затем опять в Цюрих.

Я пропускаю детали его пропагандистской деятельности на Юре. Главная часть его деятельности была направлена на Италию и Россию.

В самом начале знакомства Бакунина с Мадзини, происшедшем в Лондоне в 1862 г., обнаружилось самое острое противоречие между их взглядами на все политические, социалистические и религиозные вопросы: с одной стороны, унитаризм, псевдосоциализм и мечтания о боге Мадзини, с другой – федерализм, революционный социализм и атеизм Бакунина. Когда Мадзини выступил в «Roma del Popolo» против коммуны и Интернационала, в особенности в статье «к итальянским рабочим» (13 июня 1871 г.), Бакунин возразил ему в переведенном и выпущенном в качестве приложения к миланской «Gazzettino Rosa» «Riposta» («Ответе») (14 августа), оригинал которого появился в брюссельской «Liberté» (18 и 19 августа). Это одно из лучших его литературных произведений, в котором также соблюдена пропорция между отдельными частями, чего не хватает во многих его писаниях. Позже появилась «Riposta all'Unita Italiana» («Gazz. R.», 10–12 октября) и напечатанная в сентябре в Невшателе брошюра «La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale». Мадзини, который впрочем вскоре заболел и умер в марте 1872 г., не делал никаких существенных возражений, но его последователи начали злобную, личную полемику против Бакунина, и ненависть между мадзинистами и интернационалистами привела в отдельных местах, в особенности в Романье, к политическим убийствам.

По желанию римского рабочего конгресса (1 ноября 1871 г.) Бакунин написал более обстоятельную брошюру «Al miei amici d'Italia...», первое издание которой пропало неизвестно куда; она была вторично напечатана под названием «Il Socialismo e Mazzini» (Анкона, 1885 г., а затем недавно – Имола, 1901 г.).

Большое число рукописных отрывков показывает, в каком виде Бакунин хотел выпустить дальнейшие части своего сочинения «Théologie politique» и внести туда постепенно все свои идеи в виде единого целого. Однако, он прервал полемику, отчасти потому, что цель ее была достигнута. Интернационал в Италии достиг очень сильного развития, а мадзинисты показали себя настолько реакционными, что с ними считались только как с врагами социализма, но уже не как с соперниками его.

Мы располагаем обширным материалом об итальянской агитации Бакунина в течении лета 1871г. Наряду со старыми связями в Неаполе и Флоренции он завязал новые в Милане (из них следует отметить Виченцо Пецца; за ними последовали связи в Романье, Эмилии и т. д. из этих следует назвать Черетти в Мирандоле (через которого Бакунин иногда сносился с Гарибальди), Набруцци в Равенне и позднее Андреа Коста в Имоле и Болонье. Несколько раз закрытая организация в Неаполе вновь была восстановлена в 1871–72 г. г., и Кафиеро, со времени своего посещения в Локарно весной 1872г. а также несколько позже Э. Малатеста, стали самыми близкими товарищами и друзьями Бакунина. Последний считал существенной частью своей деятельности привлечение во всех местах нескольких интеллигентных и решительных рабочих, которых он знакомил во всех деталях со своей более тесной программой; эти уже, со своей стороны, об'единяли рабочую массу в секции на почве экономической солидарности и вели в ней пропаганду, одновременно привлекая наиболее энергичных рабочих к бакунинским идеям. Эти «интимные друзья», как их называли, находились в постоянных сношениях с Бакуниным, и эти частые связи и были «Альянсом».

Письма, адресованные в Романью, дают возможность наблюдать эту агитацию в деталях. Наиболее интересное из этих писем, адресованное Черетти (март или апрель 1872 г.), напечатано в «Société Nouvelle» (февраль 1896 г.); за ним следует длинное письмо от 23 января («al Rubicone...») и т. д. Для нас невозможно останавливаться на отдельных фактах, имевших место в Неаполе, Сицилии, Турине, Милане, Романье, Флоренции и т. д., а также и на постепенном слиянии секций, закончившемся на конференции в Римини (август 1872 г.). Таким образом образовалась итальянская федерация Интернационала, первым органом которого (октябрь 1872 г.) была «Rivoluzione sociale», печатавшаяся в Швейцарии (мною были найдены два номера этого издания).

Личные отношения между Бакуниным и Гарибальди были гораздо дружественнее, чем между ним и Мадзини, но Бакунин никогда не пропускал случая подвергнуть резкой критике недостатки точки зрения и тактики Гарибальди.

Следует еще упомянуть о том, что марксизм был в Италии неизвестной величиной и что итальянский Интернационал после того как он в течение некоторого времени имел дела с Энгельсом, как с секретарем Генерального Совета, возмущенный формализмом, господствовавшим в Интернационале, первый перестал обращать на него внимание и при этом, вскользь будет сказано – действовал совершенно противоположно тому, что настойчиво советовал Бакунин.

История испанского Интернационала в течение 1871–72 г. г. показывает нам наряду с сильным развитием секций и профессиональных союзов, которые стояли все на точке зрения коллективистского анархизма, бессильную попытку Лафарга пересадить марксизм на почву Испании. Эта попытка выразилась главным образом в целой кампании интриг против «Alianza», а затем в публичном доносе Лафарга на эту организацию, за которым последовали неслыханные угрозы Энгельса (письмо от 24 июля 1872 г.). Это привело к роспуску предательски выданного Альянса. Мы не имеем подробных сведений о связи Бакунина с Испанией, – главным образом с Р. Фарга Пелисером, в течение некоторого времени с Г. Сентиплоном, с Т. Г. Мораго, с Алерини (из Марселя), затем с Винасом и др. – так как в нашем распоряжении нет писем, относящихся к ним. Однако некоторые обстоятельства, имевшие место в Барселоне в конце 1871 г., а также наброски или черновики писем в Испанию, написанные весной 1872 г., в которых Бакунин не советовал распускать Альянс, показывают, что его влияние в практических делах было незначительно, несмотря на то, что в принципиальных вопросах испанцы были с ним вполне солидарны. Идеи Альянса распространялись из Испании, судя по некоторым данным, также и в Португалии, и Бакунин, очевидно, писал и туда. Но португальский Интернационал вскоре исчез.

Русская пропаганда Бакунина была почти совершенно прервана с лета 1870 г. вплоть до весны 1872 г., так как дело Нечаева, о котором только лишь очень немногие имели точные сведения, вызвало бесконечные недоразумения. В течении этого периода почти один только А. Росс в Цюрихе оставался доверенным лицом Бакунина. Только весной 1872 г. несколько молодых русских студентов эмигрантов, учившихся в Цюрихе, посетили Бакунина в Локарно, познакомились с делом Нечаева, и быстро сошлись с Бакуниным, образовав вместе с ним группу, вокруг которой стали организовываться многие цюрихские студенты и студентки.

Бакунин жил в Цюрихе с конца июня 1872 г. и своей личностью производил на молодежь сильное впечатление. Славянская Секция Интернационала объединяла русских, поляков и юго-славов на почве составленной Бакуниным программы; вторым центром движения стала русская библиотека в Цюрихе. Последняя попытка Бакунина повести агитацию среди поляков, в польском социалдемократическом обществе, осталась безуспешной. Для дальнейшего развития пропаганды необходимо было приступить к выпуску русских изданий. Попытки войти в соглашение с Лавровым, подготавливавшим издание журнала «Вперед», кончились неудачей, и между сторонниками Бакунина и Лаврова происходили острые трения.

В это время был арестован в Цюрихе Нечаев, живший с 1870 г. тайно в Лондоне, Париже, Цюрихе и др. городах. Арест его (14 августа 1872 г.) произошел вследствие предательства поляка Стемпковского. 27 октября он в качестве якобы уголовного преступника был выдан цюрихским кантоном России. Швейцарское правительство меньше всего было озабочено тем, что после выдачи Нечаева он вместо того, чтобы быть сосланным в Сибирь, был заключен в качестве политического преступника в петербургскую крепость, что лучше всего показывало лживость мотивировки, посредством которой русское правительство настаивало на его выдаче. Он умер в конце 1882 г., постоянно давая в течение этих десяти тюремных лет доказательства своей неукротимой энергии.

В октябре 1872 г. Бакунин возвратился в Лондон, и только еще один раз, весной 1873 г., он приезжал в Цюрих. В конце зимы 1872–73 г. бакунинским кружком в Цюрихе была основана русская типография, выпустившая главным образом три больших тома («Издания социально-революционной партии»): в конце августа 1873 г. появилось «Историческое развитие Интернационала», куда вошли избранные статьи из бельгийских и швейцарских журналов Интернационала вместе с главами, которые их связывали между собой, в том числе было также изложение возникновения «Альянса». В 1874 г. появилась «Государственность и Анархия» Бакунина, являвшаяся началом широко задуманного труда; затем «Анархия по Прудону» не принадлежащая перу Бакунина. В приложении к «Государственности и Анархии» резюмируются последние идеи Бакунина относительно пропаганды в России, там заявляется, что молодежь должна идти в народ, знаменитый лозунг, который многие в течение этих лет с большими жертвами проводили в жизнь. Молодежь в состоянии пробудить и объединить бесчисленные революционные силы, дремлющие в народе – так думал Бакунин. Чувствуется сходство между взаимоотношениями молодежи и народом, с одной стороны, и «Альянсом» и Интернационалом с другой, между «интимными друзьями» и несознательной, но исполненной революционных инстинктов массой. Эта идея проглядывает, во всем что было в то время написано Бакуниным.

Резкое личное расхождение между некоторыми из членов теснейшей группы Бакунина привело к расхождению между ними, причем Бакунин был на стороне А. Росса, между тем как отделившиеся Ралли, Эльсниц и Гольштейн предприняли собственное издательство. Они начали с издания брошюры «К русским революционерам» (сентябрь 1873 г.), в основу которой в действительности легла составленная Бакуниным программа тайной организации. Такой образ действий делал разрыв неизбежным.

После того, как печатание трех томов было закончено, типография закрылась. Цюрих после царского указа о возвращении в Россию русских студентов потерял свое значение в качестве русского центра, и здесь заканчивается русская пропаганда Бакунина в более широком смысле этого слова; с тех пор она ограничивается только воздействием на отдельных посещавших его русских.

В полной Биографии дано детальное изложение всего, что происходило на Гаагском конгрессе (2–7 сентября 1872 г.), составленное по заметкам Жуковского. Только знакомство с этим изложением дает возможность понять вероломство руководителей снабженного американскими, французскими и немецкими мандатами, «большинства» по отношению к «меньшинству», состоявшему из делегатов федераций Бельгии, Голландии, Испании и Юры. Я опускаю все другие пункты и напому только о так называемой следственной комиссии по долу «Альянса», составившей полный противоречий доклад и потребовавшей исключения Бакунина, Гильома и Швицгебеля из Интернационала, – Бакунина, не только из-за причин общественного характера, но еще якобы и из соображения, имеющего личный характер, причем в докладе были употреблены самые оскорбительные возражения по его адресу. Надо заметить, что следствие оставалось долгое время безрезультатным и сделало решительный поворот в сторону обвинения лишь после вмешательства Маркса. Что же касается личного обвинения Бакунина, то в основу его были положены действительные своевольные поступки Нечаева, но Бакунин был здесь непричем. Жившие в Женеве и Цюрихе русские эмигранты опубликовали протест против этого оскорбления Бакунина (4 октября 1872 г.), что вполне достаточно для его реабилитации, но сторонники Маркса никогда ничем не отозвались на этот протест. Конгресс действительно исключил из Интернационала Бакунина и Гильома 27 (25) против 6 (9) голосов при 7 (8) воздержавшихся!

Само собою разумеется, что после этого события меньшинство по достоинству оценило поведение лидеров большинства. 7-го сентября делегаты меньшинства сделали свое известное заявление, согласно которому представленные ими федерации сохраняют формальную связь с Генеральным Советом, перенесенным в Нью-Йорк, но вступают одновременно в прямую связь между собою; согласно этому заявлению, они должны были также встать на защиту всех федераций, которым угрожала опасность со стороны Генерального Совета. Можно сказать, что принятие этого решения означало освобождение одним ударом от власти Маркса в Интернационале. Маркс посредством долголетней интриги создал для себя автократический аппарат управления, который должен был руководить движением всех стран и принуждать к душеспасающему «политическому действию» (т. е. к выборам!). В момент, когда эта задача его казалась достигнутой, когда ему даже удалось стряхнуть своих ближайших союзников и в то же время врагов, бланкистов, посредством перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк, в руки своей креатуры Ф. А. Зорге, в тот момент, когда «политическое действие» (сектантская программа) стало обязательным – в момент величайшего триумфа, личной мести Бакунину и его друзьям – в этот самый момент здание лжи и обмана сразу рухнуло: те, кем он собирался управлять, действительно живые массы Интернационала, сразу все ушли от него. Если все свободническое направление обозначить как бакунинское, то результат был таков: У Маркса остались статуты, Бакунин же имел Интернационал, – первый получил пустую скорлупу, второй все ядро. Никто не мог бы сам себя вернее и решительнее выставить за

дверь, чем это сделал Маркс посредством Гаагского конгресса.

Заявление меньшинства в главной своей части основывалось на изложенной вкратце в императивном мандате Юрской федерации тактике, представлявшей в очень выдержанной форме точку зрения Бакунина. Дальнейшее проведение этой тактики произошло на конгрессе в Сан-Имье (Юра), 15 и 16 сентября, на котором делегаты итальянской, испанской, юрской и французской секций приняли ряд резолюций, большей частью составленных присутствовавшим на конгрессе Бакуниным. После обсуждения вопроса, следует ли порвать и формальные сношения с Генеральным Советом, который потерял уже моральное признание, или следует принять выжидательную точку зрения, сформулированную в декларации меньшинства – было решено – по настоянию итальянцев – пойти на полный разрыв. Затем был принят «Договор дружбы, солидарности и взаимной защиты свободных федераций», в котором еще раз формулировалась тактика императивного мандата. Остальные резолюции имеют теоретический характер.

Бакунин начал писать в октябре 1872 г. общий ответ на нападки на него в форме длинного письма в брюссельскую «Liberté» (впервые напечатано в «Société Nouvelle», июль–август 1894 г.), но он не закончил ни этого письма, ни начатую в конце года рукопись, продолжение «Empire knouto-germanique». В виду недостаточного количества имеющихся писем и рукописей за период 1872–1873 г. г. мы можем говорить о его точке зрения на тактику Интернационала только по неподписанным, но несомненно им набросанным, резолюциям по этому вопросу итальянского конгресса, состоявшегося в марте 1873 г. (см. ниже).

Нет возможности останавливаться здесь на сочувственном приеме, оказанном резолюциям, принятым на конгрессе в Сан-Имье, федерациями, принимавшими участие в этом конгрессе. Но всетаки разрешение вопроса о созыве самостоятельного конгресса, который должен был состояться уже в марте, не подвигалось своевременно вперед, и бельгийцы, в известном смысле образовавшие правое крыло, в то время как итальянцы составляли левое, а испанцы и юрцы центр – так же как в 1871 г. после юрского циркуляра – действовали осторожнее всего. Несомненно набросанная Бакуниным резолюция для Мирандолы – в действительности конгресс состоялся в Болонье (март 1873 г.) – предлагает, чтобы на общий конгресс итальянские делегаты были допущены только под условием подчиниться договору о солидарности и с тем, чтобы у них был мандат, включающий следующие пункты: 1. Восстановление старых предпосылок («Considéranls») Интернационала (в том виде, в каком они были вотированы в Женеве в 1866 г.) – 2. Солидарность в экономической борьбе, как единственное обязательное связующее начало и полная автономия во всем остальном. – 3. Уничтожение всякого авторитета и центральной власти в Интернационале и полная автономия секций и федераций. Эту резолюцию мы можем рассматривать как первое и последнее условие Бакунина для восстановления нормального положения в Интернационале. Общеизвестно, что свободнически настроенные федерации всегда чувствовали себя свободными и смотрели на Генеральный Совет только как на корреспондентское бюро. Резолюция эта положена также в основе реорганизации Интернационала, произведенной на Женевском конгрессе (сентябрь 1873 г.), и она показывает также, что существование Интернационала продолжалось и что из его рядов исчезли только марксовский Генеральный Совет и несколько секций фанатичных

социал-демократов или политиканов.

Дискуссия о ближайшем конгрессе была, наконец, закончена бельгийским предложением, которое гласило, что Юрская федерация должна подготовить созыв общего конгресса в Швейцарии. Юрцы предложили тогда Женеву, где впоследствии Ф. А. Зорге созвал также и авторитарный конгресс.

В конце апреля 1873 г. появился «Мемуар» Юрской Федерации, наиболее важный взнос в историю Интернационала и образец спокойного, делового изложения фактов.

Деятельность Нью-йоркского Генерального Совета не заслуживает того, чтобы мы на ней останавливались; повсюду полнейший провал и бессильное важничанье; свободнические федерации отрешаются от церкви все вместе и каждая в отдельности; уполномоченные для Франции, пользующиеся печальной известностью д'Энтрег и Ван-Геддегем, превращают свои организации в полицейские гнезда; Романская федерация женевских политиканов разлагается и т. д. Женевский «конгресс» 1873 г. увенчал конец этого вполне провалившегося предприятия, а в июле 1876 г. последовал, наконец, и формальный роспуск.

Последним ударом Маркса и Энгельса, увидевших, что все их хитроумно возведенное здание рушится, была составленная ими (вместе с Утиным) брошюра об Альянсе («L'Aliiance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs», 1893 г., датировано 21 июля). В основу испанской главы этой брошюры положена брошюра Лафарга. Это сочинение совершенно лживо уже в самом своем замысле и кишит извращениями в деталях; ни одной цифры в нем нельзя оставить непроверенной. Основой ее послужили исключительно документы, самой следственной комиссией по делу Альянса в Гааге обозначенные в качестве проектов, относительно действительного значения которых для какого бы то ни было времени не было приведено ни одного хотя бы самого незначительного доказательства; затем существование «Alianza» в Испании, связь которого с какой-либо организацией вне Испании не доказана; и наконец письмо Бакунина к А. Мора (5 апреля 1872 г.), в котором упоминается об Альянсе в Италии, Испании и Швейцарии, но без указания на то, в какой форме он существует. Наряду с этим не выдерживающим критики ничтожным материалом имеется обширный вымышленный материал, созданный произвольно тем путем, что каждый поступок, каждый шаг какого-либо принадлежащего к свободническому направлению лица или секции обозначается как поступок «Альянса», причем ему приписываются самые дурные мотивы. Трудно себе представить менее ценный для истории и более лживый материал. Бакунин покончил с этой брошюрой в одном письме в «Journal de Genève» (25 сентября 1873 г.).

Согласно своему плану уйти от публичной деятельности Бакунин не принимал участия в Женевском конгрессе (1–6 сентября), хотя он впрочем тогда как раз прибыл в Берн из Локарно и виделся с некоторыми из участников конгресса. Конгресс, в котором приняли участие делегаты из Швейцарии, Испании, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Англии, реорганизовал Интернационал на свободнических началах и заменил Генеральный Совет федеральным бюро, функции которого на первое время были возложены на бельгийскую федерацию. За Женевским конгрессом последовали конгрессы в Брюсселе (1874 г.), Берне (1876 г.), Вервье (1877 г.), продолжателями которых можно считать – не в организационном,

а в принципиальном смысле – Лондонский конгресс (1881) и съезды Женевский (1882 г.) и Барселонский (1885 г.).

После этой полной победы свободнического направления Бакунин в упомянутом письме от 25 сентября, а также в прощальном письме к товарищам Юрской федерации («Bulletin» (Яффи: ??????), 12 октября 1873 г.), заявил о своем уходе из Интернационала и от публичной деятельности. Этот шаг должен был в действительности маскировать его решение отдаться всецело широкой тайной революционной деятельности, для которой, как ему казалось в 1873–74 г. г., в последний раз, опять складывались благоприятные условия.

Проезжавшие с Гаагского конгресса через Швейцарию испанские делегаты, приехавшие в Цюрих итальянцы и некоторые другие имели накануне конгресса в Сант-Имье совещания с Бакуниным в Цюрихе, на которых частные связи, (т. е. «Альянс») были реорганизованы. К сожалению для 1872–73 г. нет почти никаких прямых источников о деятельности Бакунина. Его образ жизни в Локарно рисуют нам записки И. Соколова. Летом планы Кафиери нашли окончательное выражение в том, что было приступлено к покупке и перестройке виллы «Бароната».

В Италии после конгресса в Болонье (март 1873 г.) состоялся ряд провинциальных конгрессов, и были основаны областные федерации. Болонские резолюции, как уже было сказано, частью несомненно редактированы Бакуниным; восьмая резолюция содержит в себе теоретическую программу Бакунина; через посредство этой резолюции конгресс признает, себя атеистическим и материалистическим, анархистским и федералистическим; он высказывается за коллективную собственность, представляя ее организацию мысли и инстинктивному действию свободной коммуны и свободной ассоциации.

События, имевшие место в 1873 г. в Испании, возбудили надежду в возможность торжества революции, и по настоянию испанских друзей Бакунин решил сам поехать туда. Это его намерение не удалось осуществить вследствие недостатка денежных средств и ареста человека, посланного достать деньги. Бакунин хотел тогда прежде всего направиться в Барселону, которая впрочем по своей роли в тогдашнем движении уступала целому ряду небольших городов – Алькой, Сан Люнар де Баррамеда и т. д. В действительности, насчитывавший так много секций и членов испанский Интернационал не выполнил того, чего от него можно было ожидать. Движение в разных местах начиналось в политической форме, и интернационалисты, ненавидевшие политику, уже слишком сторонились от него. По различным признакам можно заключить, что это не было во всяком случае точкой зрения Бакунина, который несомненно попытался бы как в 1870 г. и 1874 г. – объединить все партии, участвовавшие в движении. Возможно поэтому, что его поездка в Испанию существенно изменила бы позицию Интернационала и тем самым воспрепятствовала бы тому, что восстания были подавлены каждое в отдельности. Так пала в конце концов и Картагена после осады, длившейся несколько месяцев, 10-ого января 1874 г. Интернационал был закрыт правительством Серраноса, и он должен был после этого в течение семи лет существовать в виде нелегальной организации, имевшей свои конгрессы, избиравшей комиссии, издававшей газеты и т. д. Без подготовительной школы, которой был испанский Альянс, это единение было бы гораздо труднее провести в жизнь.

Французские связи Бакунина в этот период ограничивались, как показывает письмо от 11 января 1873 г, немногими личными знакомыми. В Юрской федерации Бакунин более не выступал.

В августе 1873 г. Кафиеро настоял на том, чтобы Бакунин совершенно ушел из легального движения, чтобы развить еще более серьезную тайную революционную деятельность. Согласно этому он об'явил в упомянутых письмах, написанных в сентябре и октябре, о своем уходе и благодаря приобретению виллы «Бароната» на северо-восточном берегу Лаго Маджоре, к северу от Локарно, превратился как-будто в ушедшего от дел буржуа. После недолгого пребывания в Берне, с начала сентября до октября, он жил все время до июня 1874 г. в «Баронате».

Мысль Кафиеро не оправдалась. «Бароната» стала правда, приятным временным убежищем для некоторых итальянских и других членов Интернационала, и в 1874 г. в ее стенах действительно велось подготовление итальянского революционного движения. Но финансовая сторона дела не была правильно рассчитана. Необходимая перестройка дома, ряд других расходов, по устройству сада и т. д., а также непрактичный образ жизни поглотили большие суммы, и Кафиеро лишен был возможности продолжать этот эксперимент. По поводу создавшегося положения имеется, наряду с преувеличенными слухами, подробное изложение самого Бакунина, к которому я должен отослать читателя. В июле 1874 г. выяснилось, что затягивать дальше прежнее положение невозможно, и Бакунин оставил Локарно, куда он уже более не возвращался.

В то время готовилось последнее движение, в котором ему суждено было участвовать. После поражений во Франции и Испании один только итальянский Интернационал остался нетронутым. В предполагавшемся движении должны были принять участие все прогрессивные партии, и в действительности были установлены связи с гарибальдийцами и самим Гарибальди и даже с менее доктринерскими элементами из мадзинистов. Эти связи, правда, не привели к какому либо окончательному соглашению, и следы их исчезли после неудачи движения, но в то время они все же несомненно существовали. Экономический кризис, вызвавший, начиная с весны целый ряд местных голодных бунтов, дал возможность установить связь с народными массами. С января 1874 г. распространяли нелегально издававшиеся летучки «Итальянского Комитета социальной революции». Движение должно было начаться в августе. После арестов мадзинистов в Вилли Руффи правительство начало распускать интернационалистические и демократические кружки в отдельных областях (начало августа). Все это, а также арест членов Интернационала в Равенне (26 июня) еще более ускорило взрыв движения, которое должно было начаться в Болонье.

Остается неизвестным, в какой форме Бакунин предполагал в самом начале участвовать в этом движении. Но после ряда событий, происшедших в июле 1874 г., о которых невозможно передать вкратце, он решил поехать в Болонью, где он рассчитывал умереть. 27 июля он выехал из Локарно в Шплюген, 29 июля он поехал дальше в Колико на озере Комо, а затем через Верону в Болонью, куда он приехал 30 июля ночью и где он встретился с А. Коста, главным подготовителем движения. После кратковременных поездок в Рим и Ровиго Коста был арестован в Болонье 5 августа вечером. Бывший с ним в это время Альцест Фаджиоли успел спастись и предупредить Бакунина, которого немедленно перевели на другую

квартиру. После совещания 6 августа и последнего большого совещания, состоявшегося вечером 7 августа, наступила ночь с 7 на 8 августа, в которую должно было начаться движение. Тогда группы интернационалистов направились из Имоллы в Болонью, а местные собрались на Pratti di Caprara, за городом где раздавалось оружие. Ближайшей задачей было овладеть утром Болоньей. Но собравшиеся ночью, которых вначале было очень много, не обладали достаточным мужеством, чтобы действовать решительно. Группы, направлявшиеся из Имолы, были на полпути задержаны солдатским отрядом. Самые решительные из собравшихся на Pratti di Caprara дрались в горах, но солдаты быстро обратили их в бегство, и в Болонье попрежнему воцарилось спокойствие. Бакунин, прождавший всю эту печальную ночь на своей квартире и оставленный в одиночестве между 3-м и 4-м часом утра, решил покончить с собой в 4-ом часу, от чего его удержал возвратившийся к этому времени товарищ, тот самый, который приютил его.

Но даже и тогда, очевидно, не была вполне брошена надежда на возможность поднять движение, и от'езд Бакунина из Болоньи в Швейцарию имел своей ближайшей целью, как видно, совещание с Кафиеро по этому поводу. 12 августа он уехал из Болоньи, переодетый сельским священником, а затем отправился из Модены во Флоренцию вместе с Ф Натта, с которым он часто виделся в Болонье. Отсюда он поехал через Верону и озеро Комо опять в Шплюген, где он напрасно целую неделю ожидал Кафиеро и откуда он писал 20 августа, что он намерен возвратиться туда, откуда он приехал, т. е. в Италию.

Но и все остальные попытки движения в Италии едва только начинались или сразу же терпели неудачу. Подготовка его в Тоскане привело к судебным процессам во Флоренции, Ливорно и Массе, подготовка в Сицилии, Калабрии и Апулии (где Малатеста с некоторыми товарищами действительно в течение нескольких дней действовали в Кастель дель-Монте в качестве повстанческого отряда) привело к процессу в Трани. Несколько судебных процессов имели место в Риме и Перуджии. Самым значительным был судебный процесс в Болонье, длившийся с марта до июня 1876 г. и закончившийся оправдательным приговором. Действительное участие Бакунина в этих приготовлениях не было раскрыто во время этих процессов.

Можно доказать, что в последние дни своего пребывания в Шплюгене, 24 или 25 августа 1874 г., Бакунин решил окончательно уйти от общественной деятельности; «j'en ai assez de la politique et des entreprises revolutionnaires, ma dernière expédition m'en a décidément enlevé le gout – et je suis assez vieux pour bien avoir le droit de prendre ma démission» («Довольно с меня политики и революционных предприятий – моя последняя экспедиция решительно заставила меня потерять вкус к ним – и я достаточно стар, чтобы иметь право выйти в отставку») – так писал он вскоре после этого. Его опыт в Италии, где ему давали преувеличенные сведения о средствах, имеющихся для организации движения, а также личные огорчения со стороны людей, стоявших к нему очень близко, объясняют его тогдашнее пессимистическое настроение. 26 августа он выехал из Шплюгена через Цюрих и Фрибург в Сьерр (кантон Валлис), где с 6 сентября его след теряется. Только 9 октября мы его находим в кругу своей семьи, в Лугано, куда он только что прибыл. Там он прожил почти до самой своей смерти.

С тех пор Бакунин жил действительно в стороне от всякой революционной деятельности. Он, правда, преодолел фазу пессимизма, охватившего его в течение лета и осени 1874 г., но реакция настолько восторжествовала, что не было никакого движения, которому он мог бы отдать свои последние силы. Связь между остатками движений различных стран также была почти прервана, и Бакунин имел возможность встречаться только с отдельными своими посетителями – русскими, итальянцами, французами и др.

Злобная клевета не оставляет в покое и последние двадцать месяцев его жизни, омраченные материальными заботами. Стараются заставить поверить, что он под конец своей жизни стал придерживаться даже умеренных взглядов, или что его умственные способности ослабели. Но как личные сообщения, так и ряд писем и отрывков рукописей совершенно опровергают эти утверждения.

В одном отрывке из письма от 13 февраля 1875 г. он пишет: «я совершенно с тобою согласен, что час революции прошел, не вследствие ужасных несчастных случаев, которых мы были свидетелями, или страшных поражений, жертвами которых, более или менее виновными, мы были, – но потому что я, к своему величайшему отчаянию, констатирую и ежедневно вновь констатирую, что революционная мысль, надежда и страсть абсолютно отсутствуют в массах, а когда их нет, то сколько ни напрягай своих сил (*«on aura beau se battre les flancs»*), все равно ничего не добьешься»... Он восхищается терпением и выдержкой тех, кто продолжает вести пропаганду, но самого себя он чувствует для этого слишком старым, слишком слабым и уставшим и во многих отношениях слишком разочарованным (*«désabusé»*). Он чувствует очень сильное желание отдаться научному, совершенно об'ективному изучению причин торжества реакции.

Между тем как во время своей пропагандистской деятельности он считал религиозные предрассудки масс в известной степени безвредными, чем-то таким что является формой выражения экономических стремлений бедняков (небо, это – утопия, социализм бедных) и между тем как он в период практической деятельности считал церковную реакцию бессильной и менее важной чем государство, с которым следовало бороться непосредственно, – он теперь, в период спокойного анализа, возвратился опять к религии и духовенству, как к самой ненавистой форме реакции. По отношению к ней ему даже Бисмарк, представитель наиболее суровой государственности, казался, заслуживающим признательности благодаря его участию в *«Kulturkampf»*е, и он с удовольствием следил за этим движением. 18 октября 1875 г. он писал на немецком языке следующее: «теперь мне опять представляется полезным, необходимым поднять старый, забытый клич энциклопедистов: *«Ecrasons l'infâme»*, и как в мое доброе старое фанатичное время, когда я имел обыкновение говорить: «Что вы мне рассказываете о непартийности, мы оставим непартийность Господу Богу!», – так же и теперь я опять начинаю мало заботиться об абстрактной справедливости: все, что уничтожает церковь и попов, справедливо в моих глазах»... В этом смысле он интересовался борьбой республики против клерикализма во Франции, и он очень был обрадован результатами выборов 20 февраля 1876 г. – я думаю, что он и в этом пункте правильно предвидел будущее: рабочее движение разных стран стало с семидесятых годов на путь политики и социального реформизма и не вело с тех пор серьезной борьбы против государства и церкви, благодаря чему их власть очень выросла и укрепилась, чему мы теперь являемся свидетелями.

Приходится отказаться здесь от изображения жизни Бакунина в Лугано. Об этом много трогательного, хотя и с преувеличениями, внушенными впрочем самыми лучшими намерениями, Артура Арну. Когда Бакунин был здоров, его интересовало все, в том числе сельское хозяйство, местные дела – и, больше чем он сам себе признавался, социалистическое движение, получившее в Италии опять несколько большую свободу проявления, но он часто болел и много страдал. Он хотел было еще раз переселиться в Италию (в Неаполь), но тяжелая болезнь заставила его поехать в Берн лечиться у старого друга, профессора Адольфа Фохта. Он приехал туда 13 июня и немедленно принужден был лечь в частный госпиталь, где его навещали до последнего часу наряду с Фохтом также и его старые друзья – семья Рейхель. После долгого, длившегося несколько дней, сонного состояния он умер 1 июля 1876 г., в полдень.

Катков Михаил. Кто наши революционеры?

(Характеристика Бакунина)

Источник: [здесь](#).

Самое тяжелое впечатление на всех благомыслящих людей должна была произвести арестация петербургского мирового судьи Черкесова по улике в преступных политических сношениях и замыслах. В самом деле, трудно представить себе что-нибудь прискорбнее подобного случая. Мировой судья, человек, выбранный из многих тысяч людей для того, чтобы быть стражем закона, чести и безопасности своих граждан, блюстителем общественной нравственности, охранителем порядка, сам оказывается злоумышленником, сам подвергается обвинению в солидарности с врагами закона, порядка, своих сограждан, своего Отечества. Случай этот так возмутителен, что невольно пытаешься объяснить его какой-нибудь случайностью, каким-нибудь недоразумением. Но подтвердится или не подтвердится улика, павшая на мирового судью, — довольно уже и того, что человек в таком положении мог навлечь на себя подозрение, достаточно сильное для того, чтобы подвергнуть его полицейскому обыску и арестовать его во имя закона. Чем же руководилось общество при выборах в должность столь важную, столь почтенную, прежде всего требующую совершенной гражданской благонадежности? Мы не будем упрекать представителей петербургского городского общества за выбор человека неблагонадежного: будем надеяться, что заподозренный мировой судья совершенно оправдается и выйдет чист; но как мог выбор их остановиться на человеке, недостаточно известном и своей репутацией, недостаточно огражденном от всякого сомнения относительно своей политической благонадежности? Правда, опыт и давних, и недавних времен свидетельствует, что никакие административные должности, никакие правительственные положения не обеспечены от дурных элементов всякого рода. Мы видели злых заговорщиков на местах влиятельных и ответственных, и никто не поручится, чтобы и в сию минуту в рядах людей, призванных охранять спокойствие государства, не было тайных врагов его или пособников врагам. Что административные сферы не обеспечены от вторжения неблагонадежных элементов — об этом решительно засвидетельствовал всем памятный Высочайший рескрипт 13 мая 1866 года. Но из этого ничего не следует для извинения общества не только в предосудительных, но и в небрежных выборах. Будем искать примеров для подражания, а не для извинения своих упущений. Бюрократические

порядки имеют свои слабые стороны, а потому-то государство, не ограничиваясь ими, и призывает всех блюсти интересы, дорогие для каждого, и в этих видах дает обществу право выбирать должностных лиц, призываемых действовать в собственной среде его.

Везде выбор такого должностного лица, как мировой судья, из людей политически неблагонадежных был бы явлением прискорбным; в России это чудовищность. Говорим "чудовищность", потому что в России, в нынешней России, нет таких революционных партий, относительно которых общество могло бы держать себя сколько-нибудь нейтрально.

Кто наши революционеры?

Заграничные, особенно немецкие, газеты полны известий о революции, якобы кипящей теперь в недрах России. Вся Россия, говорят, покрыта сетью заговора, который имеет свои узлы во всех значительных городах ее, а главный центр — в Москве.

Вы изумляетесь этому, вы думаете, что над вами издеваются? А между тем в самом деле производятся политические аресты, ходят слухи о каких-то прокламациях, даже совершаются политические убийства.

Что же это такое? Кто же вожди этой великой русской революции и чего они хотят? Надобно наконец взглянуть прямо в глаза опасности, которой нас пугают.

Вожди этой великой революционной партии, осветившей всю Россию, имеют притон свой в Швейцарии. Женева, как прежде Лондон, — вот тот пункт на земном шаре, куда сходятся видимые нити этой организации. Счастливая Женева! Какая блистательная роль суждена этой скромной пуританской Женеве! Отсюда раздаются те мощные голоса, которые потрясают в основаниях величайшую Империю в мире, всегда казавшуюся незыблемым колоссом. Отсюда сыплются воззвания к топорам, отсюда отправляются к нам эмиссары, сюда бегут за вдохновением и приказами Худяковы и Нечаевы. Об издателях "Колокола" уже не говорят. Скипетр русской революционной партии перешел в руки к другой знаменитости, к тому Бакунину, который в 1849 году бунтовал на дрезденских улицах, попал за то в австрийские казематы, был потом выдан нашему правительству, сидел в крепости, писал оттуда умиленные и полные раскаяния письма, был помилован и выслан на жительство в Сибирь, где ему была дарована полная свобода, служил там по откупам, женился там на молоденькой польке из ссыльного семейства, сошелся со многими из соплеменников своей жены и, когда разыгралось польское дело, бежал из Сибири; в 1863 году вместе с несколькими сорванцами польской эмиграции предпринимал морскую экспедицию против России, но предпочел высадиться на шведском берегу. Вот он, этот вождь русской революционной партии, организатор заговора, покрывшего теперь своей сетью всю Россию. "Верно то, пишут в "Allgemeine Zeitung", — что Бакунин есть основатель и руководитель этого заговора, который имеет своей целью ни больше ни меньше как уничтожение всякого государственного начала, отвержение всякой личной собственности и воцарение коммунизма".

Фигура интересная. Тень ее ложится на всю колоссальную Россию!

Мы счастливы, что имеем некоторые сведения о характере и прошлой жизни этого великого человека и можем несколько ближе ознакомить с ним нашу публику, для которой он вдруг получил и столь неожиданное значение.

Случай свел нас с Бакуниным еще в первую пору молодости. Мы знали его недолго, но близко, и видели его в разных положениях жизни. В молодости это был человек не без некоторого блеска, способный озадачивать людей слабых и нервных, смущать не-зрелых и выталкивать их из колеи. Это была натура сухая и черствая, ум пустой и бесплодно возбужденный. Он хватался за многое, но ничем не овладевал, ни к чему не чувствовал призвания, ни в чем не принимал деятельного участия. Не было человека, даже наилучшим образом расположенного к нему и предубежденного в его пользу, на кого бы не производил он безотчетно неприятного и отталкивающего действия. Всякому было с ним и тягостно, и неловко. В нем не было ничего искреннего; все интересы, которыми он кипятился, были явлениями без сущности. Одна, впрочем, черта в его характере была несомненно реальная, одно свойство, которое в своих проявлениях было у него и правдиво, и искренно; это способность жить на чужой счет и не делать различия между карманом чужим и своим. Он всегда умел пристраиваться к денежным, податливым и конфузливим людям и с добродушием времен богатырских соглашался хозяйничать в их кошельках и пользоваться их избытками. Как не делал и он практического различия между чужими и своими деньгами, так не делал он различия в своих потребностях между действительными и мнимыми. Ему ничего не стоило вытянуть у человека последние деньги с тем, чтобы тотчас же рассорить их на вещи, ему самому совершенно не нужные. Денег не срывал он только с тех, у кого положительно нечего было взять. В этой характеристике Бакунина нет ни одной черты произвольной или основанной только на нашем личном впечатлении. Все знавшие его подтвердят в полной силе все главные черты его.

В последний раз мы видели его в Берлине, где под предлогом занятий философией он предавался абсолютной праздности, хотя своей развязностью в гегелевой терминологии озадачивал добродушного Вердера, который с мистическим одушевлением преподавал в Берлинском университете логику упомянутого философа. Бакунин запечатлелся в нашей памяти под весьма характеристическим образом. Однажды в честь одного знаменитого профессора студенты устроили факельную процессию. Множество молодых людей собрались перед домом юбиляра, и когда почтенный старец вышел на балкон своего дома благодарить за сделанную ему оvation, раздалось громогласное hoch, и всех пронзительнее зазвенел у самих ушей наших знакомый голос: то был Бакунин. Черты лица его исчезли: вместо лица был один огромный разинутый рот. Он кричал всех громче и суетился всех более, хотя предмет торжества был ему совершенно чужд и профессора он не знал, на лекциях его не бывал...

После того прошло около тридцати лет, и Бакунину будет теперь под шестьдесят. С тех пор мы не встречались с ним. До нас доходили лишь общие сведения и слухи о его похождениях и заключениях. Но вот в 1859 году, когда он уже проживал в Сибири и служил по откупам, мы неожиданно получили от него письмо, в котором он припоминал о нашем давнем знакомстве, которое показалось нам искренним. Еще прежде рассказывали нам, что он, после тяжких уроков жизни, во глубине строгого заключения, глубоко изменился, что ум его отрезвился, что душа его проснулась и что он стал простым и добрым человеком. Мы охотно

поверили тону его письма, в котором между прочим выражал он сочувствие нашему журналу и давал нам разуметь, что он был бы не прочь воспользоваться возвращенными ему гражданскими правами для того, чтобы действовать как-нибудь на пользу общую. Мы предложили ему попробовать писать в наш журнал из его далекого захолустья, которое для ума живого и любознательного должно представлять так много новых и интересных сторон. В течение 1861–1862 годов получили мы от него еще два-три письма через ссыльных из поляков, которые, быв помилованы, возвращались на родину. Оказывалось, что он жил в Сибири не только без нужды, но в избытке, ничего не делал и читал французские романы. Но на серьезный труд, хоты бы и малый, его не хватало. Русскую литературу он не обогатил своими произведениями. Зато он был охотник писать письма к знакомым. В письмах его к нам проглянул прежний Бакунин. Хотя тон их был все-таки весьма умеренный и благонравный, но от них веяло пустым и лживым фантазерством. Местами он заговаривал тоном вдохновения, пророчествовал о будущих судьбах славянского мира и взывал к нашим русским симпатиям в пользу польской нации. Письма эти не требовали ответа, и мы не находили нужным продолжать с ним переписку. Последнее послание получили мы от него уже в эпоху варшавских демонстраций. Прежний Бакунин явился перед нами во всей полноте своего ничем не поврежденного существа. Он потребовал от нашей гражданской доблести присылки ему денег, по малой мере 6000 рублей. Дабы облегчить для нас это пожертвование, он дозволял нам открыть в его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которых, по его расчету, долженствовало быть немало. Зачем же вдруг и так экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вот зачем: однажды осенило его сознание, что он получал даром жалованье от откупщика, у которого числился на службе, ничего не делая, и он вдруг сообразил, что откупщик выдавал ему ежегодно в продолжение трех лет по 2000 рублей единственно из угождения генерал-губернатору, которому Бакунин приходился сродни. Сознание это не давало-де ему покоя, и вот он решился во что бы то ни стало возратить откупщику всю в продолжение трех лет перебранную от него сумму. Благородный рыцарь, он хотел подаванием уплатить подавание и из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика. Мы не могли быть ему полезны, и письмо его осталось втуне. Но прошло затем несколько месяцев, и мы узнали, что Бакунин все-таки добыл сумму, которую требовалось возратить откупщику, но откупщику ее не возвратил, а бежал с полученными деньгами из Сибири. Откупщик был только предлогом, чтобы выманить деньги...

Вот главнокомандующий нашей революции. Да откуда же, наконец, берет он деньги, чтобы делать революцию?

Пред нами лежит теперь прокламация Бакунина, выпущенная прошлой весной во время студенческих беспорядков в Петербурге. Она озаглавлена так: "Несколько слов к молодым братьям в России". Никогда революционный жаргон не доходил до такого безобразия, никогда поругание здравого смысла не простиралось до такого цинизма, никогда бесчестный расчет не выказывал себя с такой наглостью, как в этом гнусном издании. Оно рассчитано на две стороны. Прямое действие его направлено на самую испорченную и на самую незрелую часть нашей нигилистствующей молодежи. С другой стороны, оно рассчитано на то, чтобы произвести впечатление в высших слоях нашего общества и администрации и поддержать там наветы тех партий, которые действительно составляют заговор под прикрытием якобы консервативных начал. Нельзя и на минуту допустить, чтобы человек,

писавший это воззвание, был искренен и сам верил дикому сумбуру своих слов...

Бакунин поздравляет наше бедное молодое поколение с духом "противугосударственным" и "всеразрушительным". Какой лестный и возбудительный комплимент для мальчишек! "Всеразрушительный дух" — это священный недуг, и если бы "молодые братья" выздоровели от этого недуга, то они "стали бы скотами". Этого мало: есть название хуже, чем "скоты". "Вы, — говорит он, — заслужили бы право называться всероссийскими патриотами". Бакунин, как видите, не жалуется всероссийских патриотов.

Итак, наши всеразрушительные революционеры, которые высылают Каракозовых, солидарны в этом чувстве вражды к русскому патриотизму с нашими так называемыми консерваторами. И та, и другая партия на этой почве союзны и могут, действовать заодно против русских патриотов как в Западном крае, так и в других местах. "Где, — восклицает Бакунин, — источник того дикоразрушительного и холодно-страстного воодушевления, от которого цепенеет ум и останавливается кровь в жилах ваших противников? Холопская литература стала в тупик перед вами; она тут просто ничего не понимает".

Холопская литература — это русская патриотическая печать.

В чем же состоит учение дико-разрушительной революции с холодно-страстным воодушевлением, которая якобы покрыла своей сетью всю ненавистную ей Россию и имеет своим средоточием сугубо ненавистную ей Москву? Уничтожение всякого государства — вот чего хочет наша революция. "Всякое государство, — проповедует Бакунин, — как бы либеральны и демократичны ни были формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народа". Не нужно ни преобразований, ни даже революций, имеющих какой-нибудь смысл. Требуется, напротив, только "дико-разрушительное воодушевление". Долой всякое государство, как монархию всяких видов, так и республику, хотя бы социально-демократическую!

Спрашивается, кто, кроме помешанного, мог бы не шутя проповедовать такой вздор? Кто допустит, чтобы эта нелепость могла стать началом серьезного политического заговора, если только позади нет другого заговора, действительно серьезного, которому нужно прибрать к рукам и употребить в дело самую незрелую или самую испорченную часть нашей молодежи?.. Да и откуда это ничтожество могло бы взять денег хотя бы на печатание прокламаций, не говоря уже о командировках Худяковых и Нечаевых?

"В недоумении, — продолжает женеvский вoждь русской революции, обращаясь к своим молодым друзьям, — господа московские и петербургские журналисты решили, что ваше настоящее движение — дело польских подземных интриг. Нельзя было выдумать ничего подлее и глупее. Подлее, потому что вызывать ярость свирепого палача против измученной жертвы — такое позорное преступление, которое именно только в нашей холопски государственной России возможно; глупее, потому что нужно дойти до крайней степени тупоумия, чтобы не заметить с первого раза пропасти, лежащей между программой огромного большинства польских патриотов и программой нашей молодежи, представительницы и поборницы русского народного дела".

Итак, между нашей революционной партией и польским делом нет ничего общего. Связь между ними выдумала русская "холопская" патриотическая печать. Это клятвенно удостоверяют так называемые наши консерваторы. Рассказывали, что какой-то важный господин в Петербурге даже перекрестился, когда узнал, что преступник 4 апреля не поляк, а русский. В иностранных газетах, равно как и в некоторых петербургских салонах, высказывается весьма положительное убеждение, что все антирусские в России партии суть единственные консервативные элементы, а русский народ исполнен дико-разрушительного революционного духа. Это скажет каждый фон из Лифляндии, любой пан с Литвы или с Волыни: теперь это вне всякого сомнения, в этом удостоверяет сам вождь русской революционной партии. Все мерзости, чинимые у нас во имя революции, все эти воззвания к топорам, поджоги, покушения, убийства — все это есть дело русское, самобытное, самородное.

Мы согласны, что никакая политическая партия, никакой серьезный заговор не может иметь своей программой дикий вздор бакунинских прокламаций. Нет сомнения, никакая действительно опасная для государства партия не могла бы узнать себя в этой бессмыслице...

Кому нужно вносить эти квазидоктрины в беззащитные головы ребятишек обоего пола, связывать их призраком какого-то таинственного общего дела и поджигать их на преступные покушения, которые навлекают на них всеобщие проклятия их народа? Друзья народа не могут этого делать; это могут делать только его враги, кто бы они ни были.

Между доктринами о "дико-разрушительном и холодно-страстном воодушевлении", с которыми Бакунин обращается к своим "молодым братьям", и польским делом действительно нет ничего общего. Польские патриоты не мальчишки. Они не могут считать чем-либо серьезным прокламации Бакунина и Нечаева. Они смеялись над ораньем Герцена, распространяя его листки в нашей молодежи. Их не может пленять перспектива всеобщего разрушения, в котором должны исчезнуть всякое государственное начало, всякий порядок, всякий закон, всякая власть и, стало быть, всякая человеческая свобода; точно так же и балтийские патриоты не могут находить ничего пленительного в Стеньке Разине, которого Бакунин выставляет в образец для своей молодой братии.

Но если у России есть враги, то им ничего не может быть приятнее, как порча русской молодежи и поругание русского патриотизма. Врагам России естественно позаботиться, чтобы дать этому позору вид революционной организации. Всякая мерзость для врага есть дело пригодное, и если бы не было Бакунина, Нечаева и tutti quanti, то враги России должны были бы создать их.

Враги России и создали их. Наши так называемые революционеры — это орудие в руках наших врагов.

Успокоив нас, что между польскими патриотами и русской революцией нет ничего общего, Бакунин не мог оставить своих молодых друзей без ближайших наставлений. Иной глупый нигилист, пожалуй, и в самом деле вообразит, что он есть нечто самостоятельное и самородное, между тем как все его призвание в том только и состоит, чтобы помогать

врагам своего народа, кто бы они ни были. Нигилист должен отрицать собственность, но он должен в то же время дружить хотя бы с феодалами, лишь бы они были враждебны русскому государству.

В мире нет ничего абсолютного. Оказывается, что, несмотря на пропасть, которая отделяет русскую революцию от польской партии, между ними все-таки есть маленькая связь.

Связь оказывается именно с самой консервативной частью польской партии — с дворянской.

Послушаем, что говорит главнокомандующий в своем воззвании вслед за вышеприведенными строками.

"Между большинством польских деятелей, — говорит Бакунин, — и именно той польской шляхетско-католической партией, которой журналистика наша приписывает наибольшее влияние на русскую молодежь, и между нами есть только одно общее чувство и одна общая цель: это ненависть ко Всероссийскому государству и твердая воля способствовать всеми возможными средствами наискорейшему разрушению его. Вот в чем мы сходимся".

Только в том, не больше.

Итак, маленькая связь есть. Польская шляхетская партия сходится с нашим нигилизмом в совершенной безделице... "Шаг далее, — продолжает Бакунин, — и между нами открывается пропасть: мы хотим окончательного разрушения всякой государственности в России и вне России, они мечтают о восстановлении Польского государства".

Отношение обозначается довольно ясно. На долю нашим революционерам достается честь служить орудиями ненависти против своего Отечества и в придачу дикий сумбур понятий, который не заслуживает назваться даже безумием и может иметь значение положительно только для недоростков или для круглых дураков.

Но послушаем далее вождя русской революционной партии.

"Польские государственники, — продолжает Бакунин, — мечтают не о добром, потому что всякое государство, как бы либеральны и демократичны не были его формы, ложится подавляющим камнем на жизнь народную". Они мечтают о невозможном, потому что впереди государства будут только рушиться, а не строиться. Они народо-ненавистной мечтой обрекают свою родину на новую гибель, и если бы им удалось, хоть с помощью иностранцев, разумеется, не с народной помощью, восстановить Польское государство, необходимо основанное на шляхетстве, или, что все равно, на личной поземельной и наследственной собственности, они, без сомнения, сделались бы столько же нашими врагами, сколько и притеснителями своего собственного народа. Если это случится, мы станем войной против них во имя общенародной свободы и жизни. А до тех пор мы им друзья и помощники, потому что их дело — дело разрушения Всероссийского государства, так же и наше дело".

Кажется, дело ясно, если не для дураков, то для людей сколько-нибудь мыслящих.

Прокламация Бакунина приводит нам на память найденную после подавления мятежа в Варшаве инструкцию Мерославского для польских патриотов: им указывалось на русских нигилистов, герценистов и полуполяков как на лучших пособников польскому делу. "Когда цель будет достигнута, — учил Мерославский, — и Польша будет восстановлена, тогда мы этих пособников наших, если они в то время окажутся, перевешаем". Но надобно полагать, что они тогда не окажутся — уж по тому одному, что вожаки их останутся без жалованья...

Итак, вот кто наши революционеры!

Спрашивается, может ли русское общество оставаться нейтральным относительно этих революционеров? Это не то что в других странах династические партии, не то что так называемые крайние партии. Нет, это отъявленные враги своего отечества, это друзья и пособники его врагов, это их создания и орудия...

Рябов Петр. Михаил

Бакунин

Источник: [здесь](#).

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876), несомненно, является ключевой фигурой в истории анархической мысли и анархического движения. Именно Бакунин, будучи одаренным философом, заложил основы анархизма как цельного мировоззрения (а не только как программы действий или социологического учения). Бакунин и инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами почти по всей Европе. Наконец, Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма – пафос бунта, бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества.

Александр Блок писал: «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня... Займем огня у Бакунина». Главное душевное качество Мишеля (так Бакунина называли и подростком – в кругу семьи – и стариком – в кругу швейцарских рабочих) – это, по собственному признанию выдающегося анархиста, «любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считаю священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни».

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей были Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Санд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида и был прототипом Рудина у Тургенева.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах и в родном доме в селе Прямухине. Затем – переход к практической революционной деятельности: участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, баррикады в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России, фантастический побег из Сибири, работа в «Колоколе» Герцена, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса...

Революционная деятельность Бакунина не знала границ и была поистине грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам во время восстания 1863–1864 гг., выступал в Швеции, направил эмиссара-анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовать секцию Интернационала, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику

против Мадзини в Италии (где стал создателем анархического движения и инициатором восстания в Болонье), организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную агитацию среди болгар и сербов, финнов и чехов, сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-х гг., участвовал в нечаевской пропаганде, был вдохновителем кружков на Юге России. Перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов заняло бы несколько страниц.

Конечно, Бакунин не был «рыцарем без страха и упрека», непогрешимым во всех своих поступках. Он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них, впрочем, связаны с его способностью чрезмерно увлекаться и увлекать других открывающимися перспективами, идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, «путая второй месяц беременности с девятым». Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, не брезговал блефом и мистификациями, явно увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы. Бакунин, безусловно, несет моральную ответственность за националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады, встречающиеся в его работах, и за поддержку С.Г.Нечаева.

Много ярких и страстных страниц посвятил Бакунин всесторонней критике государства и его разрушительного влияния на людей – как управляемых, так и управляющих. «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности, – писал русский анархист. – Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных». Бакунин считал, что произвол, чинимый над человеком и обществом, государство напыщенно именует «законом».

Государство, по Бакунину, является не чем иным, как «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей ... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа». Поскольку всякая власть стремится себя увековечить, «ребенок» никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует упомянутая опека. «Итак, там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему всё остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это всё... Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен».

Осуждая патриотизм как государственно-националистическую идеологию рабства и ненависти, Бакунин подвергает подробной критике и представительную демократию, опирающуюся, по его мнению, на манипулирование управляемыми массами. Проблемы государства и социальной революции Бакунин анализирует в связи с национальными особенностями различных европейских народов, с их историей и культурой. Если бисмарковская Германия представляется Бакунину воплощением духа государственничества, централизма, милитаризма и бюрократии, то романские и

славянские народы мыслитель рассматривает как среду, стихийно порождающую анархистов. Надо признать, что именно в славянских странах и в Южной Европе анархическое движение получило наибольший размах в 1860–1870-е гг. и позднее.

В своих произведениях Бакунин последовательно критикует государственный социализм (прежде всего марксизм). Не веря во временный характер предлагавшейся Марксом «диктатуры пролетариата» (поскольку всякая диктатура стремится себя увековечить), отрицая марксистскую идею правления «научных социалистов» и возможность введения социализма через тотальное огосударствление общественной жизни и производства, Бакунин доказывал: поскольку эксплуатация и власть неразрывно связаны друг с другом, уничтожение первой при сохранении второй неизбежно приведет к появлению нового класса – «красной бюрократии», идущей на смену старым привилегированным классам. Бакунин призывал к социальной революции, разрушающей классово-государственные институты общества и заменяющей их безгосударственно-социалистической федерацией общин, коммун, трудовых коллективов. Главной силой, способной совершить революцию, Бакунин считал в Европе пролетариат («чернорабочий люд»), а в России – крестьянство. Таким образом, Бакунин радикализировал прудоновский анархизм, развил его и популяризировал в рабочем движении. Итогом деятельности Бакунина явилось широкое распространение анархизма – прежде всего в Испании, Италии, Швейцарии, России, Бельгии, Голландии, во Франции. Наиболее заметным проявлением этого процесса стали возникновение анархистского крыла в Международном товариществе рабочих (Первом Интернационале) и Парижская Коммуна.

Промарксистский Генеральный совет Интернационала вел борьбу с Бакуниным довольно постыдными методами; в ход было пущено всё: закулисные аппаратные интриги; организация фиктивных секций, создавших мнимое марксистское большинство на Лондонской конференции 1871 г. и на Гаагском конгрессе 1872 г.; бездоказательные обвинения, клевета. Однако достигнутая подобными средствами победа Маркса оказалась Пирровой – после «исключения» Бакунина из Интернационала «весь Интернационал восстал против недостойной комедии Гаагского съезда, так грубо подтасованного Главным советом». Почти все секции Интернационала: бельгийские, французские, английские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские и американские – отвергли решения, принятые в Гааге, и отказались подчиниться Генеральному совету, поддержавшему Маркса. Большинство этих секций, соединившись, образовали новый, анархический Интернационал, просуществовавший до 1879 г. Попытка Маркса превратить Международное товарищество рабочих в централизованную партию, исповедующую одну – «научно-социалистическую» – доктрину, полностью провалилась.

Поддержавшие Бакунина секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархического движения в 1870-е гг. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, в Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, в Бельгии) сложились открыто действующие рабочие союзы анархической направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация (в Швейцарии).

Наиболее грандиозным выступлением народных масс, в котором анархисты сыграли видную роль, конечно, стала Парижская коммуна (март-май 1871 г.).

Анархисты (прудонисты) составляли значительную часть Совета коммуны. Важнейшим мероприятием Коммуны в социально-экономической сфере, осуществленным по инициативе прудонистов, был принятый 16 апреля 1871 г. декрет о передаче бездействующих предприятий, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных ассоциаций. Этой и другими подобными мерами прудонисты стремились подготовить создание мощного сектора коллективизированных самоуправляющихся предприятий, альтернативных и частнокапиталистическим, и государственным. Декларация «К французскому народу», принятая Парижской коммуной 19 апреля, провозглашала вполне анархические идеи: федерализм, децентрализацию, самоуправление и автономию коммун – в качестве принципов устройства будущей социалистической Франции. Сама Коммуна, по признанию Карла Маркса, уже не была «вполне государством»: ликвидация чиновничьей иерархии, регулярной армии, самоуправление снизу доверху, опирающееся на принцип делегирования, – всё это куда больше походило на прудоновские и бакунинские модели общества, нежели на марксистскую «диктатуру пролетариата». Известно, что, учтя опыт Коммуны, Маркс, по образному выражению Ф.Меринга, снял перед ней шляпу и в работе «Гражданская война во Франции» несколько пересмотрел свою доктрину в прудоновском духе.

Однако полуанархический социально-революционный эксперимент, как известно, длился недолго – 72 дня. Памятником «штурмующим небо» коммунарам осталась песня – «Интернационал», созданная участником тогдашних событий, анархистом Эженом Потье.

Аврич Пол. Бакунин и Нечаев

От переводчика

Не являясь переводчиком-профессионалом, я приношу читателю извинения за корявый стиль, возможные неточности и иные погрешности перевода. В тексте предлагаемого вниманию читателя превосходного очерка Пола Аврича приводится немало цитат, часть которых (тексты Заичневского, отрывки из нечаевского «Катехизиса революционера» и бакунинского письма к Нечаеву (июнь 1870)) сверены мною с русским оригиналом или предыдущими русскими переводами этих текстов, а другая часть непосредственно переведена мною с английского.

По существу приводимых автором фактов и высказанных им оценок чрезвычайно сложно добавить нечто принципиально новое, ибо данная работа сочетает в себе достоинства добросовестного и лаконичного научного исследования с популярным изложением, доступным самому широкому кругу читателей. Публикация этого исследования весьма полезна, так как и по сей день в большинстве русскоязычной литературы, та или иначе касающейся темы «Бакунин и Нечаев» господствует несколько старинных заблуждений-стереотипов, восходящих еще к временам, когда Маркс и Энгельс организовали травлю Бакунина, сбор компромата на него и распространение о нем всяческих сплетен, и изгнали его из Интернационала, преднамеренно или по незнанию отождествляя его позицию с позицией Нечаева. Так, например, не только лидер французских коммунистов Жак Дюкло в изданной на русском языке (М., 1975) книге с выразительным названием «Бакунин и Маркс: тень и свет»(!), но и советский историк В. А. Малинин в «Истории русского утопического социализма» (М., 1991) продолжают распространять давно опровергнутую исторической наукой версию о бакунинском авторстве «Катехизиса революционера», а в замечательной в целом книге Альбера Камю «Бунтующий человек», недавно изданной в России (М., 1990), разница между позициями Бакунина и Нечаева практически незаметна: глубокий и честный мыслитель, Камю в этом вопросе, однако, почти что солидаризуется с «Бесами» Достоевского — талантливой, но явно полемически-тенденциозной книгой. Хуже всего, что эти ложные стереотипы господствуют до сего дня не только в специальной научной литературе, но и в публицистике, являясь общим местом в массовом сознании. Поэтому честное и объективное отношение к вопросу о сложных взаимоотношениях между Бакуниным и Нечаевым, без полемического обличительства и идеализации как того, так и другого из этих выдающихся революционеров, предпринятое Полом Авричем в данной работе — очень полезно и поучительно. Из всей русскоязычной литературы, пожалуй, только в работах Н. М. Пирумовой проблема «Бакунин и Нечаев» получила должное освещение (если, конечно, не считать изданные еще в 1920-е гг. и почти забытые сегодня

работы русских анархистов — Алексея Борового и других, например, книгу «Миф о Бакунине» (М., 1925), где в числе прочих подробно рассматривалась и эта проблема).

Единственная существенная деталь, о которой не упомянуто в данной работе Пола Аврича, связанная с рождением лжеверсии о Бакунине, как авторе «Катехизиса революционера», такова. Во время своего пребывания в Швейцарии, Нечаев попросил Бакунина переписать от руки «Катехизис революционера», а потом, с присущим ему цинизмом, выкрал эту копию «Катехизиса», написанную бакунинским почерком, и показывал ее разным людям, приписывая Бакунину авторство этого выдающегося в своем роде документа и освящая его авторитетом великого бунтаря. (Подробнее о этом см. в различных работах Н. М. Пирумовой.)

Петр Рябов

От автора

«Нечаевский» период биографии Михаила Бакунина (1869–1872) был относительно коротким. Однако, (не говоря уже о потрясающей психологической драме), он представляет собой важную главу в истории русского революционного движения, ставящую фундаментальные вопросы революционной тактики и революционной морали, с которыми радикалы продолжают сталкиваться по сей день. Взаимоотношения Бакунина с Нечаевым были также дополнительным фактором, способствовавшим его знаменитому конфликту с Марксом и его исключению из Первого Интернационала. И именно они подтолкнули Бакунина к пересмотру его революционных доктрин и к подтверждению его либертарных принципов против того, что он называл «иезуитством» и «макиавеллизмом» своего молодого последователя.

Мы чрезвычайно обязаны Артуру Ленингу и Мишелю Конфино за предоставление необходимых материалов для новой оценки «Нечаевского дела», которое является предметом настоящего исследования.

Пол Аврич. 1974

Нечаев и русское якобинство

Сергей Геннадьевич Нечаев родился 20 сентября 1847 г. в Иваново, растущем текстильном городе к северо-востоку от Москвы, который начинал получать репутацию «русского Манчестера». Его отец был художником по вывескам, мать — швеей, и оба они были крепостными по происхождению, так что Нечаев был одним из первых выдающихся русских радикалов с полностью плебейским происхождением. «Он не был продуктом нашего мира,» — писала Вера Засулич в своих воспоминаниях, но был «чужим среди нас». Однако, как выходец из народа, он производил сильное впечатление на своих товарищей-революционеров, «кающихся дворян», которые стремились отдать свой долг простому народу. Знакомые называли Нечаева «настоящим революционером, простолюдином,

который сохранял в себе всю ненависть крепостных против господ», ненависть, которая была направлена даже против его собственных товарищей, с их аристократическим происхождением и образованием.

В апреле 1866 г., в возрасте 18 лет, Нечаев переехал из Иваново, где он учился в приходской школе, в Санкт-Петербург. Осенью 1868 г. он был зачислен в университет вольнослушателем, и вошел в группу молодых революционеров, которая включала как таких будущих анархистов, как З. К. Ралли, В. Н. Черкезов и Ф. В. Волховский, так и таких около-анархистов или либертарных социалистов, как Марк Натансон, Герман Лопатин и Л. В. Гольденберг. Хотя Нечаев еще не знал французского, он посещал дискуссии, посвященные истории «Заговора во имя равенства», написанной Буонарроти — книге, которая помогла сформироваться целому поколению русских бунтарей, и в замыслах и мечтах Нечаева скоро преобладали тайные общества и конспиративная жизнь. Он формировался под неотразимым обаянием якобинства и бланкизма, и потом, позднее, когда он посетил Ралли в Швейцарии, он имел при себе книги Руссо и Робеспьера, и его авторитарные тенденции, его претензия на знание «общей воли» и стремление «принуждением заставить людей быть свободными», были уже сильно развиты.

Нечаева также привлекала якобинская традиция в русском революционном движении, традиция, берущая начало от вождя декабристов Пестеля в 1820-х гг. и Николая Спешнева в 1840-х гг., который придавал особое значение конспиративной тактике и революционной диктатуре, основанной, как он выражался, на «иезуитской» модели, по поводу которой руководитель кружка, фурьерист Михаил Петрашевский заявил: «Я готов быть первым среди тех, кто поднимет руку против диктатора». В 1862 г., за четыре года до прибытия Нечаева в Санкт-Петербург, Петр Заичневский выпустил подпольную прокламацию под названием «Молодая Россия». Петр Заичневский был крупнейшим русским якобинцем, который находился под влиянием Робеспьера, Мадзини, Бабефа и итальянских карбонариев (название его прокламации происходило от «Молодой Италии») с их методами революционной конспирации. Его конечная цель, однако, была вдохновлена децентрализованным социализмом Прудона, и когда полицейские пришли его арестовывать, они обнаружили среди его бумаг незавершенный русский перевод книги Прудона «Что такое собственность?»

В прокламации «Молодая Россия» Заичневский призывал к «кровавой и беспощадной» революции по типу движений Разина и Пугачева, и выступал за безжалостное уничтожение царской фамилии и ее сторонников: «Мы издадим один крик: „В топоры!“ — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами.» На Герцена произвели отталкивающее впечатление безжалостность и грубый аморализм прокламации, и даже Бакунин осудил ее автора за его «безумное и доктринерское презрение к народу», однако «Молодая Россия» имела сильное влияние среди молодежи нечаевского поколения, среди «шестидесятников», которых во многом вдохновляла ее вызывающая и бескомпромиссная риторика.

Другим вдохновляющим якобинцев источником был характер Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?», который вышел в 1864 г. Рахметов был литературным прототипом новых революционеров, человеком, одержимым идеей и живущим чисто аскетической жизнью, подчинившим себя жестким физическим ограничениям, чтобы подготовить себя для роли революционера. Закаляя себя, он ел сырое мясо и спал на кровати с гвоздями. Он отказался от личной жизни, не имел ни жены, ни детей, ни семейных пут, которые могли бы отвлечь его от его цели. Он выработал намеренно резкую манеру общения и поведения, чтобы отрезать себя от обычного общества и избежать бесполезной траты времени в пустых словах и формальностях. Он использовал свои денежные средства не на личные нужды, но на помощь неимущим студентам и на революционное дело.

Фигура Рахметова завладела воображением молодых революционеров на несколько десятилетий (в 1892 г. Александр Беркман использовал «Рахметова» как свой псевдоним, когда он собирался убить Генри Клея Фрика).[1] Что же касается времени середины 1860-х годов, Рахметов служил образцом для кружка Ишутина, чьи члены (включая будущего друга Кропоткина, Варлаама Черкезова, и Дмитрия Каракозова, покушение которого на царя в 1866 г. приветствовалось Нечаевым как «начало нашего священного дела»), отвергали все личные радости и стремились к строго аскетической жизни, спали на полу, отдавали все свои деньги на дело, и посвятили всю свою энергию освобождению народа. Они также проявляли сильные анти-интеллектуальные предубеждения, презирая университет за то, что в нем скорее готовятся «генералы от культуры», чем помощники рабочих и крестьян. Некоторые даже оставили свои учебные занятия и организовывали кооперативы. Как заметил один из членов кружка: «Массы необразованны, поэтому мы не имеем права на образование. Нет необходимости много учиться, чтобы объяснить людям, что они обмануты и ограблены.» Подобно Заичневскому, они отвергали реформы и полумеры и презирали старшее поколение радикалов — «людей сороковых годов», например, Герцена и его круг, как важных господ, которые, при всей своей эрудиции и революционных фразах, были бессильны порвать со старым порядком или со своими собственными аристократическими корнями. Они выступали, опять-таки подобно Заичневскому, за истребление царской фамилии, как за действие, которое послужит искрой для социального переворота, за Пугачевский бунт, который обратит существующий строй в прах и пыль.

Для выполнения этой задачи была организована маленькая группа под названием «Ад» — внутри ишутинского кружка. Эта небольшая группа террористов была окружена секретностью и вела анонимное и подпольное существование. Каждый из членов «Ада» рассматривал себя как обреченного человека, отрезанного от обычного общества и полностью посвятившего себя революции. Он должен был отказаться от друзей, от семьи, от личной жизни, даже от своего имени в полном самоотрицании, самоотдаче во имя дела. По словам Ишутина (которые позднее повторял Нечаев), он должен «жить с одной единственной и исключительной целью» — освобождение угнетенных классов. Для достижения этого приемлемы все средства, включая воровство, шантаж, даже убийство, не говоря уже о мошенничестве, лжи, обвинении невинных людей или о внедрении своих людей в ряды противников тайных обществ с целью установления контроля над ними — все должно применяться при условии строгой революционной дисциплины, нарушение которой влечет наказание смертью. Один член кружка даже совершил отравление собственного отца и полученное от него наследство отдал на революционное дело; и, кроме того,

планировалось совершать грабежи, позднее названные «экспроприациями» коммерческих и правительственных учреждений. Главной целью, однако, было убийство царя и его чиновников. Совершив этот акт, террорист должен был покончить жизнь самоубийством, молниеносно сжав пилюлю из ртути между зубами — Беркман попытался сделать это же после своего нападения на Фрика — для того, чтобы полиция не смогла установить его личность. Ишутин, который был воодушевлен покушением Орсини на Наполеона Третьего, говорил о том, что «Ад» был русской секцией некоей общеевропейской революционной организации, которая ставила своей целью повсеместное уничтожение монархов; таким образом, он являлся пионером той техники мистификаций, которую Нечаев развил до высокого искусства.

Еще одним звеном в цепи русского якобинства, цепи, которая протянулась от Пестеля до Ленина, был Петр Ткачев, который утверждал, что успешная революция может быть осуществлена только тесно сплоченной элитой, которая «должна обладать моральной и интеллектуальной властью над большинством», и чья организация требует «централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и координации действий». Заичневский, бесспорно, стал одним из наиболее убежденных последователей Ткачева, оставшимся верным своим якобинским принципам до самого конца своей жизни; и в 1869 г. Нечаев совместно с Ткачевым в написанной ими «Программе революционных действий» призвал к организации «революционных ячеек», которые должны действовать, подобно ишутинскому кружку, в соответствии с тем принципом, что революция есть высшая справедливость, оправдывающая применение любых средств. «Те, кто вступит в организацию, — писали они, — должны оставить свое имущество, профессию и семейные связи, ибо семья и работа может отвлечь членов организации от их деятельности». Вновь, подобно Ишутину, они говорили о союзе европейских революционных организаций, с центром на Западе, и, возможно, эта мистификация была одной из причин того, что Нечаев приехал в Швейцарию в 1869 г., когда он впервые встретился с Михаилом Бакуниным.

«Катехизис революционера»

Еще до отъезда из России Нечаев начал свой путь мистификации и обмана.

В марте 1869 г. Вера Засулич получила анонимное письмо со следующими словами: «Когда я гулял сегодня на Васильевском острове, я увидел экипаж, перевозящий заключенных. Из окошка высунулась рука и бросила записку. Через некоторое время я услышал следующие слова: „Если вы студент, то доставьте это по указанному адресу“. Я студент и считаю своим долгом исполнить эту просьбу. Уничтожьте мое письмо.» Приложенная записка, написанная нечаевской рукой, информировала его друзей, что он арестован и будет содержаться в Петропавловской крепости. Вскоре после этого распространился слух, что он бежал из крепости — беспримерный подвиг — и находится по пути на Запад. На деле же, не было не только побега, но не было и ареста. Все это была выдумка, первая из целой серии выдумок Нечаева, для того, чтобы представить себя героем, окружить себя атмосферой тайны и попробовать себя в роли «образцового революционера» из написанной им и Ткачевым «Программы революционных действий».

Нечаев перешел русскую границу 4 марта 1869 г. Достигнув Женевы, он немедленно явился к Бакунину, назвавшись представителем мощной революционной организации, действующей внутри царской империи. Бакунин сразу же был увлечен этим «юным дикарем», этим «тигренок», как он называл Нечаева. «Здесь со мной находится, — писал он Джемсу Гильому 13 апреля 1869 г., — один из тех молодых фанатиков, которые не знают сомнений, которые не боятся ничего... верующие без Бога, герои без риторики». Он видел в Нечаеве идеал революционного конспиратора, предвестника нового поколения, которое энергично, решительно и непреклонно низвергнет царский порядок. Пребывание Нечаева в Швейцарии, как заметил Э.Х.Карр, привело к тому, что стареющий Бакунин воспрянул духом, у него возродились революционные надежды и на него повеяло дыханием родной земли, которую ему не суждено уже было увидеть. Для Бакунина, как выразился профессор Конфино, «Нечаев был молодой Россией, революционной Россией, его Россией».

В течение весны и лета 1869 г. Бакунин и Нечаев выпустили серию памфлетов и манифестов, призывающих к социальному перевороту в России. В «Нескольких словах к нашим молодым братьям в России» Бакунин призывал революционную молодежь «идти в народ» проповедовать бунт, воодушевлять народ бороться не на жизнь, а на смерть против государства и привилегированных классов, следуя примеру Стеньки Разина два века назад. «Образованная молодежь должна быть не благодетелем народа, не его диктатором и поводырем, но лишь рычагом на пути народа к его свободе, помогающим народу объединить свою энергию и силы,» — призывал Бакунин. «Остерегайтесь того обучения, посредством которого известные лица пытаются сковать вас и лишит вас вашей силы. Образование подобного рода должно умереть вместе с миром, проявлением которого оно является.» набросок похожей прокламации «К студентам Университета, Академии и Технического Института» — напечатал Нечаев, и другую прокламацию под названием «Русским студентам» — Николай Огарев, близкий товарищ Герцена и Бакунина. Остальные — «Постановка революционного вопроса», «Принципы Революции», «Издание Общества „Народная Расправа“ № 1» (включающее две статьи, датированные летом 1869 г.) — все были неподписаны, и их авторство окончательно не установлено. Превознося безоглядное разрушение во имя революции, они проповедуют оправдание любых средств, ведущих к революционному исходу. «Постановка революционного вопроса» заслуживает особого внимания из-за своих панегириков разбою в явно бакунинских терминах и выражениях: «Только разбойник в России — истинный революционер — революционер без болтовни, без книжной риторики, без фразерства — непримиримый, неукротимый революционер действия... Близятся годовщины Стеньки Разина и Пугачева: подготовимся же к празднику!»

Авторство «Принципов Революции» (эта работа, вероятно, принадлежит перу Нечаева) особенно важно, потому что она сильно похожа по стилю на «Катехизис революционера»: «Мы не признаем другой деятельности, кроме работы по истреблению, но мы допускаем, что формы, которые примет эта деятельность, будут весьма различны — яд, нож, веревка и т. д. В этой борьбе революция одинаково освящает все формы действия». «Народная Расправа» № 1, с ее призывами к крестьянской революции а la Разин и Пугачев и с критикой «самозванных учителей» народа, чьи учения подрывают и истощают животворные «народные соки», носит отличительные признаки как Бакунина, так и Нечаева, однако призыв последовать примеру Ишутина и его группы более характерен для «юного дикаря»: «Ишутин проявил инициативу; и сейчас время для нас начать, пока его горячие следы не

остыли». Профессор Конфино, к несчастью, ничего не сообщает об авторстве этих неподписанных прокламаций, и остается лишь надеяться, что Артур Ленинг прольет новый свет на это вопрос в своем предстоящем труде о 1869 г.

В промежуток времени между апрелем и августом 1869 г. был написан пресловутый «Катехизис революционера», ставший с тех пор объектом жарких споров и дискуссий. Намеченный ранними документами европейского революционного движения, он выражает цели и чувства, которые уже были выражены Заичневским и Иштутиным в России и карбонариями и «Молодой Италией» на Западе. Однако, доводя до последней крайности безжалостность и аморализм своих предшественников, этот документ представляет собой законченное утверждение того революционного направления, которое захватило ведущее место в революционной истории более чем на сто лет. В «Катехизисе» революционер изображен как законченный аморалист, совершающий преступление и предательство, подлость и обман, приводящие к разрушению существующего строя. Вот почему Николас Уолтер осудил «Катехизис» как «скорее отвратительный, чем революционный документ», выражающий «чистый, тотальный, фанатичный, разрушительный, нигилистический, саморазоблачающийся революционаризм».

«Катехизис» включает в себя две части: первую — «Основные принципы организации», включающую 22 параграфа, и вторую — «Принципы поведения революционеров», с 26 параграфами, разбитыми на три главы: «Отношение революционера к самому себе», «Отношение революционера к товарищам по революции» и «Отношение революционера к обществу».

Часть вторая, более известная, широко публиковалась на многих языках и в разных изданиях, в то время как часть первая, по моим сведениям, никогда не переводилась на английский, хотя полный французский перевод был включен в труд Конфино, указанный в библиографическом указателе. Первоначальный вариант «Катехизиса», написанный шифром, латинскими буквами, был перевезен Нечаевым в Россию в августе 1869 г. Он был обнаружен полицией при аресте соратников Нечаева, последовавшем тремя месяцами позже и был использован как улика против них на суде. Подлинная рукопись, которая была впервые опубликована в «Правительственном вестнике» в июле 1871 г., погибла в огне во время пожара в Министерстве Юстиции в 1917 г.; но текст был переиздан в 1924 г. в журнале «Борьба классов» с копий, найденных в архиве царской тайной полиции.

Вторая часть катехизиса была опубликована во Франции марксистами в 1873 г. во время их кампании против Бакунина в Первом Интернационале. Первый английский перевод был опубликован в 1939 г. в «Апостолах революции» Макса Номеда, и еще раз появился перевод второй части в 1957 г. в «Террористах» Роберта Пейна (книга переиздана в 1967 г. в расширенном варианте под названием «Крепость»). Обширные выдержки из «Катехизиса» содержатся в книге «Корни революции» Франко Вентури (1960); и между 1969 и 1971 гг. появились по крайней мере три памфлета, включающие в себя «Катехизис»: первое было выпущено партией «Черные пантеры» в Беркли, Калифорния, с предисловием Элдриджа Кливера; второе — издательством «Кропоткинский маяк» в Лондоне с предисловием Николаса Уолтера (оба издания воспроизводят перевод Номеда), и, в новом переводе, как «Красный памфлет» № 1 с неподписанным предисловием и без обозначения места издания.

«Революционер — человек обреченный» — такими словами, напоминающими Ишутина, начинается вторая часть «Катехизиса». «У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией» (параграф 1). Он изучает химию и другие естественные науки с целью уничтожения своих врагов (пар.3). Он порвал все связи с общественным строем, с образованным миром и с общепринятой моралью. «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.» (пар.4) «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.» (пар.6) Революционная организация должна составить список лиц, подлежащих истреблению (пар.15) и, «прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации» (пар.16). Революционер должен заманивать в свои сети людей с деньгами и влиянием и «сделать их своими рабами» (пар.18). Что касается либералов, то революционер должен делать вид, «что слепо следует за ними, а, между тем, прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен...» (пар.19). Последние параграфы повторяют зажигательные призывы посланий «Несколько слов к нашим молодым братьям», «Постановка революционного вопроса» и «Принципы революции»: «Наше дело — разрушение, страшное, полное, повсеместное и беспощадное» (пар.24). «Мы должны соединиться с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России» (пар.25).

Авторство «Катехизиса» было предметом длительных и ожесточенных споров. При отсутствии решающих доказательств, ученые, враждебно относящиеся к анархистам, обычно приписывали его Бакунину, в то время как другие приписывали его Нечаеву, и, наконец, третьи приписывали его обоим, как результат их сотрудничества в 1869 г. Так, издание «Кропоткинского маяка» называло автором Нечаева, в то время как издания и «Черных пантер» и «Красного памфлета» называли автором Бакунина, а анонимный издатель последнего утверждал, что «миф о том, что его написал Нечаев, был изобретен мелкобуржуазными псевдо-„анархистами“, которые ревизовали Бакунина». Такие выдающиеся ученые, как Макс Неттлау, Э.Х.Карр и Франко Вентури на Западе и Б.П.Козьмин в Советском Союзе, приписывали «Катехизис» Бакунину, потому что имелись признания товарищей Бакунина, З.К.Ралли и Михаила Сажина (Армана Росса), которые утверждали, что видели копию рукописи «Катехизиса», написанную рукой Бакунина. Некоторые, включая Карра, доказывали, что «Катехизис» напоминает бакунинский стиль, и что катехизис был одной из любимых Бакуниным форм изложения (так, в 1866 г. он опубликовал «Революционный катехизис»). С другой стороны, катехизис, как литературная форма, широко использовался как революционерами в России, так и на Западе в течение всего XIX в. Профессор Конфино, кроме того, утверждает, что сравнение «Катехизиса революционера» с бакунинским, более ранним, «Революционным катехизисом», показывает, что они «сильно отличаются» по стилю и терминологии. Как по форме, так и по содержанию — первый из них, вероятнее всего, появился из среды революционного студенчества внутри

России в 1860-е гг., из среды, в которой Бакунин, в отличие от Нечаева, не принимал участия, — нежеле, чем из среды старшего поколения эмиграции, живущего в Швейцарии.

Важное новое доказательство в решении этого вопроса содержится в письме Бакунина к Нечаеву от 2-9 июня 1870 г., находящееся в Архиве Натальи Герцен в Национальной Библиотеке в Париже и впервые опубликованное Конфино в 1966 г. в «Тетрадах по советской и русской жизни» (*Cahiers du Monde Russe et Sovietique*). Это письмо длиннее и интереснее из писем, которое когда-либо написано Бакуниным, писавшееся на протяжении восьми дней и занимающее более тридцати страниц мелко и плотно напечатанного текста. Оно занимает центральное место в трудах и Ленинга и Конфино, а мы подробнее расскажем о нем ниже. В нем Бакунин специально отрекается от того, что он называет «вашим катехизисом», вместе с нечаевской «иезуитской системой» в целом. На основании этого заявления теперь авторство «Катехизиса» должно быть установлено как нечаевское, хотя это не означает определенно того, что Бакунин не играл роли в его написании или доработке. Так как он был написан в период близкого сотрудничества между этими двумя людьми, то, даже если фактическое авторство принадлежит Нечаеву, Бакунин, возможно, помог ему в написании и редактуре. Это, по всей видимости, объясняет встречающуюся в нем изредка бакунинскую фразеологию, также как существующие утверждения о копии, написанной рукой Бакунина. Письмо Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г. подтверждает, что он был близко знаком с ним во время написания «Катехизиса» — во время, когда он был в наибольшей степени под влиянием Нечаева — и, что чрезвычайно важно, «Катехизис» не вызывал сколько-нибудь значительного протеста со стороны Бакунина вплоть до его ссоры с Нечаевым, последовавшей годом позже.

Дело Иванова

До возвращения Нечаева в Россию с рукописью «Катехизиса», он уже начал воплощать в жизнь его положения. Уже обманув своих товарищей по революционному движению выдуманным рассказом о своем аресте и бегстве, он теперь отправил компрометирующие письма и революционную литературу своим наиболее умеренным знакомым в России, для того, чтобы скомпрометировать их перед властью и, в соответствии с параграфами 18 и 19 «Катехизиса», вовлечь их глубже в радикальную деятельность. Между мартом и августом 1869 г. были перехвачены не менее 560 посылок, адресованных 387 лицам — и это только в Санкт-Петербурге! Следуя тем же принципам, Нечаев позднее украл частные письма и бумаги Бакунина и его окружения с целью оказывать влияние на них, и даже совершил убийство, чтобы подчинить своих сообщников своей воле. Все это было частью системы тотального пренебрежения порядочностью, которая вошла в революционную историю под именем «нечаевщины».

Между тем, Бакунин отчасти потворствовал его мистификациям. В мае 1869 г. он выдал Нечаеву удостоверение, назначавшее его «одним из уполномоченных представителей Русской Секции Всемирного Революционного Альянса, N 2771». Подписанный Бакуниным мандат был скреплен печатью «Европейского Революционного Альянса, Центрального Комитета» — явная выдумка, похожая на ту, что уже использовали Ишутин и Нечаев, и предназначенная для того, чтобы создать впечатление всемирной революционной сети.

Таким образом, Нечаев, самоназвавшийся (Бакунину — прим. перев.) представителем, вероятно, несуществующего Русского революционного комитета, в свою очередь получил от Бакунина полномочия — действовать в России, представляя несуществующий Европейский Революционный Альянс. Э. Х. Карр метко замечает: «Это была ситуация, которая имеет несколько параллелей как в комедии, так и в истории». Кроме того, увеличивая престиж Нечаева, Бакунин уговорил Огарева посвятить ему стихотворение, написанное о студенте, который умирает мученической смертью в Сибири. По настоянию Бакунина, Огарев посвятил это стихотворение своему «юному другу Нечаеву». Стихотворение было напечатано как листовка, и осенью 1869 г. было распространено в России, где оно помогло созданию нечаевской легенды.[2]

В конце августа 1869 г. Нечаев вернулся в Россию, «вооруженный» стихотворением, «Катехизисом» и благословениями Бакунина и Огарева. Прибыв в Москву, он приступил к организации революционного общества под названием «Народная Расправа», — с тем же названием, что и одна из брошюр, изданных в Женеве — в духе принципов, изложенных в «Катехизисе». Это было тайное, дисциплинированное общество, организованное в группы — «революционные пятерки» (как в «Аде» Ишутина и в первой организации «Земля и Воля» 1860-х гг., а также в тайных обществах Западной Европы) с безоговорочным повиновением каждого члена общества — вождю, который, в свою очередь, получал приказы из центрального комитета. Главной целью общества было произвести народный переворот 19 февраля 1870 г., в девятую годовщину освобождения крепостных, и на его официальной печати был изображен топор со словами «Комитет „Народной Расправы“, 19 февраля 1870 года». Организация возглавлялась лично Нечаевым, который, как свидетельствуют все источники, требовал абсолютного и слепого послушания от своих товарищей, которым он выдал мандаты от имени несуществующего центрального комитета. Нечаев заставлял членов общества шпионить друг за другом и поощрял использование вымогательства и шантажа для добывания денег на революционное дело.

Такие методы оказались слишком отвратительны для одного из самых способных членов организации, студента Петровской Сельскохозяйственной Академии с невероятным именем Иван Иванович Иванов. Иванов был честным и умным членом кружка, действовавшего в Академии, который активно участвовал в студенческом движении, посвящал все свое время обучению крестьянских детей и имел значительное влияние на своих товарищей-революционеров. Однажды он открыто выступил против порядков, вводимых Нечаевым, усомнился в существовании центрального комитета, от имени которого выступал Нечаев и, возможно, даже угрожал создать новую революционную группу, основанную на более демократических принципах, что Нечаеву трудно было вытерпеть. Во всяком случае, Нечаев ухитрился убедить некоторых из своих последователей, что Иванов собирается донести на них, и что, в соответствии с параграфом 16 «Катехизиса» («прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации») было необходимо покончить с ним.

В ночь на 21 ноября 1869 г., Иванова заманили в грот в парке Сельскохозяйственной Академии под предлогом того, чтобы откопать тайную типографию. Здесь на него набросились Нечаев и четверо его сообщников и ударили его. Нечаев попытался задушить его, но Иванов отчаянно кусал его руки, и тогда он вытащил пистолет и разрядил его в

голову Иванова. К трупам был привязан камень, и он был брошен через отверстие в гроте в ближайший пруд. Таким способом Нечаев устранил потенциального противника и одновременно обеспечил подчинение своей власти товарищей по совершенному преступлению. Это был крайний пример его техники добиваться повиновения путем вовлечения товарищей в преступления. Их единственная жертва, однако, была не агентом властей, но одним из членов их собственной организации, который вызвал вражду их вожака.

Убийство Иванова произвело огромную сенсацию. Достоевский использовал это происшествие в качестве сюжета для своего романа «Бесы», где Верховенский представлял Нечаева, а Шатов — Иванова. Обнаружение тела Иванова через четыре дня после убийства привело к аресту трехсот революционеров и, в итоге, к суду над восьмьюдесятью четырьмя «нечаевцами» летом 1871 г. Одним из осужденных был зять Петра Лаврова Михаил Негрескул, который до этого противостоял нечаевской тактике в Санкт-Петербурге, и который был среди тех, кого Нечаев сумел скомпрометировать, отправив революционные прокламации из Швейцарии. Негрескул был заключен в Петропавловскую крепость, заболел там туберкулезом легких и наконец умер, находясь под домашним арестом в феврале 1870 г. Нечаев тем временем ускользнул из Москвы в Санкт-Петербург, где он раздобыл паспорт и успешно совершил переход границы в декабре 1869 г., оставив своих товарищей ожидать приговора суда.

Ссора

12 января 1870 г. Бакунин, живший в Локарно, получил письмо от Огарева, сообщавшее, что Нечаев прибыл в Женеву. Бакунин так сильно обрадовался, что «едва не пробил потолок своей старой головой». В скором времени Нечаев приехал в Локарно, и эти два человека возобновили свое сотрудничество, выпустив два манифеста, обращенные к российскому дворянству — первый из них, вероятно, был написан Бакуниным, второй — Нечаевым. Нечаев также напечатал второй номер «Народной Расправы» (датированный зимой 1870 г.), а также шесть выпусков «Колокола» в апреле и мае 1870 г.[3]

Для финансирования этих изданий Нечаев использовал средства из так называемого «Бахметьевского фонда», переданного Александру Герцену молодым русским дворянином, который в 1858 г. уехал на южные острова Тихого Океана — основывать утопическую коммуны. Когда Герцен встретился с Нечаевым в Женеве в 1869 г., он инстинктивно почувствовал к нему антипатию. Но, под давлением Бакунина и Огарева, он уступил половину фонда, большая часть которой была передана Нечаеву, который использовал эти средства на финансирование своей революционной деятельности по возвращении из России. Когда Герцен умер в январе 1870 г., Бакунин убедил Огарева потребовать остаток фонда у семьи Герцена. Сын Герцена передал его, и через Огарева все это перешло к Нечаеву, который отказался подписать расписку своей подписью, но принял деньги от имени несуществующего центрального комитета.

В это время Бакунин испытывал финансовые затруднения. Он принял предложение русского издателя Полякова перевести «Капитал» Маркса и получил за перевод аванс в 300 рублей,

но он был не в силах успешно продвигаться в выполнении этого дела. 17 февраля 1870 г. Нечаев написал угрожающее письмо русскому студенту Любавину, который выступал посредником между Бакуниным и Поляковым, требуя оставить Бакунина в покое и освободить от всех обязательств.[4] Письмо, написанное на бланке Центрального Комитета Народной Расправы и украшенное печатью с топором, кинжалом и пистолетом, было позднее использовано Марксом для дискредитации Бакунина и его исключения из Интернационала.

Немного позднее, однако, отношения между Бакуниным и Нечаевым начали ухудшаться. Последовавший за ними разрыв, как показали Ленинг и Конфино, был сложным процессом, включавшим психологический, финансовый, политический, моральный и идеологический факторы. Во время второго пребывания Нечаева в Швейцарии отношение его к Бакунину было несколько иным, чем год назад. По свидетельству Ралли, он больше не выказывал почтения к своему учителю. Напротив, он требовал, чтобы к нему относились как к единственной личности, представляющей серьезную революционную организацию. Он обходился с Бакуниным все более и более грубо, даже отказал ему в деньгах из Бахметьевского фонда на его повседневные нужды. Он жаловался Сажину, что Бакунин не имеет больше «нужной энергии и самоотречения, требующихся истинному революционеру»: отражение конфликта поколений — дети против отцов, «шестидесятники» против «людей сороковых годов» — внутри народнического движения. Он начал и в самом деле запугивать Бакунина так, как предписывал «Катехизис» обходиться с либералами — запугивать их после того, как получишь от них все, что нужно. Он стремился применить в отношении Бакунина и его друзей свои авторитарные методы, заходя в этом так далеко, что воровал их частные письма и бумаги для того, чтобы шантажировать их или манипулировать ими в будущем («следует прибирать их к рукам, овладеть их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен» — параграф 19 «Катехизиса»).

Надежды Бакунина были разбиты вдребезги. Его гордость дорого заплатила за его слепое увлечение «боем». «Если вы представите его другу, он начнет немедленно сеять вражду, скандалы и интриги между вами и вашим другом и посорит вас.» — писал Бакунин. «Если у вашего друга есть жена или дочь, он постарается соблазнить ее и сделать ей ребенка для того, чтобы вырвать ее из-под власти общепринятой морали и обратить ее, вопреки ей самой, к революционному протесту против общества.» (Именно таким было поведение Нечаева в отношении Натальи Герцен, — как описано в ее дневнике.) Тем временем из России прибыл Герман Лопатин и сообщил правду об убийстве Иванова, объяснив, что шрамы на пальце Нечаева были смертными знаками, оставленными его жертвой, и разоблачив вымышленный нечаевский центральный комитет и его хвастливое «бегство из крепости».

Кульминационный момент разрыва наступил вместе с письмом от Бакунина к Нечаеву от 2 июня 1870 г., английский перевод которого (сделанный Лидией Ботт) был опубликован в журнале «Энкаунтер» в июле-августе 1972 г. по записям профессора Конфино. Письмо было не «открыто» Конфино, как заявляет «Энкаунтер», хотя он был действительно первым, кто опубликовал его. О том, что оно существует и находится в Национальной Библиотеке, было известно, и Артур Ленинг изучал его в 1962 г. вместе с другими документами по этому делу, находящимися в архиве Натальи Герцен. Кроме того, отмечает «Энкаунтер», Конфино

ошибся, заявив, что это единственное письмо от Бакунина к Нечаеву, дошедшее до нас, ибо имеется еще одно — короткое — от 11 мая 1870 г., приведенное в труде Ленинга. Однако, как бы то ни было, Конфино правильно называет это письмо одним из наиболее необыкновенных документов в истории революционного движения XIX столетия. Это определяется не только тем, что оно проливает свет на авторство знаменитого «Катехизиса», но также проясняет причины разрыва Бакунина с Нечаевым, помогает нам понять различие их взглядов на тайные организации и, сверх всего прочего, освещает вопрос революционной этики — взаимоотношения между средствами и конечной целью — который всегда вставал перед революционерами.

Бакунин, выражая свое разочарование и почти невыносимое унижение, пишет с потрясающим чувством и силой. Он жалуется Нечаеву, воспользовавшемуся тем, что «веря в Вас безусловно, в то время как вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком — это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, — хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу.» В вопросе о революции Бакунин решительно отвергает нечаевское якобинство и бланкизм — его веру в необходимость захвата власти революционным меньшинством и в организацию революционной диктатуры — выступая, вместо этого, за стихийный массовый переворот, совершаемый самим народом: «Всякая другая революция, по моему глубочайшему убеждению, бесчестна, вредна, свободо— и народоубийственна...»

Какова, в таком случае, роль революционной организации? Нечаевская концепция ошибочна, ибо prepares новых «угнетателей народа», «убивает в них всякое человеческое чувство», и «воспитывает в них ложь, недоверие, шпионство и доносы...» Истинно революционная организация, утверждает Бакунин, «не навязывает народу никаких новых постановлений, порядков, форм жизни, а только разнуздывает его волю и дает широкий простор его самоопределению и его экономически-социальной организации, которая должна быть создана им самим, снизу вверх, а не сверху вниз». Революционная организация должна «на другой день народной победы сделать невозможным установление какой бы то ни было государственной власти над народом — даже самой революционной, по-видимому, даже вашей, — потому что всякая власть, как бы она ни называлась, не переменным образом подвергла бы народ старому рабству в новой форме.»

«Я вас глубоко любил и до сих пор люблю, — писал Бакунин, — но вы должны отказаться от вашей лживой иезуитской системы», вашей «системы обмана, которая все в большей степени становится вашей единственной системой, вашим новым оружием и средством, и которая является фатальной для самой себя».

Таков был призыв Бакунина к его своенравному последователю. Но его собственный отказ от «нечаевщины» был еще далеко не полным. При всем его разочаровании, его отношение к Нечаеву оставалось двойственным. Нечаев, в его глазах, оставался преданным революционером, который действовал, в то время как другие только болтали, революционером энергичным, упорным, смелым и с сильной волей, все еще сохраняющим огромную привлекательность. «Вы — страстно преданный человек; Вы — каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право.» Если вы измените ваши методы, добавляет он, «я желал бы не только остаться в соединении с Вами, но соединиться еще теснее и крепче».

Бакунин послал похожее послание Огареву и его друзьям: «Главное дело данного момента — сохранить нашего заблуждающегося и запутавшегося друга. В злобе на всех, он остается ценным человеком, и мало есть столь же ценных людей на свете... Мы любим его, мы верим в него, мы предвидим, что его будущая деятельность должна быть чрезвычайно полезной для народа. Вот почему мы должны отвлечь его от его ложного и гибельного пути.»

Итак, несмотря на все раны, уязвляющие самолюбие Бакунина, на все его недовольство принципами и тактикой Нечаева, так сильна была любовь Бакунина к его «тигрёнку», что он был неспособен решительно порвать с ним, несмотря на обманы и унижения, откровенный аморализм «Катехизиса» и даже на убийство Иванова. Кроме того, тогда еще между ними оставалось так много общего. Их программа, признавал Бакунин, была «действительно одинакова». И только после того, как Нечаев начал использовать свои бесчестные методы против самого Бакунина, тот высказал к ним отвращение.

Бакунин не меньше, чем Нечаев, имел тягу к конспирации и тайным организациям. При всех его нападках на революционную диктатуру, он оставался неутомимым адвокатом тайно связанной революционной ассоциации, сочетавшейся с безграничным повиновением революционному вождю. Некритические поклонники Бакунина неубедительны, когда они утверждают, что его упоминания о «железной дисциплине» или о «невидимой диктатуре» случайны или нехарактерны, или что они отсутствовали в период, когда его анархистские теории были полностью развиты, или что они высказаны в то время, когда он был под пагубным влиянием Нечаева. Напротив, конспирация была красной нитью на всем его революционном пути. Не зря же он хвалил Буонарроти как «величайшего конспиратора своего века».

Через всю свою взрослую сознательную жизнь, от 1840-х до 1870-х гг., Бакунин пытался создавать тайные общества, беря за образец подобные общества на Западе. В 1845 г. он стал франкмасоном. А в 1848 г. он призвал создавать тайные организации, состоящие из групп по три и пять человек, которые были бы «построены по принципу жесткой иерархии и безоговорочного повиновения центральному контролю». Не отказался он от этой цели и в последующие годы. В течение 1860-х гг. он организовал целый ряд тайных обществ: Флорентийское Братство (1864), Интернациональное Братство (1866), Интернациональный Альянс Социалистической Демократии (1868) — и детально разработал принципы и правила, регулирующие поведение их членов. Организация создавалась как «подобие генерального штаба», работающего «невидимо в массах» и остающегося в целостности и сохранности даже и после революции, и она предназначалась для того, чтобы предупредить возникновение какой-либо «официальной диктатуры». Этот штаб должен был представлять из себя «коллективную диктатуру», диктатуру «без внешних знаков, без званий, без официальных прав, и более могущественную именно потому, что у нее отсутствуют внешние проявления власти». Ее члены, провозглашал Бакунин языком, напоминающим «Катехизис», должны подчиняться «строгой дисциплине», нарушения которой должны рассматриваться как «преступления», наказываемые «исключением, сочетающимся с местью, следующей ото всех членов общества». Впоследствии, в 1872 г. он все еще писал: «Наша цель — создание всемогущей, но всегда невидимой организации, которая должна подготовить революцию и возглавить ее.»

Та же позиция представлена в его письме к Нечаеву. Народная революция, повторяет он, должна быть «незримо возглавлена, но не официальной диктатурой, но безвестной и коллективной диктатурой, состоящей из людей, преданных делу полного народного освобождения от всякого угнетения, крепко сплотившихся в тайном обществе и всегда и повсюду действующих ради общей цели и в соответствии с общей программой». Он говорит о революционной организации как о «штабе народной армии» и добавляет, вновь словами «Катехизиса», что она должна быть составлена из «самых страстно, непоколебимо и неизменно преданных людей, которые, отрешившись, по возможности, от всех личных интересов и отказавшись один раз навсегда, на свою жизнь по самую смерть от всего, что прельщает людей, от всех материально-общественных удобств и наслаждений и от всех удовлетворений тщеславия, чинолюбия и славолюбия, были бы единственно и всецело поглощены единой страстью всенародного освобождения...»

Организация, сверх того, должна иметь исполнительный комитет и требовать железной дисциплины от его членов. Парадоксально, — этот комитет должен быть морально-чистым авангардом, но в определенных случаях — здесь вновь язык «Катехизиса» — прибегать к лжи и обману, особенно против соперничающих революционных групп: «Общества, близкие по цели нашему обществу, должны быть принуждены к слитию с ним, или, по меньшей мере, должны быть подчинены ему без своего ведома... Всего этого одною пропагандою истины не сделаешь — необходима хитрость, дипломатия, обман. Тут место и иезуитизму, и даже опутыванию... Итак, в основании всей нашей деятельности должен лежать этот простой закон: правда, честность, доверие между всеми братьями и в отношении к каждому человеку, который способен быть и которого Вы бы желали сделать братом; ложь, хитрость, опутывание, а по необходимости и насилие — в отношении к врагам.» Следовательно, бакунинские методы не столь уж далеко ушли от нечаевских. Главное отличие, возможно, в том, что Нечаев действительно положил их в основу своей практики — включая шантаж и убийство, направляя их как против врагов, так и против друзей — в то время как Бакунин ограничивался простыми словами или такими относительно безвредными мистификациями, как всемирный революционный альянс, от имени которого он претендовал выступать.

Тюрьма

После их ссоры летом 1870 г., Бакунин и Нечаев никогда больше не встречались друг с другом. Нечаев уехал в Лондон, где он издавал журнал под названием «Община», в котором он требовал от Бакунина и Огарева остатки Бахметьевского фонда. После посещения Парижа накануне Коммуны, он вернулся в Лондон, затем вновь переехал в Швейцарию, где он зарабатывал себе на существование старой отцовской профессией художника по вывескам, и где его приютили на время итальянские ученики Мадзини. Царское правительство, однако, решило схватить его, и истратило на его поимку больше денег и усилий, чем на кого бы то ни было из других революционеров XIX в. Бакунин послал Нечаеву предостережение о том, что власти следят за ним, но Нечаев проигнорировал это предостережение, убежденный в том, что его старый ментор просто «старается выпихнуть [меня] из Цюриха». Наконец, 14 августа 1872 г., Нечаев был предан швейцарской полиции Адольфом Стемпковским, бывшим польским революционером, который стал российским шпионом. Немного позже он был выдан России как заурядный убийца, несмотря на

энергичные протесты со стороны его сотоварищей-эмигрантов (Бакунин был среди них), относительно того, что он был фактически политическим эмигрантом.

2 ноября 1872 г. Бакунин так выразил свою симпатию к Нечаеву в замечательном письме к Огареву, которое заслуживает того, чтобы привести из него пространную цитату: «Мне глубоко жаль его. Никто никогда не причинил мне умышленно так много вреда, как он, но мне все равно жаль его. Он был человеком редкой энергии, и когда мы встретились здесь, в нем пылало очень горячее и очень чистое пламя за наш бедный угнетенный народ; наше историческое и нынешнее национальное бедствие причиняло ему подлинное страдание. В это время его наружное поведение было достаточно отвратительным, но его внутреннее „я“ не было грязным. В нем был и авторитаризм, и необузданное своеобразие, которые, к несчастью, вместе с его невежеством и с его макиавеллизмом и с его иезуитскими методами, наконец, безвозвратно затянули его в трясину... Однако, внутренний голос говорит мне, что Нечаев, который навеки погиб и наверняка знает, что он погиб, будет теперь вызывать из той пучины, в которой он ныне находится — покореженный и запачканный, но отнюдь не подлый и заурядный, со всей своей первобытной энергией и отвагой. Он погибнет как герой и никого и ничего не предаст. Таково мое убеждение. Мы увидим, прав ли я.»

Завершение нечаевской истории может быть изложено кратко. На суде в Москве в январе 1873 г. он держался с непреклонной непокорностью. «Я отказываюсь быть рабом вашего тиранического правительства, — заявил он. — Я не признаю Императора и законов этой страны.» Он не отвечал ни на какие вопросы и был стащен со скамьи подсудимых, крича: «Долой деспотизм!» После того, как он был приговорен к двадцати годам каторги, он заявил о себе как о «сыне народа» и призывал Разина и Пугачева, «которые вешали дворян, как во Франции отправляли их на гильотину». На церемонии «гражданской казни», последовавшей за его судом, он кричал: «Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует русский народ!»

Последние десять лет жизни Нечаев провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости, из которой он, по его ложному заявлению якобы бежал в 1869 г. Его поведение в заключении, как сказал Макс Номад, было «одним из величайших эпизодов революционной истории». Когда генерал Потапов из тайной полиции посетил его тюремную камеру и предложил ему снисхождение, если он согласится стать предателем, Нечаев ударил его по лицу, разбив его до крови. На протяжении следующих двух лет его руки и ноги оставались закованными в цепи, до тех пор, пока его тело не начало гнить.

Однако, дух Нечаева не был сломлен. В самом деле, даже в тюрьме он был способен воздействовать своим харизматическим обаянием на других, привлекая на свою сторону свою собственную охрану, которая начала называть его своим «орлом». Он давал читать им нелегальный журнал партии «Народная Воля» и даже учил их, как писать зашифрованные письма. С их помощью, фактически, он получил возможность установить связь со многими своими собратьями-заключенными и, время от времени, с внешним миром, отправляя письма Исполнительному Комитету «Народной Воли», накануне убийства Александра II. Вера Фигнер говорит в своих мемуарах об их (членов ИК — прим. перев.) волнении, когда они узнали, что Нечаев был все еще жив и находился поблизости — в Петропавловской

крепости, а не в Сибири, на которую он был осужден. Их планы освободить его были, однако, отсрочены из-за того, что Исполнительный Комитет сконцентрировал всю свою энергию против царя. После казни царя, «Народная Воля» была разгромлена, а взаимоотношения Нечаева с его охраной были открыты, благодаря предательству одного из его товарищей по заключению. В результате, более шестидесяти тюремных солдат были арестованы и преданы суду, в то время как Нечаев был переведен на смертельные условия режима, которые быстро и окончательно разрушили его здоровье. Он умер от туберкулеза легких и цинги 21 ноября 1882 г., в возрасте 35 лет, погибнув «как герой», как и предсказывал Бакунин.

Заключение

Как же можно оценить Нечаева?

Был ли он абсолютным негодяем без каких бы то ни было достоинств, или же — преданным революционером, несправедливо оклеветанным его завистниками?

В некоторой степени, конечно, он остается загадкой, и его полная биография, основанная на всех имеющихся в наличии источниках должна быть поразительной, и она стоит того, чтобы ее создать. Между тем, однако, некоторые выводы могут быть сделаны. Говоря о его положительных сторонах, нельзя отрицать его отвагу и преданность. Он был наделен, говоря словами Сажина, «колоссальной энергией, фанатичной преданностью революции, стальным характером и неутомимой способностью к работе». Он прожил свою жизнь в бедности и крайнем самоотречении. Из денег, которые он получил из Бахметьевского фонда, он не взял себе ни копейки. Нельзя также подвергать сомнению искренность его революционного пыла или его ненависть к привилегиям и эксплуатации. Он заплатил за это заключением в подземелье, почти в течение трети своей жизни, — удел, который он нес с терпением и благородством, непревзойденными в анналах революционного мученичества.

Но его самоотверженная одержимость носила грубый и безжалостный характер. Она не сдерживалась сердечностью и человеческим состраданием, которыми Бакунин обладал в таком изобилии. Нечаев победил влияние сострадания при помощи своей чудовищной энергии, рассчитанного аморализма и безграничной ненависти к власти имущим и ко всем тем, кого он считал своими врагами. Его главными недостатками, писал Лев Дейч, были «безграничная уверенность в своей собственной непогрешимости, полное пренебрежение к человеческому существованию и систематическое применение того принципа, что цель оправдывает средства». Он относился ко всем мужчинам и женщинам как к простым орудиям в революционной борьбе, а поэтому он отрицал самооценку и достоинство их личности, считал их совершенно одинаковыми. С начала его пути, писал Альбер Камю в «Бунтующем человеке», «его жертвами были окружавшие его студенты, революционеры-эмигранты во главе с Бакуниным и, наконец, его тюремная стража...» Ему ничего не стоило подвести непреклонных радикалов под полицейское подозрение ради того, чтобы еще глубже вовлечь их в свою конспиративную деятельность. Он поднимал революционную целесообразность до уровня абсолютного блага, перед которым должны отступить все соображения нравственности. В интересах революции, в определении которых он считал

себя единственным судьей, любое действие было оправдано, любое преступление было узаконено, как бы отвратительно оно ни было. Он применял воровство, шантаж и убийство, и это же он проповедовал своим товарищам по конспирации. Более того, он использовал эти средства против друзей точно так же, как и против врагов. «Он обманывал каждого, кого он встречал, — пишет Э. Х. Карр, — и когда он был не в состоянии обмануть их, его власть исчезала.» Его оригинальность, как подчеркивал Камю, заключалась «в том, что он вознамерился оправдать насилие, обращенное к собратьям».

Таким образом, он несомненно предвещал, только в небольших масштабах, массовые убийства, устроенные Сталиным во имя революционной необходимости.

Короче, в то время, как Бакунин, при всех его недостатках, был по своей сущности либертарием, Нечаев, при всех своих достоинствах, был по своей сущности авторитарием. Его подлинными учителями были не Фурье, Прудон и Бакунин, но Робеспьер, Бабеф и Ткачев, чьи якобинские принципы он применял и развивал до их крайних пределов. Далекий от того, чтобы быть анархистом, он был апостолом политической целесообразности, которая имеет больше общего со средствами конспирации и с централизованной организацией, чем с созданием безгосударственного общества. Его якобинство и макиавеллизм фундаментально противоречат духу свободы, окружая анархизм аурой жестокости и безжалостности, которая была чужда его глубинному гуманизму. В руках Нечаева анархизм, идеал свободы и самоценности личности, был запачкан, принижен и, наконец, искажен до неузнаваемости.

Однако Нечаев оказал глубокое влияние на революционное движение, — как на анархистов, так и на не анархистов. Показав его в качестве убийцы товарища по революционному движению, не говоря уже о воре и шантажисте, его злодейства в то же время были некоторым органическим продолжением его преданности и самопожертвования. Так, «Народная Воля» ставила его отвагу и революционную одержимость выше темных сторон его деятельности; и Ленин, который восхищался его организационными талантами и самоотверженной преданностью делу, хвалил его как «титана революции». Во время революций 1905 и 1917 гг. образ Нечаева очаровал некоторых крайне левых молодых боевиков, которые, в своем увлечении революционной конспирацией, в своих террористических методах и в своей крайней враждебности по отношению к интеллигентам, несли в себе специфические черты своего учителя.

Кроме того, такие современные группы, как «Черные пантеры», «Черный сентябрь», РАФ (Фракции Красной Армии) и другие — применяли методы Нечаева, включая беспорядочный террор и подчинение средств цели — во имя революционного дела. Лидер «Черных пантер» Элдридж Кливер писал в «Человеке на льду», что он был «влюблен» в «Катехизис революционера» и приводил его в качестве революционной Библии, применяя его принципы в своей повседневной жизни и используя «тактику беспощадности в моих отношениях со всеми, с кем я вступал в контакт». («Катехизис» был издан «Черными пантерами» в виде брошюры в 1969 г. в Беркли с предисловием Кливера.) Другая террористическая группа в США напала и убила (с использованием пуль с наконечниками, смазанными цианистым калием) управляющего школой в Окленде, Калифорния, и несколько ее членов порвали с этой организацией из-за ее «привязанности к насилию и эгоцентрической настойчивости ее

руководства в принятии секретных решений». Даже убийство Иванова, достаточно страшное, имело свой аналог в убийстве человека, огульно обвиненного в доносительстве, группой «Черные пантеры» в 1969 г. в Нью-Хэвене и в резне, устроенной в 1972 лидером «Объединенной Красной Армии» в Японии не менее чем четырнадцати членов его группы за нарушение «революционной дисциплины».

Но тактика «нечаевщины» вызвала мощное противодействие и широкую волну отвращения в среде революционного движения. В своем собственном кружке в Санкт-Петербурге в конце 1860-ых гг. Нечаев уже встретил оппонентов в таких либертарных социалистах, как Марк Натансон, Феликс Волховский, Герман Лопатин и Михаил Негрескул. Кружок чайковцев 1870-ых гг., включавший Кропоткина и Кравчинского, наряду с Натансоном, Волховским и Лопатиным — также отвергал якобинские методы Нечаева, его циничный аморализм и его диктаторскую организацию партии. В отличие от его «Народной Расправы», они добились создания атмосферы доверия и искренности и создали организацию, основанную на взаимной помощи и взаимном уважении среди ее членов. Отталкиваясь от макиавеллизма Нечаева, они доказывали, что цель, даже благородная, неизбежно обанкротится и переродится, если будут использованы такие чудовищные средства; они спрашивали, подобно Бакунину, не приведет ли воспитание групп революционеров в направлении, предложенном Нечаевым, к возникновению высокомерной элиты, стремящейся к власти, которая будет указывать народу то, чего он должен хотеть, независимо от того, хочет ли он этого в действительности или нет. Таким образом, они ставили себя в ряд либертарных социалистов: Герцена, Бакунина и Лаврова, — против авторитарной революционности Ишутина, Ткачева и Нечаева, которые, как они чувствовали, не могли способствовать истинно социалистической революции, потому что им не хватало истинно социалистической нравственности.[5]

Такую же критику позднее направил против большевиков Петр Кропоткин, в чьих устах, писала Мария Гольдсмит, «слово „нечаевщина“ всегда было сильным упреком». Как член кружка чайковцев, Кропоткин невысоко ставил самооценку организации «профессиональных революционеров» с их тайными планами, управляющими комитетами, железной дисциплиной и подчинением средств целям. Он утверждал, что «нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации». Для Кропоткина цели и средства были неразрывны, и он неизменно оставался в оппозиции ко всякой тактике, которая противоречила его принципам и целям. Также и Бакунин в своих наиболее прозорливых мыслях был внутренне противоречив. Как он писал Сажину менее, чем за два года до своей смерти: «Осознайте наконец, что ничто живое и прочное не может быть построено на иезуитском обмане, что революционная деятельность, направленная на успех, не должна искать своей опоры в низких и мелких страстях, и что революция не может достичь победы без возвышенных и чистых идей».

Примечания переводчика

1 Александр Беркман (1870–1936) — известный американский анархист. В 1892 г. во время крупной забастовки металлистов в Хомстеде, которая жестоко подавлялась полицией, совершил покушение на (управляющего) Генри Клея Фрика, который отвечал за подавление

забастовки. Покушение не удалось, а Беркман провел 14 ужасных лет в тюрьме. После выхода на свободу он продолжал быть одним из наиболее активных участников анархического движения, сначала в Соединенных Штатах, а затем, после высылки в 1919 г. (за антивоенную пропаганду) — в России и многих европейских странах. Разбитый болезнью, не желая причинять страданий своим близким, покончил жизнь самоубийством.

2 Первоначально стихотворение Н. П. Огарева «Студент» было посвящено памяти друга Огарева и Герцена математика, механика Сергея Ивановича Астракова. С посвящением Нечаеву широко распространилось в России, где стало известно Ф. М. Достоевскому, который написал на это стихотворение талантливую пародию (см. «Бесы», часть 2, глава 6) — «Светлая личность» — стихотворение, которое якобы Герцен посвятил Петруше Верховенскому (аналог Нечаева).

Н. П. Огарев. **Студент**

Юному другу Нечаеву
Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззвание,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»
Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен —
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнания:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу.»
(1868)

Ф. М. Достоевский. **Светлая личность**

Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,

Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданию,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстание начиная,
Он бежал в чужие края
Из царева каземата
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпением ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!
(1872)

3 После смерти Герцена Нечаев убедил Бакунина и Огарева «продолжить» издание «Колокола», но, разумеется, этот новый, нечаевский «Колокол» (Бакунин не принял в нем никакого участия), эклектичный и недолго просуществовавший, ничего общего, кроме названия, не имел со знаменитым изданием Герцена. Подробнее об этом см. книгу Н. М. Пирумовой «Социальная доктрина Бакунина» (М., 1990), с. 190–193.

4 Это письмо, отправленное Нечаевым Любавину фактически без ведома Бакунина, заканчивалось угрожающими словами: «В противном случае придется прибегнуть к мерам, не столь деликатным». Каковы эти «меры» показывало «дело Иванова». Перепуганный издатель выполнил требования Нечаева, а письмо к Любавину, попав к Марксу, было использовано им в травле Бакунина. Всего Бакунин перевел около 300 страниц «Капитала», а завершение перевода было поручено Н. Ф. Даниельсону и Г. А. Лопатину (этот перевод вышел в 1872 г.).

5 После нечаевского дела и публикации в «Правительственном вестнике» «Катехизиса революционера», русское революционное движение получило мощную прививку от «бесовщины» и «иезуитства». Кружок чайковцев, породивший движение 1870-х гг., возник во многом отталкиваясь от нечаевщины: «генеральство», централизм в организации, аморализм в средствах стали бранными словами, — новое движение строилось на взаимном доверии революционеров, стремилось к полному нравственному и умственному развитию каждого из своих участников и безусловно отвергало принцип «цель оправдывает средства». Вместо революционного мессианства — стремление слиться с народом,

разделить его долю, учиться у него. Этому движению был присущ дух свободы, братства, равноправия и высочайшей нравственности. П. А. Кропоткин вспоминал в «Записках революционера» (М., 1988, с. 289): «В 1869 году Нечаев попытался организовать тайное революционное общество из молодежи, желавшей работать среди народа. Но для достижения своей цели он прибег к приему старинных заговорщиков и не останавливался даже перед обманом, чтобы заставить членов общества следовать за собою. Такие приемы не могут иметь успеха в России, и скоро нечаевская организация рухнула... Кружок саморазвития, о котором я говорю, возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности. Чайковский и его друзья рассудили совершенно верно, что нравственно развитая личность должна быть в основе всякой организации независимо от того, какой бы политический характер она потом ни приняла и какую бы программу деятельности она ни усвоила под влиянием событий. Вот почему кружок Чайковского, постепенно раздвигая свою программу, так широко распространился по России и достиг таких серьезных результатов. Поэтому также впоследствии, когда свирепые преследования со стороны правительства породили революционную борьбу, кружок выдвинул ряд выдающихся деятелей и деятельниц, павших в бою с самодержавием... Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов. Тем меньше они стремились к тому, чтобы непременно руководить всеми многочисленными кружками, зарождавшимися в столицах и в провинции, и взять, так сказать, на откуп, все движение среди молодежи. С большинством из кружков мы были в дружеских отношениях; мы помогали им, и они помогали нам; но мы не покушались на их независимость. Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью.»

Библиография

Найт Райан. Постидеологический импульс Михаила Бакунина: непрерывность между классическим и новым анархизмом

2020, источник: [здесь](#).

Краткое содержание

Эту статью направляет конкретный вопрос: представляет ли анархистская политическая теория неразрешимый парадокс? Более конкретно, является ли сама теория сужением подлинной социальной свободы, которую явно поддерживает анархизм? Я исследую эти вопросы через обсуждение мысли классического социального анархиста Михаила Бакунина. Я использую работу Бакунина, чтобы проанализировать «новых анархистских левых», стремясь понять сознательную попытку отделить анархизм от классического анархизма. Я подчёркиваю постидеологический характер работы Бакунина и всеобъемлющий скептицизм анархизма по отношению к власти. Кроме того, я утверждаю, что современные активисты могут извлечь уроки из мыслей Михаила Бакунина и что есть что сказать в пользу осознания непрерывности анархистской мысли и деятельности.

Постидеологический импульс Михаила Бакунина: непрерывность между

классическим и новым анархизмом

В последние годы мы стали свидетелями появления того, что многие называют новым анархизмом. Этот новый анархизм считается постидеологическим в том смысле, что он антисектантский, черпающий своё влияние из различных традиций. Он не принимает определенную идеологию, потому что рассматривает любую всеобъемлющую структуру как авторитарную угрозу человеческой спонтанности и свободе. Ярким примером является то, что развивалось в Сиэтле в противостоянии ВТО или, ещё более недавно, некоторые анархистские течения, которые можно найти в движении «Захвати Уолл-стрит». Напротив, классический анархизм считается отличным в том, что он сектантский, догматический и идеологически строгий. По сути, классический анархизм отвергается как анахроничный, устаревший и неактуальный в наше время.

Я хотел бы возразить против этого неудачного отвержения классического анархизма, кратко исследуя постидеологические теории классического социального анархиста Михаила Бакунина, которые подчеркивают его актуальность для анархистских течений в сегодняшней деятельности общественных движений. Однако сначала я хотел бы объяснить, что я имею в виду под постидеологическим. После этого я хотел бы очертить предполагаемую разницу между новым анархизмом и классическим анархизмом, прежде чем перейти к тому, что я вижу как актуальность Бакунина для современных анархистских движений в понимании этой постидеологической структуры.

Что такое постидеологический анархизм?

Дэвид Нил в статье «Анархизм: идеология или методология» проводит четкое различие между двумя тенденциями в анархистской деятельности, помогая нам понять эту постидеологическую склонность. В этой статье Нил пытается провести различие между анархизмом как идеологией и анархизмом как методологией. Для Нила идеология состоит из «последовательного набора идей, основанных на основном принципе» (Neal 1997). В этом смысле идеологические анархисты, которых Нил называет «анархисты с большой буквы А» подчеркивают приверженность строгому набору принципов, которыми руководствуются настоящие анархистские действия. Он пишет:

Анархисты [с большой А] подчеркивают идеологическое соответствие в качестве необходимого условия для социальной революции — другими словами, ты поглощаешь доктрины А, Б и В, и ЗАТЕМ ты Анархист. Их план действий вращается вокруг: 1) создания центральной Анархистской организации; 2) воспитания (например, идеологической обработки) рабочего класса по заветам Анархизма; 3) построения массового движения вследствие этого; 4) создания социальной революции. Анархисту нравится идея манифеста, платформы или другой руководящей доктрины как средства «распространения проповеди» — их акцент делается на единстве мышления и действия и идеологическом соответствии в

качестве основы для эффективной организации. (Neal 1997)

Для Нила эти «анархисты с большой А» угрожают антиавторитарным и спонтанным элементам анархизма, основывая свое понимание анархизма на фиксированном наборе стандартов. Вместо того, чтобы позволить анархизму развиваться из добровольного объединения, основанного на общей потребности и вне всеобъемлющей власти, идеологические анархисты продвигают приверженность определенной абстрактной анархистской программе, требующей определенного количества власти для поддержания.

Для Нила «анархизм с большой А» отличается от «анархизма с маленькой а» или того, что он называет методологическим анархизмом, именно потому, что «анархизм с маленькой а» осуществляется через добровольные объединения, основанные на общих потребностях. Он не придерживается фиксированных идеологических структур или предубеждений о том, что конкретно представляет собой анархизм, он основан на более открытой форме анархизма. В этом смысле анархизм — это не строгая теория будущего, которой мы должны придерживаться, это способ воплощения определённых идеалов взаимопомощи, добровольного сотрудничества и прямого действия. Это означает, что мы можем методологически использовать анархизм, даже не зная и не договариваясь о том, что на самом деле является анархизмом. «Анархизм с маленькой а» отвергает центральные анархистские организации как инструменты власти, которые подавляют человеческую свободу. Он видит себя как свободное скопление множества вдохновлённых анархистами течений, действий и идей. Можно сказать, что «анархизм с маленькой а» отвергает абстрактные идеологические структуры, которые формируют и ведут поведение человека в определенном направлении. Он полагается на свободное человечество, которое действует добровольно в соответствии с потребностями. Нил утверждает:

Мое главное возражение против идеологического анархизма заключается в том, что он зависит не от свободомыслия и прямого действия, а от послушания, пассивности и подчинения внешнему фактору — будь то манифесту, платформе или другим механизмам управления. Кроме того, он фокусируется на нисходящей, централизованной организации как средстве выведения анархизма из центра наружу. (Neal 1997)

Для Нила «анархизм с маленькой а» — это анархизм, который отвергает повиновение строгой догматической социальной теории и вместо этого развивается посредством свободных, спонтанных действий.

Разница в подходе отражается в различном отношении к анархистской истории и практике. «Анархисты с большой А» опасаются, что отказ от идеологической приверженности ведет к отказу от истории анархистской мысли, по крайней мере, с точки зрения признания ее полезности. Последствия этого — раскол и серьезное нарушение непрерывности в анархистской мысли и действии. «Анархисты с маленькой а» считают отсутствие идеологической приверженности у нового поколения активистов полезным, а формальную приверженность прошлому анархизма — ограничивающей. С этой точки зрения богатая история анархизма не имеет стратегического значения для современной борьбы.

Где различия между классическим и новым анархизмом?

«Анархизм с маленькой а» — основной компонент в составе того, что называют новым анархизмом. Утверждение состоит в том, что он отражает отход от более догматического анархизма середины двадцатого века и анархистских течений внутри старых левых. Дэвид Гребер объясняет этот отход:

На данный момент существует некоторого рода разрыв между поколениями анархизма: между теми, чьё политическое формирование имело место в 60-х и 70-х годах — и которые часто до сих пор не поколебали сектантских привычек прошлого века — или просто продолжают действовать в таких категориях, и более молодыми активистами, гораздо более осведомленными, среди прочего, о коренных, феминистских, экологических и культурно-критических идеях. Первые организуются в основном через хорошо видимые Анархистские Федерации, такие как Международная организация трудящихся, Северо-восточная федерация анархо-коммунистов или Индустриальные рабочие мира. Последние работают наиболее заметно в сетях глобальных социальных движений, таких как Народное глобальное действие, которая объединяет анархистские коллективы в Европе и в других местах с группами, начиная от активистов маори в Новой Зеландии [...] Последние — то, что можно условно назвать «анархистами с маленькой а», к настоящему времени составляют подавляющее большинство. Но иногда трудно сказать, так как многие из них не заявляют о своих симпатиях громко. На самом деле, многие так серьёзно относятся к анархистским принципам антисектантства и открытости, что отказываются называть себя анархистами именно по этой причине. (Graeber 2002, 3)

Взгляд Гребера отражает еще один аспект постидеологической тенденции. И он созвучен современной критике классических анархистов, таких как Михаил Бакунин, и идее о том, что политические и теоретические битвы, которые вели эти анархисты, принадлежат прошлому. Барбара Эпштейн пишет:

Анархистский менталитет сегодняшних молодых активистов имеет относительно мало общего с теоретическими дебатами между анархистами и марксистами, большинство из которых проходило в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков. Он больше связан с эгалитарной и антиавторитарной перспективой. Есть версии анархизма, которые глубоко индивидуалистичны и несовместимы с социализмом. Но это не те формы анархизма, которые господствуют в радикальных активистских кругах, имеющих больше общего с либертарным социализмом, отстаиваемым Ноамом Хомским и Говардом Зинном, чем с трудами Бакунина или Кропоткина. Сегодняшние анархистские активисты опираются на поток морально заряженной и выразительной политики. (Epstein 2001)

В том же духе Пуркис и Боуэн пишут:

Теория анархизма работает на разных уровнях. Поскольку она предлагает радикальные изменения в обществе, она по существу идеалистична. Однако, на другом уровне, она

твёрдо укоренена здесь и сейчас в плане практических примеров того, как люди со всех сторон активно подрывают власть и авторитет, иногда странными и чудесными способами. Сферы теории и действия изменились, и теперь есть поколения активистов, действующих во многих областях протеста, для которых работы Кропоткина, Малатеста и Бакунина столь же далеки с точки зрения их описания мира, как литературные классики таких писателей, как Чарльз Диккенс. (Purkis and Bowen 1997, 2)

Похоже, что консенсус заключается в том, что новым анархистам практически нечему учиться у классического анархизма и что у них мало общего с классическим анархизмом. На мой взгляд, сознательная попытка игнорировать или отдалить современный анархизм от классического анархизма девятнадцатого века ошибочна.

Чтобы показать, почему, я рассмотрю несколько основных вопросов о Бакунине, поскольку он, несомненно, является важной фигурой в историческом каноне, который постидеологический анархизм отвергает: можем ли мы назвать мысль Бакунина идеологически догматической? Придерживается ли он строгих революционных принципов, которыми должна руководствоваться революционная деятельность? Поддерживает ли Бакунин фиксированную организацию общества, которая должна быть реализована как формальная идеология? Логика «анархизма с маленькой а» заключается в том, что ответ на эти вопросы — «да». Я буду утверждать, что ответ — категорически «нет». Я хотел бы изучить работы Бакунина о науке, авторитете и спонтанности, чтобы проиллюстрировать, почему это так. В качестве аргумента я буду использовать тексты, которые легко доступны обычным читателям и не ограничиваются специалистами.

Бакунин как постидеологический мыслитель

Бакунин критически смотрел на абстрактные идеи, особенно в отношении человечества и человеческого общества. Бакунин признавал, что угнетение и господство в материальном мире чаще всего осуществлялись с помощью каких-то абстрактных принципов, понимаемых как стоящих выше человечества. Это было потому, что Бакунин, сродни его современным коллегам-анархистам, понимал, что формирование человеческого действия в соответствии с абстрактными принципами подавляет добровольные и спонтанные объединения, которыми он так дорожил. По сути, это было ограничение человеческой свободы. Бакунин пишет:

До настоящего времени вся история человечества была лишь вечным и кровавым приношением миллионов бедных человеческих существ в жертву какой-либо безжалостной абстракции: богов, отечества, могущества государств, национальной чести, прав исторических, прав юридических, политической свободы, общественного блага. (Bakunin 1970, 59)

Бакунин понимал, что навязывание абстрактных идей поведению человека является ограничением. Абстракции развивались как выражения определённых интересов и приводили к господству. В частности, он признавал, что они коренятся в традиционных

источниках власти, таких как бог и государство. Однако он продолжил эту критику, взглянув на способы использования науки в качестве аналитического инструмента для понимания материального мира. Он утверждал, что наука была продуктом человеческого разума и, следовательно, была субъективно ограничена. Наука могла воспринимать только общие идеи из бесконечного количества специфики и, следовательно, была неспособна понять индивидуальный опыт каждой человеческой жизни:

...человеческая мысль, а следовательно, также и наука, в состоянии схватить и назвать в действительных фактах лишь их общий смысл, их общие отношения, их общие законы; одним словом, мысль и наука могут схватить то, что постоянно в их непрерывных превращениях вещей, но никогда не их материальную индивидуальную сторону, трепещущую, так сказать, жизнью и действительностью, но именно в силу этого быстротечную и неуловимую. (Bakunin 1970, 54)

Бакунин подчеркивал важность спонтанной инициативы в человеческом взаимодействии. Для него эта спонтанность была чем-то, чего нельзя было предсказать, или нельзя было закрепить в строгих научных формулах. Наука работала на основе человеческого мышления и поэтому была способна понимать только общие идеи, но не разнообразие и непредсказуемость самой реальности.

Распознавая этот врожденный изъян в науке, Бакунин утверждал, что поддержание стихийной и свободной социальной жизни было важнее, чем позволение ей руководствоваться научной теорией. Направлять действие наукой — значит упускать из виду ее недостатки и, следовательно, угрожать жизни теоретическим авторитетом. Он пишет: «Жизнь [...] одна спонтанно творит вещи и все действительное сущее. Наука ничего не создает, она лишь устанавливает и распознает творения жизни» (Bakunin 1970, 55). Для Бакунина материальная реальность человеческого существования — включая его разнообразие, спонтанность, стремления и общую свободу — была реальной силой развития человеческой жизни. Сама наука ничего не создавала.

Критика науки как абстракции Бакунина отражает его приверженность человеческой свободе и спонтанности. Для Бакунина свобода существует в неограниченной возможности принятия решений, которую люди используют в течение своей жизни, исходя непосредственно из их собственного сознания. Это означало, что были действительно свободны в той мере, в которой они могут принимать решения без какого-либо внешнего принуждения. Бакунин пишет:

Я — фанатический приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться и процвести ум, достоинство и счастье людей; не той формальной свободы, жалованной, размеренной и регламентированной государством, которая есть вечная ложь и которая в действительности представляет не что иное как привилегию избранных, основанную на рабстве всех остальных, не той индивидуалистической, эгоистичной, скудной и призрачной свободы, которая была провозглашена школой Ж.Ж. Руссо, и всеми другими школами буржуазного либерализма, и которая смотрела на так называемое общее право, выражаемое государством, как на ограничение прав каждого отдельного лица, — что всегда и неизбежно сводит к нулю право каждого отдельного индивида. (Bakunin [1993] 2002, 261)

Для Бакунина свобода опиралась на индивидуальную инициативу, либо развивающуюся из самого индивидуального сознания, либо свободно принимаемую индивидуумом. Любые ограничения на это угрожали свободе и вольности и, таким образом, создавали среду для процветания господства.

Бакунин понимал, что личная свобода и вольность соответствуют обществу, основанному на взаимопомощи, добровольном объединении и социальной свободе. Он утверждал, что только в обществе и только благодаря социальному сотрудничеству человеческая свобода и вольность могут быть полностью развиты:

Человек осуществляет свою индивидуальную свободу, или свою личность, лишь дополняя себя всеми окружающими его индивидами и лишь благодаря труду и коллективному могуществу общества, вне коего он остался бы, без сомнения, самым грубым и самым несчастным из всех жестоких животных [...] общество не только не уменьшает и не ограничивает, но, напротив, создает свободу человеческих индивидов. (Bakunin [1993] 2002, 271)

Бакунин признавал, что свободное сотрудничество и социальное взаимодействие друг с другом необходимо, чтобы люди могли полностью раскрыть свой потенциал. Только благодаря общественной жизни человечество может развить понимание мира и производить материал, необходимый для выживания в нем.

Бакунин рассматривал сотрудничество и взаимопомощь как синонимы индивидуальной свободы и как важнейший компонент выживания человека. Он также полагал, что люди сотрудничали бы друг с другом свободно и спонтанно, потому что это «естественный закон» или необходимый элемент их существования. Без этого свободного сотрудничества люди не могли бы выжить, не говоря уже о развитии. Он писал:

Как природа, так и человеческое общество, которое есть ни что иное, как та же природа, все, что живет — живет только под неперменным условием самого решительного вмешательства в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы смертью. Требуя свободы масс, мы вовсе не собираемся уничтожать естественные влияния, которым они подвергаются со стороны отдельных лиц и групп. Все, чего мы хотим, это уничтожения искусственных узаконенных влияний, уничтожения привилегий влияния. (Bakunin [1993] 2002, 257)

Для Бакунина было бы ошибкой думать, что индивидуальные интересы приводят к конкуренции или антагонизму. Вместо этого эта идея была абстракцией, навязанной властями — церковью и государством — используемой для структурирования общественной жизни ради выгоды определенных интересов. Бакунин утверждал, что тогда было важно искать и уничтожать эти абстракции, которые в противном случае препятствовали бы спонтанному функционированию общественной жизни. Это была роль, которую он дал теории, и ее цель была исследовательской.

Критика науки Бакуниным может быть применена к пониманию идеологии. Он понимал важность спонтанной жизни свыше любой заранее разработанной теоретической структуры.

Хотя скептицизм Бакунина насчёт объяснительной роли теории не касается конкретно социальной или политической теории, он отражён в его комментариях о науке:

Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и учение стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупения всего человечества. [...] В противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом; что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины, рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий, и что последние, всегда производимые ею и никогда ее не производящие, указывают только, как верстовые столбы, на ее направление и на различные фазисы ее самостоятельного и самородного развития. (Bakunin [1993] 2002, 327)

Критика науки Бакуниным и роль, придаваемая теории, придвигают его работу ближе к постидеологическому анархизму или «анархизму с маленькой а», чем признают критики. Он понимал, что спонтанная жизнь, когда ей не мешают авторитарные идеологии, будет функционировать таким образом, чтобы это было выгодно как человеку, так и обществу в целом. Бакунин использовал теорию не в качестве инструмента для руководства человеческой жизнью, но чтобы раскрыть проявления власти и авторитета, которые препятствовали этой спонтанности. Он понимал, что теория может быть освободительным агентом при определении конкретных идеологий, угрожающих свободе человека. Теория должна была использоваться не как идеология, а для выявления и отталкивания идеологического авторитета.

В соответствии со своим пониманием свободы и идеологического авторитета, Бакунин признавал необходимость создания организаций, основанных на свободной ассоциации и осуществлявшихся снизу вверх. Для Бакунина, если бы организации основывались на нисходящей иерархии, они неизбежно угрожали бы спонтанному и свободному развитию людей, составляющих организацию. Целью Бакунина было создание форм организации, которые покончили с авторитарными принципами и были основаны прежде всего на свободе и автономии. Он писал:

Политическая и экономическая организация социальной жизни не должна более, как это имело место до сих пор, исходить сверху вниз и от центра к периферии, по принципу единства и вынужденной централизации, но снизу вверх и от периферии к центру, по принципу свободной ассоциации и федерации. (Bakunin [1993] 2002, 77)

Бакунин четко осознавал необходимость ликвидации структур организации, основанных на авторитете. Он видел, что эти авторитарные принципы были присущи организациям, которые были структурированы вертикально, где полномочия по принятию решений передавались сверху вниз. Организация социальной жизни развивалась из спонтанного социального взаимодействия, основанного на общей потребности. Она не должна была решаться извне социальной жизни, а затем реализовываться каким-то predetermined

образом.

В соответствии со своим скептицизмом в отношении идеологической власти Бакунин размышлял о том, как могло бы выглядеть будущее общество, основанное на принципах добровольного объединения, взаимопомощи и спонтанной организации. При этом он намеревался не развивать авторитарную идеологию, а использовать теорию для отклонения идеологий, которые могут мешать естественному функционированию социальных взаимодействий. Бакунин даже проверял себя при разработке таких идей:

Невозможно установить конкретное, всеобщее и обязательное правило для внутреннего развития и политической организации наций, ибо существование каждой отдельной нации подчинено множеству различных исторических, географических и экономических условий, которые не позволяют установить образец организации, равно подходящий и приемлемый для всех. Такое, безусловно лишённое всякой практической полезности предприятие было бы, впрочем, вторжением в богатство и непосредственность жизни, которая любит бесконечное разнообразие, и, что имеет ещё большее значение, стало бы в противоречие с самим принципом свободы. (Bakunin [1993] 2002, 77)

Бакунин понимал, что роль теории не в том, чтобы насаждать идеологические рамки человеческой жизни. Это противоречило свободному, спонтанному и добровольному обществу, которое он поддерживал. В то же время, однако, он признавал, что необходимо экспериментировать с формами общественной организации и думать о том, как можно поддерживать и давать возможность процветать добровольной и свободной ассоциации.

Бакунин обратился к основным принципам федерализма для развития своих идей. Для Бакунина федеральные организации были бы необходимы сразу же после социальной и политической революции, чтобы удовлетворить человеческие потребности. Он думал о федерализме как о форме организации; в экономическом плане как о единицах производства. Но федеральная система не была фиксированной структурой, которую следовало бы применять повсеместно. Скорее, это был мысленный эксперимент, призванный показать, что общество может быть организовано для поддержки свободной ассоциации и взаимопомощи.

Для Бакунина основной единицей политической организации была община, и он предполагал, что общины будут сотрудничать на основе добровольного объединения для удовлетворения коллективных потребностей. В ассоциации общины будут оставаться автономными и свободными в своем функционировании и принятии решений. Он писал, «каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации» (Bakunin [1993] 2002, 83). Никакая главенствующая власть не будет ограничивать свободное развитие каждой общины.

Еще один пример мыслей Бакунина об организационной структуре — то, как он сравнивал и противопоставлял Первый интернационал и государство. Это снова освещает постидеологичность использования теории Бакуниным. Бакунин использует теорию, чтобы выделить авторитарные элементы в государстве и сравнить его с тем, что он считал добровольной организацией (Первый интернационал). Его мысли не были направлены на

продвижение определённой идеологии. Скорее, они критиковали существующую (государство) и давали пример свободной ассоциации, возникающей в результате добровольного объединения, а не посредством силы (Интернационал).

Для Бакунина Первый интернационал был примером организации, которую он представлял. Он возник из материальных условий жизни рабочих в рамках капитализма и был попыткой объединить различные фракции левых и профсоюзные организации. Он развивался благодаря их борьбе, а не из абстрактных принципов. Бакунин пишет:

Международное товарищество рабочих было нам дано не теорией, родившейся в голове одного или нескольких глубоких мыслителей, но действительным развитием экономических фактов, тяжелыми испытаниями, каким эти факты подвергают рабочие массы. (Bakunin [1993] 2002, 252)

Интернационал служил примером такого добровольного сотрудничества, которое было необходимо для анархизма Бакунина и общего импульса к свободе, который он считал естественным. Он качественно отличался от организации государства:

Правительство Интернационала, если тут есть правительство, или, скорее, его организованное действие на массы всегда будет отличаться от всех государств тем существенным свойством, что оно всегда будет только организацией воздействия — не официального и не облеченного властью или какой-нибудь политической силой, но совершенно естественного — более или менее многочисленной группы лиц [...] Тогда как правительства [...] насильственно навязывают себя массам, принуждают их повиноваться им, исполнять их декреты, в большинстве случаев не стараясь даже хотя бы внешним образом осведомиться о их чувствах, потребностях и воле.

Поскольку Интернационал создавался добровольно на основе общих устремлений, Бакунин утверждал, что Интернационалу удалось разработать собственную политическую программу. По его мнению, не было речи о разработке собственной политической идеологии. Политическая программа была конкретизирована непосредственно в дебатах Интернационала. Любая попытка формализовать эту программу в политической теории была атакой на спонтанность. Для Бакунина отказ от теории в этом смысле был важнейшей силой Интернационала:

Ни одна политическая или философская теория не должна рассматриваться как фундаментальный принцип или быть включена в официальную программу Интернационала. Кроме того, принятие какой-либо политической или философской теории не должно быть обязательным в качестве условия для членства, поскольку, как мы видели, навязывание любой такой теории федерациям, составляющим Интернационал, было бы рабством или привело бы к разделению и распаду, что не менее катастрофично. Но из этого не следует, что в Интернационале не может происходить свободное обсуждение всех политических и философских теорий. Напротив, именно само существование официальной теории может убить такую дискуссию, сделав ее абсолютно бесполезной, а не живой и энергичной, и подавив выражение и развитие собственных чувств и идей рабочего. (Bakunin [1993] 2002, 302)

Идеи Бакунина об авторитете и спонтанности в его обсуждении науки и его анализ организационных структур дают ответы на вопросы, поставленные в начале этого эссе. Продвигает ли философия Бакунина определенные идеологические рамки, которые должны быть воспроизведены в человеческом обществе? Является ли мысль Бакунина сектантской, догматической или идеологически строгой? Что наиболее важно, мысли Бакунина авторитетно навязывают абстрактные принципы живому разнообразию человеческой жизни? Как я показал, Бакунин осознавал опасность идеологии, принимающей форму власти в обществе. Он использовал свою теорию в качестве инструмента для раскрытия и уничтожения идеологий, которые ограничивали свободное социальное взаимодействие человеческого существования. Его намерение состояло не в том, чтобы направлять человеческую жизнь, а в том, чтобы исследовать, как мы можем предотвратить направление человеческой жизни. Бакунин развил анархистскую теорию, чтобы противостоять опасностям авторитарного повиновения, которые, казалось, были присущи традиционному теоретизированию; он писал постидеологическим образом.

Вывод

Несмотря на то, что Бакунин явно осознавал опасность идеологии, он колебался на границе анархистов «с большой А» и «с маленькой а», очерченной выше. С одной стороны, в его творчестве присутствует высоко узнаваемый постидеологический оттенок. С другой стороны, Бакунин отчаянно искал объединенное международное движение, которое подорвало бы существующий буржуазный и государственный порядок. Именно здесь Бакунин наиболее важен для современных анархистских активистов и теоретиков. Он вообразил международную революцию, разрушение старого порядка, который высвободит творческие процессы свободной инициативы и прямой демократии и строительства новых свободных обществ.

Читая Бакунина, мы получаем представление о том, как мы можем укрепить наши постидеологические социальные движения, используя теорию, а не отбрасывая ее. Признавая опасность теоретизирования, Бакунин предложил способ задействовать теорию, не ограничивая спонтанную общественную жизнь. Кажется, что игнорировать его работу — значит отказаться от пути, который ведет к форме безвластной структуры, или метода, которым можно задействовать теорию без влияния господства.

Чем же тогда полезно чтение Бакунина и почему я вообще обеспокоен пренебрежением или отвержением Михаила Бакунина? Я думаю, что Бакунин предлагает нам способ использовать теорию в качестве критической линзы для выявления и борьбы с авторитарными структурами. Опора на Бакунина не угрожает подавить наши антиавторитарные общественные движения, но проясняет цели нашей борьбы и определяет наших врагов. Современные анархистские активисты могут плодотворно читать Бакунина, чтобы подумать о том, что поставлено на карту, когда мы боремся без четкого представления о препятствиях для трансформации и когда мы участвуем в теоретизировании, которое подавляет революционную практику.

Это задействие Бакунина указывает на более масштабный проект признания непрерывности анархизма как совокупности мысли и практики. Довольно часто мы слышим о разнообразии и неоднородности анархизма. Это явно так, и я не хочу это отрицать. Тем не менее, важно подчеркнуть последовательности в анархистской деятельности, которая идентифицирует себя как анархическая, особенно в отношении либертарно-социалистического проекта, потому что они играли наиболее заметную роль в истории анархистской деятельности. Изучение этой непрерывности не является проектом овеществления, где мы должны каким-то образом применять или внедрять классические анархистские идеи в сегодняшние движения. Оно направлено на празднование богатой, все еще яркой истории анархизма, несущей шрамы сектантства и отличительные признаки разнообразия и дающей надежду реализовать мир, свободный от господства и эксплуатации. Изучение непрерывностей классической анархистской мысли состоит не в том, чтобы упасть в пасть власти, а в том, чтобы напомнить себе о наших прошлых битвах, выявить наши прошлые ошибки и в конечном итоге извлечь уроки из нашей сложной истории. Чтобы понять, кто мы, мы должны понять, кто был до нас, и взгляд на классический анархизм мог бы просто помочь сделать это.

Артемов Вячеслав.

Проблема свободы:

М.Бакунин и П.Кропоткин

1995, источник: [здесь](#). Проблема свободы: М.Бакунин и П.Кропоткин // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. — М., 1995. — Вып. 1. — С. 26-43.

Актуальность темы моего доклада определяется не только юбилеем П.А.Кропоткина, великого продолжателя дела, начатого "отцом" анархизма М.А.Бакуниным. К числу причин и факторов, обусловивших сам выбор темы, можно, в частности, отнести следующее. Во-первых, кризисные явления в нашей стране, да и в мире в целом; крушение ранней формы социализма на значительной территории заставляет вновь обращаться к различным вариантам социальных преобразований. Становится все более очевидным, что многие предостережения русских революционеров-мыслителей подтвердились в практике государственного конструирования, в деятельности нескольких поколений людей. Чтобы извлечь правильные уроки из негативного опыта, важно разобраться в его теоретических прогнозах, которые были даны в свое время отечественными анархистами. На первый план в последние годы вышла проблема свободы, стержневая проблема для революционных концепций вообще. Во-вторых, несмотря на обилие всевозможной литературы, посвященной как М.Бакунину, так и П.Кропоткину, собственно философский вклад этих разносторонних людей остается недостаточно раскрытым; особенно это касается вклада Кропоткина. Нуждается в уточнениях и вопрос о преемственности и взаимосвязи их теоретико-методологических подходов. Заполнить эту лауну в истории философии можно, на мой взгляд, отыскав ключевую проблему, пронизывающую теоретико-методологические подходы. Подобно известному "основному вопросу философии", проблема свободы позволяет исследовать самые глубинные пласты философских позиций Бакунина и Кропоткина. И, наконец, в-третьих, к сожалению, все еще сильны предубеждения относительно анархизма и анархистов. Зачастую анархизм трактуется лишь в социально-политическом аспекте, узко. Отсюда — односторонности и упрощения.

Формально, применительно к прошлому веку, можно считать справедливым определение анархизма, данное в Словаре русского языка С.И.Ожегова: "Враждебное марксизму мелкобуржуазное общественно-политическое течение, [...] отрицающее всякую государственную власть, организованную политическую борьбу и руководящую роль пролетарской партии"[1]. Впрочем, нельзя забывать, что анархизм появился значительно раньше марксизма, еще в древнем обществе (к числу первых анархистов относят, к

примеру, Антифонта-софиста, жившего в Афинах в 5 в. до н.э.). Что касается отрицания власти и организации, то здесь также не все так просто и однозначно. В одной из главных своих работ "Кнуто-германская империя и социальная революция" М.Бакунин признавал, "что известна дисциплина, не автоматическая, а добровольна и разумна, в полном согласии со свободой индивидов, остается и всегда будет необходимой во всех случаях, когда множество свободно объединившихся индивидов займется какой-либо работой"[2]. Известно, что даже Нестор Махно ратовал за некую организованную политическую борьбу[3]. Не исключают ее и современные анархисты. Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), например, "добивается своих целей путем [...] поддержки и создания независимых общественных союзов, личного участия своих членов в общественном движении и массовых действиях трудящихся"[4].

Действительно, крайний анархизм, в частности, бакунизм, представляет собой разновидность революционности мелкобуржуазного типа. Но сама эта революционность, во-первых, разнородна, а во-вторых, включает в себя как негативные, так и позитивные стороны. Поэтому, как уже приходилось отмечать автору этих строк, победа в полемике с представителями этой революционности обеспечивается не простым отрицанием радикальной утопии, а позитивным, желательно совместным решением социально значимых проблем в интересах человека[5]*.

С именем М.Бакунина связана первая волна широкого социального протеста и в России, и на Западе в XIX веке. Радикализм "левых" выходцев из дворян, интересы обнищавшего крестьянства, широких, преимущественно мелкобуржуазных слоев, включая деклассированных и маргиналов, — вот что стоит, в конечном счете, за такими, к примеру, словами М.Бакунина: "Я — фанатичный приверженец свободы, видящий в ней единственную среду, где может развиваться ум, достоинство и счастье людей"[6]*. П.Кропоткин же не был фанатиком свободы, что заставляет задуматься о действительных социальных корнях его творчества в российской жизни. Его деятельность в основном приходится на тот период, когда во весь рост встала задача не столько расширения, сколько углубления протеста против существующих порядков. Кроме интересов перечисленных социальных групп, Кропоткин в большей степени, чем его предшественник, представляет интересы наиболее образованной части рабочих, видевшей свое будущее в солидарности и взаимопомощи. Последнее и составляет, так сказать, "воздух" свободы.

В этой работе затронуты лишь некоторые аспекты указанной проблемы. Один из основных тезисов, которые выносятся здесь на обсуждение, можно сформулировать так: великие русские анархисты исходили из приоритета свободы; они далеко продвинулись в деле решения проблемы свободы во взаимосвязи с другими проблемами, такими, как равенство, справедливость, солидарность, взаимопомощь и т.д. Если М.Бакунин осуществляет попытку синтеза антропологического и социального подходов в своей концепции освобождения общества и человека, то П.Кропоткин подводит естественно-историческую и этическую основу под эту концепцию, одновременно углубляя и как бы "приземляя" ее.

Развертывание указанного тезиса предполагает широкое, преимущественно философское понимание анархизма. Это, конечно, не исключает его социально-политическое измерение, особенно бакунистской разновидности его. По Кропоткину, "анархизм родился среди

народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным"[7]. Тенденция анархии — основать синтетическую философию, т.е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы"[8]. Исход из подобного понимания анархизма, можно, по-видимому, рассматривать его и как своеобразного оппонента, критически относящегося к господствующим на каждом данном этапе общественного развития политическим и иным властным структурам. В этом смысле свободолюбие составляет родовое свойство анархизма.

Для адекватного выявления важнейших линий связи и различий между М.Бакуниным и П.Кропоткиным как философами целесообразно коснуться существа самой проблемы свободы, а также конкретизировать и уточнить действительные позиции обоих анархистов, сравнивая их с другими подходами.

Трудно не согласиться с А.Камю, который в докладе, прочитанном 14 декабря 1957 г., отметил: "Сама оклеветанная их сегодняшних ценностей — это, несомненно, свобода [...] потому, что в течение ста последних лет общество торгашей нашло для свободы исключительное и одностороннее применение, считая ее скорее правом, чем долгом, и не боясь как можно чаще превращать принцип свободы в орудие угнетения"[9]*. Наша страна в этом отношении не является исключением. Так, бытует мнение о какой-то особой опасности русской свободы, русского бунта. В этой связи напрашиваются вопросы. Разве бунт в какой-либо стране более привлекателен? Да и для кого опасны свободолюбивые порывы людей? Если для тех, кто сдерживает действительную свободу, то что же в этом зазорного? Ведь еще Дж. Локк исходил из права народа убирать с дороги общества правителей, которые не оправдывают доверие граждан. Разумеется, реализация данного права далеко не исчерпывает всего процесса достижения свободы.

Наряду с другими существуют две исторические формы интерпретации свободы человека. Одну из них принято называть позитивной. Ее представители, такие, как Аристотель, Спиноза, Гегель, Маркс и др., исходят из того, что свобода зависит прежде всего от собственной активности индивида. Автономия, самоконтроль, познание себя и мира — вот основные условия и факторы действительной свободы. К.Маркс добавляет к ним еще и целенаправленную деятельность, основывающуюся на знании необходимости. Другая форма интерпретации свободы может быть названа негативной[10]*. Гоббс, Локк и другие ее представители видят свободу в отсутствии принуждения. Иными словами, они ограничиваются внешними аспектами — природными и социальными, — устранив которые, можно, по их мнению, добиться свободы.

Исторически определились также два других подхода к проблеме. Это, во-первых, антропологический подход, наиболее видным представителем которого является Л.Фейербах; и, во-вторых, — социальный или социологический, связанный, прежде всего с концепцией К.Маркса. Длительное время эти подходы, подобно параллельным прямым на одной плоскости (ее роль в данном случае играет проблема свободы), не пересекались, а "новая геометрия" еще не была изобретена. В известном смысле она и в настоящее время находится под большим вопросом, ибо речь, по сути дела, идет об антиномии-проблеме.

Наибольший интерес, на мой взгляд, представляют своеобразные синтетические варианты решения данной проблемы, как в пределах отмеченных интерпретаций, так и за их пределами. Представляется, что сейчас, когда многочисленные обывательские и односторонние суждения о свободе привели к существенному искажению самого образа свободы применительно и к обществу, и к человеку, обращение к синтезу может сыграть большую положительную роль. Интересный вариант подобного синтеза дан в XX в. Э.Фроммом: "Единственный критерий реализации свободы — активное участие индивида в определении своей собственной судьбы и жизни общества"[11]*.

Сейчас, несмотря на огромные возможности действительного освобождения человека от тягот природного и социального бытия, многостороннего развития личности, заметны как сужение спектра представлений о свободе, так и отрыв этих представлений от существующих социальных факторов, условий и ценностей. Требуется восстановить или создать определенное единство последних в плане реализации подлинной свободы. Так, свобода не может быть полной в отрыве от ответственности, солидарности, взаимопомощи, социальной справедливости и других составляющих.

Показательно, что из различных комплексов представлений молодежи об идеальном общественном устройстве "первый характеризуется такими ценностями, как свобода, социальная справедливость и достоинство, т.е. условиями для самореализации личности"[12]*. И в это же время усилиями "новых" идеологов свобода зачастую сводится к внешним и формальным показателям экономического и политического порядка. В частности, отождествление демократии и свободы, когда первая понимается слишком абстрактно, ведет к отчуждению второй от самого индивида, имеющего собственное "я", живущего в данном обществе с его конкретными общественными отношениями.

Свежий воздух всестороннего научного, в том числе историко-философского анализа особенно важен именно для молодежи, болезненно воспринимающей фальшь "простых", категорических и "всеохватывающих" решений-приговоров. Об этом свидетельствует, например, мой опыт чтения спецкурса "Поиски путей к свободе" в педагогическом институте. Наибольший положительный отклик со стороны студентов вызывает следующее понимание свободы. Это — многоаспектное позитивное самоутверждение, как в мысли, так и в действии, выход за пределы наличной ситуации, возвышение над ней; реальная способность на основе познания действительности изменять себя, других, общество и природу в соответствии со своими подлинно человеческими желаниями и стремлениями. Такое понимание, а также его дальнейшее уточнение и развитие связаны с изучением философских концепций наших великих соотечественников — М.Бакунина и П.Кропоткина. Оба они, — правда, в разной степени — были причастны к указанному синтезу в решении проблемы свободы. Во всяком случае, ни тот, ни другой не выступали за утверждение хаоса в противовес порядку; более того, они стремились, если можно так выразиться, "окультурить" свободу, подвести под нее прочные этические основы. А моменты хаоса в самом содержании анархизма по существу лишь высвечивают внутреннюю противоречивость искомого порядка.

Изучение генезиса и развития философских представлений М.Бакунина показывает, что уже в его ранних работах (цикл ранних статей под общим названием "О философии") при

рассмотрении проблемы свободы предпочтение отдавалось антропологическому подходу. Эта же линия дает себя знать и в так называемой "философской диссертации" Бакунина "Философские рассуждения о божественном призрак, о реальном мире и о человеке". Значительное место в этом ряду занимает "Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги Мира и Свободы от М.Бакунина", больше известное под названием "Федерализм, социализм и антитеологизм". В этих и других произведениях Бакунин исходит из того, что свобода представляет собой родовое свойство человека, концентрируясь в таких природенных качествах, как "мысль" и "бунт". Подобно Л.Фейербаху, он кладет в основу всех общественных изменений, ведущих к освобождению, определенные природные, а значит, и вечные качества. Для доказательства неизбежности конечного торжества антиавторитарных форм жизни делается ссылка на объективные формы бытия, на природные закономерности. Позднее такая трактовка проблемы будет доминировать и в творчестве П.Кропоткина. К звеньям всеобщей причинности относились и проблемы народа, социальной революции, федеративной организации общества.

В пределах этого подхода остается загадкой сам механизм соединения животности (естественного) и свободы (собственно человеческого). Согласно бакунинской концепции, социальный прогресс разворачивается в виде процесса движения от животности к свободе. Налицо противоречие, разрешение которого самим Бакуниным мыслилось, в конечном счете, как признание приоритета социально организованных действий культурного человечества, особенно его наиболее активной, революционной части. Здесь мысль Бакунина стремилась скрестить, заставить пересечься упомянутые выше "параллельные прямые" — антропологическое и социальное. П.Кропоткин, как будет показано далее, несколько иначе подходил к этой проблеме, признавая приоритет естественной взаимопомощи в любом сообществе.

Целесообразно уточнить точку зрения М.Бакунина, сравнив ее с позицией соратника в борьбе за освобождение человечества и оппонента в теории — К.Маркса. Разгоревшаяся между ними в конце 1860-х — начале 1870-х годов полемика, с одной стороны, способствовала углубленному анализу существа проблем, выдвинувшихся тогда на первый план (социально-экономические противоречия, государство и общество, характер и этапы преобразований социума, свобода и др.), с другой же стороны, в значительной мере мешала диалогу, установлению подлинно союзнических отношений в общем деле создания теоретических и практически-политических предпосылок будущего. Если первое из названных обстоятельств подспудно вело к некоторому сближению позиций, то второе вылилось в организационное и личностное размежевание. С точки зрения содержания и внутренней логики развертывания представлений о человеке, обществе и свободе в XIX веке в этой полемике можно обнаружить элементы взаимодополнения и фактического диалога. Не случайно, к примеру, К.Маркс столь скрупулезно анализировал книгу М.Бакунина "Государственность и анархия", по ходу высказывая собственные соображения, уточняя те или иные понятия[13]*.

Обе стороны в полемике исходили из того, что родовым свойством человека является свобода, что предстоит долгий и трудный путь реализации этого свойства в масштабах общества. Русский анархист как бы укорачивает этот путь, свод его главным образом к устранению государства. Его идеал — общество, организованное на началах

самоуправления, автономии и свободной федерации индивидов, общин, провинций и наций. Важными составляющими такого общества выступают также равенство и справедливость для трудящихся, освобожденных от всякой эксплуатации. Для его немецкого оппонента решающее значение имеет внутренний, социальный по своей природе стержень свободы, который постепенно наращивается по мере развития общества, по мере созревания соответствующих социально-экономических факторов. Вместе с тем позиция М.Бакунина согласуется в целом с представлением о том, что высшая степень исторической свободы — это переход к способности развития, когда индивидуальность каждого не подавляется и когда не общественные отношения господствуют над людьми, а люди господствуют над случайностью и отношениями[14]*. Одновременно бакунизм способствовал высвечиванию некоторых односторонностей и недоработок марксистского социологизма. Словом, шел трудный процесс развития и утверждения научно-гуманистического мировоззрения и адекватной теории освобождения человечества. Взгляды М.Бакунина, а затем и П.Кропоткина являлись выражением своеобразной конструктивной оппозиции этатистским течениям мысли, возлагавшим слишком большие надежды на государство, вообще властные "подпорки" социальных преобразований. Они, по мнению теоретиков анархизма, ограничивают естественный поток индивидуального и коллективного творчества, глушат инициативу, идущую снизу.

Отдавая дань антропологическому подходу в философии, М.Бакунин в то же время признавал и специфику и значение социальной жизни, общественных отношений. Изучение развития материалистически ориентированной социальной философии в XIX веке позволяет обнаружить своеобразную "триаду" в плане углубления представлений о свободе общества и человека. Тезисом в данном случае выступает антропологический материализм Л.Фейербаха с его ориентацией на абстрактно-этическую "религию любви". Л.Фейербах, будучи в целом идеалистом во взглядах на общество, исходил из первенства "естественных" стремлений человека, из того, что они сами собой рано или поздно возобладают и изменят всю общественную жизнь. Марксистская философия может рассматриваться в этом отношении как антитезис: в центре ее внимания находится сама общественная жизнь во всей ее полноте и противоречии. Выделяя вслед за Г.В.Ф.Гегелем два основных периода в мировой истории — период несвободы и период свободы, — К.Маркс сосредоточивал свое внимание на процессе практического осуществления свободы. Это "приземление" проблемы свободы сыграло свою роль, как в теории, так и в практике освободительной борьбы. И, наконец, синтез связан с творчеством русских анархистов. На основе анализа жизненных реалий в России и Европе М.Бакунин и П.Кропоткин, опираясь на методы и результаты естественных наук, используя достижения передовой социальной философии, возвращаются к антропологическому объяснению проблемы свободы. На этой основе ими сделан существенный шаг в сторону создания высокой этики новой жизни, этики свободы. "Разрушители" в политике оказываются созидателями социально-этических принципов построения свободного и справедливого общества. "Наша задача состоит [...] прежде всего в уничтожении народного невежества", — подчеркивал М.Бакунин[15]. Впоследствии П.Кропоткин как бы вторил своему предшественнику: "Нужна революция — глубокая, беспощадная, которая [...] расшевелила бы всю умственную и нравственную жизнь общества, вселила бы в среду мелких и жалких страстей животворное дуновение высоких идеалов, честных порывов и великих самопожертвований"[16].

Кроме названного синтеза, русские анархисты совершают и другой синтез, связанный с переосмыслением наследия славянофилов и западников. Благодаря выделению наиболее прогрессивных элементов позитивного содержания и в славянофильстве, и в западничестве, отбрасыванию догм религии и устаревших представлений о самой России им, суд по всему, удалось снять противоположность этих подходов и поднять русскую общественную мысль на новую высоту. Россия и Европа рассматриваются в единстве, в основе которого лежит реальная революционность и свободолюбие значительной части населения большинства стран. Идея "Соединенных штатов Европы" оказывается у М.Бакунина идентичной (в основном) идее панславистской федерации. Он учитывал особенности русского народа, вообще восточного пути и славянского мира. Нельзя не отметить, что идеи П.Кропоткина в большей степени сосредоточены на том, что является типичным для всего цивилизованного человечества. Общечеловеческое у него на первом плане. Так, характеризуя художественные произведения своего времени, Кропоткин приходит, в частности, к такому выводу: "тип Обломова вовсе не ограничивается пределами одной России; это универсальный тип — тип, созданный нашей современной цивилизацией, возникающей во всякой достаточной, самоудовлетворенной среде"[17]*. Общими являются и препятствия на пути к свободе.

Приоритет общечеловеческого, высоких нравственных принципов сказывается не только в трудах обоих анархистов, но и в их поступках, повседневном поведении. Это, кроме всего прочего, подтверждает одну из существенных особенностей русской философии вообще — ее нравственно-практическую ориентацию. Свобода не может быть достигнута посредством возведения теоретических конструкций, пусть даже самых совершенных; она явится результатом конкретной высоконравственной деятельности конкретных индивидов и социальных групп. Не случайно в "Записках революционера" П.Кропоткин особо подчеркивает нравственное влияние М.Бакунина среди жителей Юрских гор: "Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета"[18]*.

Эти слова сами по себе характеризуют их автора. Кстати следует отметить, что о философско-этической позиции П.Кропоткина приходится судить главным образом по его же собственным работам. До сих пор нет крупных историко-философских исследований, посвященных его вкладу в развитие отечественной и мировой философии. К примеру, в "Истории русской философии" Н.О.Лосского Кропоткину посвящена всего одна страница, где говорится лишь об идее взаимопомощи и об этических достижениях, сделанных благодаря привлечению естествознания[19]. В труде В.В.Зеньковского[20] о П.Кропоткине вообще не говорится.

Благодаря деятельности П.Кропоткина анархизм, получив своеобразное этическое основание, обоснованное естественноисторически и на категориальном уровне, как бы обрел второе дыхание. Если М.Бакунин лишь поставил вопрос об анархистской этике, то Кропоткин прежде всего занимался его разрешением. Решение проблемы свободы, таким образом, поднимается на более высокий уровень, хот количество упоминаний самого слова "свобода" явно сокращается. Вместе с тем, отдавая должное П.Кропоткину, следует иметь в виду первопроходческую миссию Бакунина: как без Гегеля не было бы Маркса, так и без Бакунина не было бы Кропоткина.

В определенном смысле П.Кропоткин шел как бы назад, не принимая диалектического метода, которым старался воспользоваться его предшественник в области анархизма. Основной предмет его раздумий — взаимопомощь как основной фактор эволюционного развития всего живого. В рассуждениях Кропоткина доминируют методы естественных наук, индукция применяется к человеческим учреждениям. Однако подспудно широкий философский подход, просвеченный диалектикой изнутри, присутствует в основных его работах — таких, как "Хлеб и воля", "Современная наука и анархия", "Взаимная помощь", "Этика" и др.

Оригинальность концепции П.Кропоткина состоит, в частности, в том, что он, с одной стороны, вслед за Эпикуром или Руссо "возвращается" к природе, рассматривая ее и в качестве естественного основания человеческой истории, и в качестве своеобразного эталона для собственно социальных отношений. Свобода здесь связывается прежде всего с самим процессом саморазвития природы, когда без особых помех обеспечивается удовлетворение основных потребностей живых существ. Продолжая просветительскую традицию, он отождествляет свободу с естественным состоянием социума, где царит взаимопомощь. С другой стороны, П.Кропоткин исходит из активности, в том числе революционной, индивида и всего общества. Не соглашаясь с прудоновским планом мирных, постепенных реформ, он одновременно не принимает и стихийный бунт. "Если для Бакунина, — справедливо отмечает Н.М.Пирумова, — нищета и отчаяние народа — главный повод к его революционному выступлению, то для Кропоткина как раз наоборот. "Надежда, — считает он, — а вовсе не отчаяние... порождает успешные революции""[21]. Сознательные действия народа, вооруженного революционной мыслью, надеждой, нравственными принципами и идеалами, — вот за что ратует П.Кропоткин. Результатами, по его мнению, является "свободное соглашение, свободная организация", которые "отлично заменяют дорогостоящий и вредный государственный механизм и выполняют ту же задачу лучше его"[22]. В этой связи нельзя не согласиться с С.Ф.Ударцевым, считающим, что соотношение государства и человеческой солидарности у Бакунина аналогично соотношению государства и закона взаимопомощи у Кропоткина[23]*. Во многом сходятся и их представления о необходимости индивидуальной свободы в будущем обществе. Человек у М.Бакунина не растворяется в море социума, а у П.Кропоткина сам социум человечен (в моральном смысле) с самого начала. Важно уточнить, что высшее проявление нравственности связывается П.Кропоткиным именно со свободой, в отличие от простейшей нравственности, покоящейся на естественной взаимопомощи.

Таким образом, и Бакунин, и Кропоткин в поисках путей к свободе, во-первых, углубили антропологический подход, соединив его с подходом социальным, лишенным крайностей упрощенного социологизма; во-вторых, они осуществили своеобразный теоретический синтез уже имевшихся, но преимущественно разрозненных представлений о позитивной и негативной, внутренней и внешней сторонах свободы, главным образом на материале российской действительности, которая, в свою очередь, рассматривалась в общемировом контексте и исторически. В-третьих, они основательно проанализировали причины и факторы несвободы личности и общества. Во многом этот анализ апробирован самой историей, в том числе историей нашей страны. Это обстоятельство, в частности, позволяет согласиться с М.А.Миллером, который считает, что в будущем все же "реализуются кропоткинские пророчества о финальном торжестве свободы над властью"[24]*. В-

четвертых, главным образом благодаря П.Кропоткину анархическая трактовка проблемы свободы была дополнена детально разработанной этикой. Субъектами борьбы за свободу могут быть только мужественные и нравственные личности. И, наконец, в-пятых, русские анархисты способствовали конкретизации и, так сказать, "приземлению" модели будущего общества, в котором максимум свободы индивида должен базироваться на зрелой экономике, обладающей наивысшей производительностью свободного труда. Из неотъемлемого свойства человека и социального идеала свободы у П.Кропоткина превращается в одну из главных нитей ткани социальной жизни. Серьезный анализ социальной жизни, точнее, ее естественных предпосылок и основ как бы внутренне включает в себя проблему свободы. Здесь лежит исток гуманистического оптимизма автора "Этики".

Свобода рассматривается П.Кропоткиным главным образом сквозь проекцию целостности мира и социума. В этом отношении налицо тенденции русского космизма, идеи которого актуальны и сегодня. Философский анархизм М.Бакунина и П.Кропоткина, ориентированный на свободу личности и общества, причастен также к решению проблем единения, социального равенства, справедливости и др. Этическая система воззрений, последовательный гуманизм и свободолюбие, по существу, нейтрализуют достаточно жесткие социально-политические установки на безвластие. Это позволяет рассматривать данный вариант анархизма не столько как политическое течение, сколько как научно-гуманистическую доктрину и идеал, к которому ведет скорее длительная социальная и нравственная эволюция, чем одноактная всеразрушающая революция.

Пример великих свободолюбцев ориентирует на конкретные действия как в духовной сфере, так и в социальной практике. "Нельзя предписать свободу из центра, — подчеркивал Н.А.Бердяев, — должна быть воля к свободе в народной жизни"[25]*. Сейчас на первый план выдвигается задача гармоничного соединения культуры и свободы. Важная роль в выполнении этой задачи принадлежит сфере образования. Представляя собой внутренне единый и динамичный процесс развития и функционирования культуры, всего духовного производства, образование способно выступить в качестве значимого фактора разрешения назревших в обществе противоречий. Но и общество должно быть в состоянии помочь образованию, а значит — культуре и свободе. Формирование новой философии образования не может не включать поиск общей, объединяющей идеи, корни которой находились бы прежде всего в пределах отечественного культурно-исторического пространства. К нему, конечно же, относятся и такие яркие фигуры, как М.Бакунин и П.Кропоткин. Освоение их творческого наследия — это действительно шаг к все еще далекой и желанной свободе.

Примечания

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70.000 слов / Под ред. Н.Ю.Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1990. С.31.

[2] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С.194.

[3] См.: Махно Н.И. Воспоминания. М., 1992. С.93, 148 и др.

[4] Община. 1992. № 48 (нояб.).

[5] Подробнее см.: Артемов В.М. Революционность мелкобуржуазного типа. История и современность // Вестн. МГУ. Сер.7, Философия. 1990. № 5. С.26.

[6] Бакунин М.А. Избранные сочинения. Пг.; М., 1920. Т.4. С.250.

[7] Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. Пг.: М., 1920. С.9.

[8] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современна наука и анархия. М., 1990. С.280.

[9] Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 365.

[10] См.: Дэй Дж. П. Свобода и справедливость: Реферат. М., 1988. С.4.

[11] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 227.

[12] Немировский В.Г. Красные, зеленые, белые... Особенности политического сознания молодежи // Человек. 1992. № 3. С.70.

[13] См.: Маркс К. Конспект книги Бакунина "Государственность и анархия" // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. Т.18. С.579-624.

[14] См.: Гранин Ю.Д. Марксов проект общественного переустройства: философско-социологический контекст // Социс. 1991. № 6. С.32.

[15] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С.136.

[16] Кропоткин П.А. Этика. М., 1991. С.387.

[17] Там же. С.426.

[18] Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С.277.

[19] См.: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С.382.

[20] Зеньковский В.В. История русской философии.

[21] Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С.136.

[22] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С.144.

[23] См.: Памяти М.А. Бакунина. М., 1990. С. 17.

[24] Miller M.A. Kropotkin. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P.255.

[25] Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.73.

Черкезишвилли Варлаам. Значение Бакунина в Интернациональном революционном движении

4 октября 1915, источник: [здесь](#).

“Друзья и враги признают, что он был велик мыслями, волею неизменной энергиею».

Элизе Реклю. Карло Кафиеро.

Политически и философски прекрасно образованный, обладая в высшей степени ясным и увлекательным изложением, Бакунин оставил по смерти такое количество рукописей по вопросам социальным, политическим и философским, что полное собрание его сочинений на французском языке, издаваемое под редакцией Джемса Гильома, уже составляют шесть томов, хотя его знаменитые письма к испанской, итальянской и другим федерациям и к деятелям Интернационала еще не изданы.

Несмотря на такое обилие произведений Бакунина, писательство в его жизни было делом второстепенным. Прежде всего Бакунин был оратор, агитатор, восторженный инициатор революционных движений, заражавший своим энтузиазмом всех окружающих. Не как спокойный ученый философ Анархии Бакунин увлекал ряд замечательных людей различных национальностей, а увлекала его обаятельная личность, „его готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия» (А. Герцен, Посмертные сочинения.)

Вот этого самоотверженного и героического мыслителя-революционера Бакунина нам и желательно представить русскому читателю в речах, воззваниях и в кратких статьях самого автора. Его большие и лучшие произведения „Государственность и Анархия», «Кнута-Германская Империя», составляют содержание первых двух, остальные-же тома будут составлены из речей, докладов и журнальных статей различных периодов революционной деятельности великого борца и мученика за социальное и политическое освобождение

трудящихся классов и угнетенных национальностей. При самом беглом просмотре этих речей и статей, читателю станет ясно, почему Бакунин так высоко ценим эксплуатируемыми и угнетенными и так ненавидим угнетателями и власть имущими или стремящимися к власти, включительно до главарей немецкой социаль-демо-кратии, не остановившимися перед самой черной клеветой на отважного революционного борца в цепях, прикованного к стене немецкого каземата...

Для более полного выяснения нашим читателям значения деятельности Бакунина для развития социально-революционных идей вообще, а федеративно-коммунального и анархического коллективизма в особенности, мы приведем здесь оценку его деятельности людьми, посвятившими жизнь, знания и таланты великому делу социального и умственного освобождения страждущего человечества.

Вот как оценивает деятельность и литературную манеру Бакунина П. А. Кропоткин:

„Говоря о Бакунине, следует оценивать его значение не по тому, что он сделал лично, сколько по влиянию, которое он оказывал на окружавших его людей — на их мысли и на их деятельность....

«Бакунин садился с целью написать брошюру в ответ на запрос дня. Но его брошюра разрасталась в книгу, потому что при его глубоком понимании философии истории, и с его громадным запасом знания современных событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

„Если вспомнить все то, что он и его друзья — а его друзья были Герцен, Огарев, Мадзини, Ледрю-Роллен и все лучшие люди и деятели революционного периода сороковых годов в Европе — передумали об этих, пережитых ими драмах, надеждах, разочарованиях; если вспомнить все, что они пережили во время полных надежд 1848-го года и последовавшей за тем реакции, — легко понять, как мысли, образы, доводы, почерпнутые из знания жизни, должны были роиться в голове Бакунина, и почему его философско-исторические воззрения так щедро пересыпаны фактами и суждениями из современной действительности.

„Любопытно однако, что каждая брошюра Бакунина отмечала поворотную точку в истории революционной мысли в Европе. Его речь на конгрессе „Мира и Свободы» была вызовом, брошенным всем радикалам Европы. Бакунин объявлял в ней, что эпоха радикализма сороковых годов закончена, и наступает новый фазис революционной жизни — эра рабочего социализма; что рядом с вопросом о политической свободе, встает вопрос об экономической независимости, и этот вопрос будет впредь преобладать в истории. Его брошюра, обращенная к мадзинианцам, возвещает конец чисто-политической революционной конспирации ради национального освобождения и начало социалистической революции, а также конец сентиментального социалистического христианства и начало атеистического коммунистического реализма в истории. Письмо Герцену, об Интернационале и базаровском реализме, имеет тот-же смысл для России.

„Бернские медведи» — прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, и „Письма французу», написанные во время войны 1870 — 71 года, составляют отходную

Гамбеттовскому радикализму и возвешание той новой эры, которую вскоре открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею Луиблановского государственного социализма и возвестившая новую идею, городского, коммунального коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территории, и начинающая у себя социальную революцию — вот что рекомендовал он в этих „Письмах» против Немецкого вторжения.

«Кнуто-Германская Империя», — брошюра, которую так ненавидят немецкие социаль-демократы — пророческий крик старого революционера, понявшего уже тогда (1871) весь ужас реакции, которая охватит Европу на целые тридцать, сорок лет, вследствие торжества бисмарковского военного государства, а с ним вместе — и государственного социализма, которого крестным отцом, в Германии, был тот-же Бисмарк. Она вместе с тем означала крутой поворот в сторону безгосударственного коммунизма, — анархии — в латинских странах.

„Наконец „Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала» и «Бог и Государство», — не смотря на боевую памфлетную форму, которую они получили, так как писались ради злобы дня, — содержат для вдумчивого читателя, больше политической мысли и больше философского понимания истории, чем масса трактатов, университетских и социаль-государственных, в которых отсутствие мысли прикрывается туманною, неясною, а следовательно непродуманною диалектикою. В них, нет готовых рецептов. Люди, ждущие от книги раз-решения всех своих сомнений, без собственной ра-боты мысли, не найдут этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слепо за автором, а смотреть на книгу, как на материал для мышления, — как на умную беседу, вызывающую от вас умственную работу, — тогда горячие, местами беспорядочные, а местами блестящие обобщения Бакунина помогут вашему революционному развитию несравненно больше, чем все вышеупомянутые трактаты, написанные с целью уверить вас, что вы годны только для повиновения и должны слепо идти за автором — в вашей мысли, и за главарем — в вашей деятельности.

„Впрочем, главная сила Бакунина была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Он сделал Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодежи семидесятых годов. Он возродил его. — „Ты мой духовный отец», писал ему сам Белинский. А какую громадную силою был Белинский для русского развития — мы знаем.

«В Париже, в 1847 году (в этом году его изгнали), и в Германии в 1848 году, его влияние на лучших людей своего времени было громадно. Бернард Шоу рассказывает в полушутливой форме (The Perfect Wagnerite), что в своем Зигфриде, не знающем страха и увлекающем своею любовью Брунгильду, Вагнер воплотил Бакунина. Он воплотил, конечно, не Бакунина в частности, а смелого, дерзкого революционера вообще. Но нет сомнения, что и на Вагнера, как и на Жорж Занд, и на Герцена с Огаревым, и на весь кружок социалистической Франции, живший тогда в Париже, и на Молодую Германию, и на Молодую Италию, и на Молодую Швецию, Бакунин оказал в свое время громадное влияние. — «К нему нельзя было подойти, не заразившись его революционной горячкою», говорили об нем его современники.

„Таким же оказался он когда, бежавши в 1862 году из Сибири, он появился снова среди своих друзей в Лондоне. Герцен, как известно, описал его появление в Лондоне, и слегка подсмеивался над тем, как Бакунин пропагандировал всяких славян. Весьма возможно, и наверно так и было, что Бакунин часто возлагал больше надежд на подхихивших к нему людей, чем они того заслуживали. Но разве того же нельзя сказать о Мадзини, о всяком искреннем революционере? Оттого, может быть, он и обладал такою магическою силою, что верил в человека, верил в то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего. И оно действительно пробуждало, и под влиянием Бакунина человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен.

„Герцен рассказывает в шутливом тоне, как Бакунин пропагандировал и посылал людей на дело. Но правда ли, что он действительно так ошибался в людях?... Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлен, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссар в Испании), Гильом, Швицгебель и т. д., сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитой Alliance, не были лучшие люди латинских рас в эту великую эпоху? Мне кажется, что его оценка людей была наоборот, поразительно верна. Прочтите, например, то что он писал об Нечаеве, которого и сильные и слабые стороны он определил так поразительно верно, что мы и теперь, ничего не можем прибавить к его оценке. Кто же лучше его понял Николая Утина — этого женевского божка марксистов?

„Еще одно. Всего поразительнее, и всего поучительнее для нас — высокий нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокруг Бакунина в западной Европе. Я не знал Бакунина, но я знал близко большую часть людей, сгруппировавшихся в Интернационале вокруг него, и поэтому так неумолимо преследовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смело утверждаю, в лицо их ненавистникам, что каждый, из выше названных мною деятелей федеративного Интернационала представлял собою крупную нравственную личность. История, я знаю подтвердит эту характеристику, и конечно выскажет при этом сожаление, что в среде их противников, — по крайней мере в лице их главных руководителей, — был, может быть, ум, но нравственные начала не достигали такой же высоты и твердости, как среди названных мною друзей Бакунина.

„Что касается, наконец, значения деятельности Бакунина в Интернационале, то я охарактеризовал роль «бакунистов», говоря в моих „Записках» о Юрской Федерации.

«В эпоху, когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военное торжество Немецкой Империи открыли период реакции, продолжающейся поныне, и когда Маркс со своими друзьями, с помощью подпольных интриг, захотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капитализмом, в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов — «бывших людей» — тогда федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным, в то время, оплотом против обще-европейской реакции.

„Ему мы обязаны, в значительной мере тем, что в латинских странах остался живым революционный дух, который нашел в рабочих латинских массах новую живую силу, чтобы бороться с резким поворотом на лево кругом, среди некогда радикальной буржуазии.

„И — среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страх, без всякой поддержки со стороны буржуев, войну всему старому миру, — в этой среде развился наконец, современный анархический коммунизм, с его идеалом равенства экономического и политического и его смелым отрицанием всякой эксплуатации человека человеком.

„Таковы заслуги Бакунина в истории.

Июнь 1905 г. П. Кропоткин».

А вот характеристика, правда, несколько юмористическая, но все же полная глубокой симпатии и данная Герценом (см. Посмертные Сочинения): —

„15 Октября 1861 г., С.-Франциско.

„Друзья, мне удалось бежать из Сибири, и после долгого странствования по Амуру, по берегам Татарского пролива и через Японию, сегодня прибыл я в С.-Франциско.

„Друзья, всем существом стремлюсь я к вам и, лишь только приеду, примусь за дело, буду у вас служить по польско — славянскому вопросу, который был моей идеей с 1846 г. и моей практической специальностью в 1848 и 1849 гг.

«Разрушение, полное разрушение Австрийской империи будет моим последним словом; не говорю делом, это было бы слишком честолюбиво; для служения ему я готов идти в барабанщики, или даже в прохвосты, и, если мне удастся хоть на волос подвинуть его вперед, я буду доволен.

„О намерении Бакунина уехать из Сибири мы знали несколько месяцев прежде. К новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина в наших объятиях.

«В нашу работу, в наш замкнутый двойной союз, вошел новый элемент, и то, пожалуй элемент старый, воскресшая тень сороковых годов и всего больше 1848 г. Бакунин был тот же, он состарелся только телом, дух его был молод и восторжен, как в Москве во время всеночных споров с Хомяковым; он был так же предан одной идее, так же способен увлекаться, видеть во всем исполнение своих желаний и идеалов, и еще больше готов на всякий опыт, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впереди остается не так много и что, следственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Он тяготился долгим изучением, взвешиванием pro и contra и рвался, доверчивый и отвлеченный, как прежде, к делу. Фантазии и идеалы, с которыми его заперли в Кенигштейне в 1849 г., он сберег и привез их через Японию и Калифорнию в 1861 г. во всей целости. Даже язык его напоминал лучшие статьи „Reforme» и «Vraie Republique»[1], резкие речи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашний дух партий, их исключительность, их симпатии и антипатии к лицам, пуще всего их вера в близость второго пришествия революции, все было на лицо.

„Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняют сильных людей, если не тотчас их губят: они выходят из нея, как из обморока, продолжая то, на чем лишились дознания.

„Европейская реакция не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы от 1848 до 1858; они ему были известны вкратце, издалека, слегка... Как человек, возвратившийся после мора, он слышал о тех, которые умерли, и вздохнул об них, обо всех; но он не сидел у изголовья умирающих, не надеялся на их спасение, не шел за их гробом. Совсем напротив, события 1848 года были возле, близки к сердцу, подробные и живые разговоры с Коссидьером, речи славян на Пражском с'езде, спор с Араго или Руге, — все это было для Бакунина вчера, звенело в ушах, мелькало перед глазами.

„Впрочем, оно и не мудрено.

„Первые дни после февральской революции были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись из Бельгии, куда его вытурил Гизо за его речь на польской годовщине 26 ноября 1847 года, он с головой нырнул во все тяжкие революционного моря. Он не выходил из казарм монтаньяров, ночевал у них, ел с ними и проповедывал, все проповедывал коммунизм *et legalite du salaire*, нивеллирование во имя равенства, освобождение всех славян, уничтожение всех Австрий, революцию *en permanence*, войну до избиения последнего врага. Префект с баррикад, делавший „порядок из беспорядка», Коссидьер, не знал, как выжить дорогого проповедника, и придумал с Флоконом отправить его, в самом деле, к славянам с братской акколадой и уверенностью, что он там себе сломит шею и мешать не будет.

„Когда я приехал в Париж из Рима в начале мая 1848 года, Бакунин в это время уже витийствовал в Богемии, окруженный староверскими монахами, чехами, кроатами, и витийствовал до тех пор, пока князь Виндишгрец не положил пушками предела красноречию (и не воспользовался хорошим случаем, чтобы при сей верной оказии не подстрелить невзначай своей жены). Исчезнув из Праги, Бакунин является военным начальником Дрездена; бывший артиллерийский офицер учит военному делу, поднявших оружие профессоров, музыкантов и фармацевтов; советует им Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городские стены и ими защищаться от Пруссиков, которые *zu klassisch gebildet*, чтоб осмелиться стрелять по Рафаэлю.

«После взятия Дрездена, начался длинный матриролог. Напомню здесь главные черты. Бакунин был приговорен к эшафоту. Король Саксонский заменил топор вечной тюрьмой, потом без всякого основания, передал Бакунина в Австрию. Австрийская полиция думала от него узнать что нибудь о славянских замыслах. Бакунина посадили в Грачин, и, ничего не добившись, отослали в Ольмюц....

«В России Бакунин был посажен в крепость. В 1854 г. Бакунина перевели в Шлиссельбург, а в 1857 г. он был сослан в Восточную Сибирь...

„Как только Бакунин огляделся и учредился в Лондоне, т. е. перезнакомился со всеми поляками и русскими, которые были на лицо, он принялся за дело. К страсти проповедывания, агитации, пожалуй, демагогии, к непрерывным усилиям учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение, у Бакунина прибавляется готовность первому идти, на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия.

«Бакунин имел много недостатков. Но недостатки его были мелки, а сильные качества крупны.

«Говорят, будто Тургенев, в «Рудине» хотел нарисовать портрет Бакунина. Тургенев, увлекаясь библейской привычкой, создал Рудина по своему образу и подобию. Рудин Тургенева — наслушавшийся философского жаргона,- — молодой Бакунин.

«В Лондоне он говорил в 1862 году против нас почти то, что говорил в 1847 году против Белинского. Бакунин находил нас умеренными, не умеющими пользоваться тогдашним положением, недостаточно любящими решительные средства. Он, впрочем, не унывал и верил, что в скором времени поставит нас на путь истинный. В ожидании нашего обращения, Бакунин сгруппировал около себя целый круг Славян. Тут были чехи, от литератора Фрича до музыканта, называвшегося Наперстком, сербы, которые просто величались по батюшке: Иоанович, Данилович, Петрович; были валахи, состоявшие в должности славян, с своим вечным еско на конце; наконец, был болгарин, лекарь в турецкой армии, и поляки всех епархий: Бонапартовской, Мерославской, Чарторыжской; демократы без социальных идей, но с офицерским оттенком; социалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотевшие где-нибудь подраться, в северной или южной Америке.

„Отдохнул с ними Бакунин за девятилетнее молчание и одиночество.. Он спорил, проповедывал, распоряжался, кричал, решал, направлял, организовывал и ободрял целый день, целую ночь, целые сутки. В короткие минуты, остававшиеся у него свободными, он бросался за свой письменный стол, расчищал небольшое место от табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писем: в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белую Криницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какого нибудь отсталого далмата и, не кончивши своей речи, схватывал перо и продолжал писать; это, впрочем, для него было облегчено тем, что он писал и говорил об одном и том же. Деятельность его и все остальное, как гигантский рост, все было не по человеческим размерам, как и он сам; а сам он — исполин с львиной головой, со всклокоченной гривой.

«В пятьдесят лет он был решительно тот-же кочующий студент с Маросейки, тот-же бездомный Bohemien с Rue de Bourgogne, без забот о завтрашнем дне, пренебрегая деньгами, бросая их, когда есть, занимая их без разбора на-право и на-лево, когда их нет, с той простотой, с которой дети берут у родителей, без заботы об уплате, с той простотой, с которой он сам отдает всякому последние деньги, отделив от них, что следует, на сигареты и чай. Его этот образ жизни не стеснял; он родился быть бродягой, бездомником. В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан. Его личность, его эксцентрическое появление везде: в кругу московской молодежи, в аудитории берлинского университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его речи в Праге, его начальствование в Дрездене, процесс, тюрьма, приговор к смерти, истязания в Австрии, выдача его в Россию, — делают из него одну их тех индивидуальностей, мимо которых не проходит ни современный мир, ни история.

„В этом человеке лежал зародыш деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, ересиархом, бойцом. Поставьте его, куда хотите, только в крайний край: анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоотца, другом Гракха Бабефа.

„Когда в споре, Бакунин, увлекаясь с громом и треском обрушивал на голову противника облату брани, которой бы ни никому не простили, Бакунину прощали, и я первый.

«Как он дошел до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой. Он свято сохранил все привычки и обычаи родины, т. е. студенческой жизни в Москве: груды табаку лежали на столе в роде приготовленного фуража, зола сигар над бумагами с недопитыми стаканами чая; с утра дым столбом ходил по комнате от целого хора курильщиков, кутивших точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словом, так как курят одни русские и славяне. Много раз наслаждался я удивлением, сопровождавшимся некоторым ужасом и замешательством, хозяйской горничной Грасс, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара в эту готовальню славянского освобождения.

«Долго после отезда Бакунина из Лондона, в №10 Paddington Green, рассказывали об его житье-бытье, ниспровергнувшем все упроченные английскими мещанами понятия и религиозно принятые ими размеры и формы. Заметьте при этом что горничная и хозяйка без ума любили Бакунина».

К этим отзывам двух знаменитых русских авторов мы прибавим несколько кратких отзывов о Бакунине социалистов Западной Европы.

Вот великий географ анархист Элизе Реклю, чья долгая трудовая жизнь была чиста как кристал, и кто по возвышенности и широте своих гуманитарных воззрений остается навсегда украшением человечества. Он знал Бакунина лично: знал его в Интернационале, знал лектором и публицистом. В небольшом предисловии к первому изданию «Бог и Государство» (Dieu et l'Etat), подписанном Е. Реклю и К. Кафьеро, мы читаем следующие строки:

«Друзья и враги признают, что он был велик мыслями, волею, неизменной энергией; знают они и то, с каким глубоким пренебрежением относился он к богатству, к общественному положению, к славе... По родственным связям принадлежал к высшему дворянству, он один из первых примкнул к возмущившимся против классовых и расовых интересов и предубеждений, и отказавшимся от личных благ, вместе с ними он вел суровую битву жизни, с мрачною тюрьмою, изгнанием и страданиями — обычным уделом всех самоотверженных борцов...

«Среди учащейся молодежи в России, среди инсургентов Дрездена, среднего братьев по изгнанию в Сибири в Америке, в Англии, во Франции, в Швейцарии, в Италии, среди всех искренних людей, его непосредственное влияние было замечательно. Оригинальность его мысли, образность и увлекательность его красноречия, его неустанная энергия пропагандиста, вместе с его могущественной фигурой, полной неиссякаемой жизненности, оставили неизгладимое влияние среди революционеров повсюду... Переписка Бакунина

была необыкновенно обширная. Он проводил бессонные ночи за письмами к друзьям и революционерам. Некоторые из этих писем о способах и задачах пропаганды, о планах подготовки заговоров и восстаний, разрослись в целую книгу. Письма эти лучше всего объясняют удивительное влияние Бакунина на революционное движение своего века...

«Среди имен людей, принимавших участие в великой революционной борьбе обновления имя Бакунина, бесспорно, занимает первое место».

Под этими строками, рядом с именем Э. Реклю, стоит имя итальянца Карло Кафиеро, отдавшего социалистическому движению свое большое состояние и свою служебную карьеру. Несколько раньше появления этих строк, по предложению Кафиеро и Кропоткина, анархисты-федералисты объявили себя коммунистами.

А вот письмо к А. Герцену о Бакунине знаменитого историка Великой Революции Жюль Мишле. Письмо писано в 1855 г., когда Бакунин шестой год был заключен в казематах Шлиссельбурга:

„Да будет вам известно, друг, что в моем доме, где я не имел еще счастья вас принимать, первое место с правой стороны моего семейного очага занято русским нашим Бакуниным. Образ дважды драгоценный, дважды трагический, дважды близкий, нарисованный для меня рукой умирающей М-те Герцен.

„Священный образ, таинственный талисман, всегда оживляющий мой взор, наполняющий сердце мое жалостью, мечтами, океаном мыслей. Он Восток, он Запад, он союз двух миров.

«Это Запад, это недрогнувшая шпага и мужественный воин, раньше всех очнувшийся, раньше февральских дней, начертавший сталью на скрижалях «Reforme», презрение, вызов на дуэль Бакуниным Николая (Речь о Польше).

«Это Восток, законное (legitime) сопротивление Руси великой и святой самозванному правительству, угнетающему и растлевающему народ; это усилие для возвращения народа с пути макиавелизма, куда его тащит царизм, к его естественному призванию мирного посредника между Европой и Азией.

«Наконец, дорогой друг, этот портрет есть залог союза, прекрасное, великое воспоминание о самопожертвовании того, для кого родиной стала вселенная. Как известно, Россия угнетена немцами; но когда раздался древний германский клич: „Кто умрет с нами за свободу Германии?“ — предстал русский, бросился в первые ряды, и ни одного немецкого патриота не было там раньше его. Когда Германия станет опять настоящей Германией, этому русскому (Бакунину) там воздвигнут алтарь»[2].

Алтаря в Германии Бакунину еще не воздвигали, но наш друг австриец доктор филологии Макс Неттлау воздвиг ему, „говоря стихами Пушкина, „Памятник нерукотворный» в трех томной (in folio) громадной биографии. «Памятник» Неттлау, в своем роде, единственное историко-литературное произведение. Не только жизнь и деятельность Бакунина были впервые описаны, но автор собрал документы, письма, газеты журналы, прокламации; перерыл все библиотеки столиц и университетских городов Западной Европы; списывался и

лично виделся с людьми, знавшими Бакунина во Франции, в Италии, Швейцарии, Испании и других странах, и после многолетних неустанных исследований на всех языках не исключая, русского, польского и других славянских языков, Неттлау воскресил эпохи сороковых, шестидесятых и семидесятых годов с их социально-революционным движением. Об ученом достоинстве труда нашего друга немца можно судить по его «Bibliographic de l'Anarchie» (1897 г.) Этот том в 300 страниц был приготовлен в несколько недель во время писания последнего тома биографии Бакунина.

Вот как ученый биограф-историк оценивает Бакунина в статье по поводу столетней годовщины рождения последнего („Freedom». Июнь 1914 г.):

«Он видел яснее всех предшествовавших социалистов тесную связь власти религиозной, политической и социальной, воплощенных в Государстве, с экономической эксплуатацией, и с гнетом. По этому Анархизм для него был необходимым базисом и самым существенным фактором настоящего социализма... Для него свобода умственная, личная и социальная не отделимы и Атеизм, Анархизм и Социализм является органическим единством... По моему мнению, пропаганда Бакуниным социализма всеобъемлющего — явление единственное...

«Людей, опередивших свой век и прокладывающих новые пути грядущим поколениям, называют пророками и мечтателями, мыслителями и революционерами, но между всеми борцами за свободу и за социальное счастье для всех Бакунин полнее всех «совмещал в своей деятельности все поименованные качества... Никто не обладал ему подобным великим дарованием вливать в один революционный поток различные течения революционной мысли, ни пламенным стремлением вызывать коллективное движение. Дарование это и составляло самую чарующую черту характера Бакунина».

Другой немец, только не ученый, не социалист и не анархист, а просто честный человек и музыкант — бывший директор Консерватории в Берне, А. Рейхель — оставил нам трогательную характеристику[3]. Рейхель познакомился с молодым Бакуниным в 1842 году. С самой первой встречи у них установилась дружба на всю жизнь:

«Михаил скоро сумел силой своей увлекательной речи завоевать мою симпатию и симпатию моей старшей сестры». Симпатия не замедлила превратиться в дружбу. «Эта дружба была основана на чистоте идеи, которой Бакунин руководился в своих политических делах, а я в музыкальных». Рассказав в кратких словах их путешествие, совместную жизнь в Париже, участие Бакунина в революции 1848 г., его процесс, заключение, ссылку, Рейхель останавливается на их встречах в последние годы жизни своего друга, и вспоминает:

„Я помню, как в прежнее время я спрашивал его в виде возражения, что он намерен делать, если бы исполнились все его реформаторские планы? Он отвечал мне: «Тогда я все опрокину! А ты играй, милый друг, и не рассуждай! Ты знаешь не хуже меня, что перед вечностью все тщетно и ничтожно». И после этого он мог совершенно погрузиться в музыку, которая не допускала никакого вопроса и не требовала ответов, Он имел такую верную память. что после нашей долгой разлуки мог напомнить мне мелодии, о которых я давно забыл. Он утверждал, что часто, в тюремном уединении, эти мелодии утешали его и оживляли. И как музыкальные впечатления оставались верно в его памяти, так же

неизменно удерживал он отношения с людьми связанными с ним дружбой; и они тоже в разлуке с ним сохранили к нему любовь и привязанность».

О музыкальности Бакунина говорит и Джемс Гильом; слышал я об этом и от Турского и от других русских эмигрантов. По словам Рейхеля, „...Он мог слушать музыку по целым часам; произведения Бетховена производили на него самое сильное впечатление... В вечер своего последнего приезда из Лугано, он пришел ко мне развлечься музыкой и только, когда усилившая боль схватила его внезапно, он вскрикнул: «довольно, не могу больше!» И мне пришлось проводить его в больницу, из которой не суждено было ему выйти».

Заканчивает Рейхель свои воспоминания следующими трогательными словами: «Я желаю, чтобы сведения об его жизни были написаны с талантом и свободны от партийности... чтобы было указано значение его стремления к общему благу и к правде, для которых страдал всегда восторженный Бакунин».

О Михаиле Александровиче Бакунине создалась целая литература на всех европейских языках. Кроме капитального труда доктора М. Неттлау, прекрасный биографический очерк дан Джемсом Гильомом во втором томе «CEuvres». Хороший очерк дан Альбертом Франсуа в его „Michel Bakounine et la Philosophie de l'Anarchie», которым пользовался Людвиг Кульчицкий при составлении своей добросовестной брошюры „М. А. Бакунин, его идеи и деятельность». Недурен очерк Гюбера Лагарделя „Bakounine. Conference. 24 Janvier 1908”. Симпатичны, хотя слабы фактически, очерки итальянцев Андреа Коста, Дж. Доманико, Молинари, Турати.

На русском языке, кроме очерка А. И. Герцена, существует биография Бакунина, составленная, с явным желанием дискредитировать великого революционера, М. Драгомановым[4]. К сожалению, эта биография, правда, с указанием на враждебность, была перепечатана в издании сочинений Бакунина Балашевым (1906 г.). Покойный В. Богучарский, в своем труде „Активное Народничество семидесятых годов», дал, хотя и беглый, но чрезвычайно добросовестный очерк жизни и деятельности Бакунина. Автор, согласно с трудами Неттлау, Гильома и Герцена, превосходно разбивает гнусные, черные клеветы Маркса, Энгельса. Либкнехта-отца и других социал-демократов против Бакунина (см. страницы (63 — 100).

Жизнь Бакунина распадается на четыре резко отличавшихся периода:

Бакунин идеалист и гегельянец в Москве с 1835 по 1840;

Идеалист революционер в Западной Европе с 1842 по 1848;

Узник в цепях в Саксонии, в Австрии, в Шлиссельбурге с 1849 по 1856, а потом в ссылке в Сибири до июля 1861 г., когда он бежал, через Японию и С.-Штаты, в Англию;

Четвертый и последний период — Бакунин материалист, эволюционист и анархист-революционер, деятельный интернационалист вплоть до смерти — 1-го июля 1876 года.

Каждый из этих периодов жизни Бакунина имел свое историческое значение. Юношей двадцати-одного года, он примыкает в Москве к кружку Станкевича, сыгравшего такую важную роль в истории умственного развития русского общества в тридцатых и сороковых годов. Достаточно напомнить, что пылкому и благородному литературному критику Белинскому — „неистовому Виссариону» кружка — немецкую метафизику, а в особенности метафизику Гегеля переводил и толковал Бакунин. Даровитые, идеально чистые молодые философы, под влиянием все оправдывающей формулы Гегеля «все существующее разумно» было погрязли в глубочайшую политическую реакцию. Не войди в их среду естественник Герцен, воспитанный на французских энциклопедистах, кто знает что бы с ним стало? Материалист и политический радикал, Герцен бросил им вызов, и бой закипел. Вот рассказ Герцена о том;

„Знаете ли, что с вашей точки зрения, сказал я (Белинскому), думая поразить его моим революционным ультиматумом, вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать.

— «Без всякого сомнения, отвечал Белинский, и прочел мне Бородинскую годовщину Пушкина.

„Этого я не мог вынести, и отчаянный бой закипел между нами. Размолвка наша действовала на других; круг распадался на два стана. Бакунин хотел примирить, об’яснить, заговорить, но настоящего мира не было. Белинский, раздраженный и недовольный, уехал в Петербург и оттуда дал по нас залп в статье, которую так и назвал „Бородинской годовщиной».

«Я прервал с ним все сношения. Бакунин, хотя и спорил горячо, но стал призадумываться, его революционный такт толкал его в другую сторону. Белинский упрекал его в слабости, в уступках и доходил до таких преувеличенных крайностей, что пугал своих собственных приятелей и почитателей. Хор был за Белинского и смотрел на нас свысока, гордо пожимая плечами и находя нас людьми отсталыми».

Известно, как влияние Герцена восторжествовало над Белинским и над Бакуниным, уехавшим в 1840 г. в Берлин для окончания философского образования. Толчек, данный Герценом, пробудил в Бакунине дремавшего революционера, и через два года появляется в *Deutsche Jahrbucher* Арнольда Руге (1842 г.) его знаменитая статья «Реакция в Германии» под псевдонимом француза Жюль Элизара. Заканчивалась статья фразой, ставшей знаменитой, особенно ее вторая часть. „Доверимся», гласит фраза, „вечному духу, он разрушает и уничтожает, потому что он неизмеримый источник и вечный творец жизни. Желание разрушения есть в то же время желание созидательное».

Статья сразу сделала популярным Бакунина среди радикальной и революционной молодежи. У него завязываются связи и дружба с революционным поэтом Гервегом, с Руге, с братьями Фогт, с коммунистами Вейтлинга, с музыкантом Рейхелем и другими в Германии и Швейцарии. В 1844 г. русское правительство начало свои первые преследования Бакунина и он должен был уехать из Швейцарии в Париж, куда он направился через Брюссель, где, проездом, сразу сблизился с знаменитым польским историком изгнанником Лелевелем и

другими поляками.

В Париже он встретил своих друзей Гервега и Руге, через которых он вошел в радикально-социалистические круги. Прудон и Жорж Занд, Флокен и Ледрю Роллен, Рейхель и Шопен, поляки-изгнанники, социалисты всех национальностей, и между ними Маркс, составляли тот обширный круг, в котором вращался и быстро стал вырабатываться Бакунин, социалист, революционер и федералист с оттенками анархизма. Особенно близок он был с Прудоном, с которым, как с Белинским в Москве, он просиживал целые ночи в спорах и толкованиях диалектики. Париж в эти годы (1845-48) был очагом социалистической, революционной и республиканской агитации. Тем, другим и третьим увлекся и жил молодой, пылкий и красноречивый Бакунин. Когда представился случай, 29 ноября 1847 г., он произнес блестящую речь в которой уже нет и следа немецкой метафизики, уступившей место ясному и точному мышлению французскому.

За эту речь Бакунин был изгнан из Франции. Но через три месяца разыгралась Февральская революция и изгнанник возвратился из Брюсселя, а что он делал в Париже — мы видели выше (см. слова Герцена, стр. 12). Однако, Бакунин не долго оставался в Париже. Революционное брожение охватывало и Германию с Австрией, где Венгрия быстро приближалась к революции, а чехи и другие славяне заговорили о национальных правах. Бакунин поехал через Берлин в Познань, откуда он пробрался в Прагу. Он играл видную роль на славянском съезде и в Пражском восстании, но за быстрым подавлением последнего, он возвратился в Германию, где, скрываясь от преследований, он издал ниже приводимые воззвания к славянам.

В начале 1849 г. Бакунин находился в Лейпциге. Саксонский король отказался ввести новую германскую конституцию Франкфуртского парламента, вследствие чего, в мае месяце, вспыхнула революция в Дрездене. Здесь Бакунин покрыл себя славою, предводительствуя при защите города от прусских войск. Город продержался всего пять дней; предводители восстания принуждены были оставить Дрезден, и Бакунин, вместе с композитором Рихардом Вагнером и с Гейбнером направились в Хемниц, где Вагнеру удалось скрыться у своей сестры, а Бакунина с Гейбнером арестовали. С этого момента начались долгие годы тюремного заключения в цепях, с прикованием к стене... В письме к Герцену из Сибири (декабрь 1860) Бакунин сам рассказал об этих годах следующее:

«Я намерен вскоре послать вам подробный журнал моих faits et gestes со времени нашей последней разлуки в Avenue Marigny, а теперь скажу только несколько слов о моем настоящем положении. Просидев год в Саксонии, сначала в Дрездене, потом в Konigstein, около года в Праге, около пяти месяцев в Ольмюце и прикованный к стене, — я был перевезен в Россию; в Германии и Австрии мои ответы на допросы были весьма коротки: «Принципы вы мои знаете, я их не таил и высказывал громко; я желал единства демократизованной Германии, освобождения Славян, разрушения всех насильственно сплоченных царств, прежде всего разрушения Австрийской Империи; — я взят с оружием в руках — довольно вам данных, чтоб судить меня. Больше же ни на какие вопросы я вам отвечать не стану». В 1851 году в мае я был перевезен в Россию, прямо в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин, — где я просидел 3 года. Месяца два по моем прибытии, явился ко мне граф Орлов от имени государя: «Государь прислал меня к вам и приказал вам

сказать: скажи ему, чтоб он написал мне, как духовный сын пишет к духовному отцу, — хотите вы писать?» Я подумал немного и размыслил, что перед jury, при открытом судопроизводстве, я должен бы был выдержать роль до конца. Но что в четырех стенах, во власти медведя, я мог без стыда смягчить формы, и потому потребовал месяц времени, согласился — и написал в самом деле род исповеди, нечто в роде *Dichtung und Wahrheit*; — действия мои были, впрочем, так открыты, что мне скрывать было нечего. — Поблагодарив Государя в приличных выражениях за снисходительное внимание, я прибавил: — «Государь, вы хотите, чтоб я вам написал свою исповедь, хорошо, я напишу ее; но вам известно, что на духу никто не должен каяться в чужих грехах. После моего кораблекрушения у меня осталось только одно сокровище, честь и сознание, что я не изменил никому из доверившихся мне, и потому я никого называть не стану». После этого, а *quelques exceptions pres*, я рассказал Николаю всю свою жизнь за границу, со всеми замыслами, впечатлениями и чувствами, при чем не обошлось для него без многих поучительных замечаний на счет его внутренней и внешней политики. Письмо мое, рассчитанное во-первых, на ясность моего повидимому безвыходного положения, с другой же на энергический нрав Николая, было написано очень твердо и смело и именно потому ему очень понравилось. — За что я ему действительно благодарен, это, — что он по получении его ни о чем более меня не допрашивал. — Просидев три года в Петропавловской, я при начале войны в 1854 году был перевезен в Шлиссельбург, где просидел еще три года, У меня открылась цинготная и выпали все зубы. Страшная вещь пожизненное заключение: влачить жизнь без цели, без надежды, без интереса. Каждый день говорить себе: «сегодня я поглупел, а завтра буду еще глупее». С страшной зубною болью, продолжавшеюся по неделям и возвращавшеюся по крайней мере, по два раза в месяц, не спать ни дней, ни ночей, — чтобы ни делал, чтобы ни читал, даже во время сна чувствовать какое то беспокойное ворочание в сердце и в печени с *sentiment fixe*: я раб, я мертвец, я труп. Однако, я не упал духом; если б во мне оставалась религия, то она окончательно рушилась бы в крепости. — Я одного только желал: не примириться, не резинироваться, не измениться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, — сохранить до конца в целости святое чувство бунта. Николай умер, я стал живее надеяться. Наступила коронация, амнистия. Александр Николаевич собственноручно вычеркнул меня из поданного ему списка, и когда спустя месяц мать моя молила его о моем прощении, он ей сказал: «*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais etre libre*». После чего я заключил с приехавшим ко мне братом Алексеем условие, по которому я обязывался ждать терпеливо еще месяц, по прошествии которого, если б я не получил свободы, он обещал привезть мне яду. Но прошел месяц, — я получил объявление, что могу выбрать между крепостью или ссылкой на поселение в Сибирь. Разумеется, я выбрал последнее. Не легко досталось моим освобождение меня из крепости; Государь с упорством барана отбил несколько приступов: раз вышел он к князю Горчакову (министру иностранных дел) с письмом в руках (именно тем письмом, которое в 1851 г. я написал Николаю) и сказал: «*mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre*» — дурак хотел *repentir*! Наконец, в марте 1857 года я вышел из Шлиссельбурга, пробыл неделю в 3-м Отделении, и по Высочайшему соизволению сутки у своих в деревне, а в апреле был привезен в Томск. Там прожил я около двух лет, познакомился с милым польским семейством, отец которого Ксаверий Васильевич Квятковский служит по золотопромышленности. В версте от города, на даче, или как говорится в Сибири, на замке Астангово жили они в маленьком домике тихо и по старосветски. Туда стал я ходить всякий день, и предложил учить французскому языку и

другому двух дочерей, сдружился с моею женою, приобрел ее полную доверенность, — я полюбил ее страстно, она меня также полюбила, — таким образом я женился и вот уже два года женат и вполне счастлив. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этот другой милая женщина, — я отдался ей весь, она же разделяет и сердцем и мыслью все мои стремления. Она полька, но не католичка по убеждению, поэтому свободна также и от политического фанатизма, она славянская патриотка. Генерал-Губернатор Западной Сибири, Гасфорд, без моего ведома, выхлопотал мне высочайшее соизволение на вступление в гражданскую службу, — первый шаг к освобождению из Сибири, но я не мог решиться воспользоваться им — мне казалось, что надев кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопотал же я о переселении в Восточную Сибирь и наконец выхлопотал; боялись для меня симпатии Муравьева, который приезжал в Томск отыскать меня и явно, публично высказал мне свое уважение. Долго не соглашались, наконец согласились. В марте 1859 г. я переселился в Иркутск...»

Ко времени побега Бакунина из Сибири, европейская реакция, следовавшая за разбитой революцией 1848 г. была изжита: на Западе, особенно, во Франции и в Англии, рабочее движение развилось, вопреки всем усилиям реакции, и стало принимать международный характер (Интернационал был задуман рабочими французами и англичанами в 1862 г.). А в России, впервые в истории ее внутренней жизни появилась социально-революционная демократия, известная под кличкой «нигилизма». Интернационал окончательно сложился только к концу 1866 г., а через год — в июле 1868 — Бакунин вступил членом великой Ассоциации и не замедлил проявить свою обычную энергию публициста, оратора, лектора. Как Бакунин понимал цели и приемы международного социально-революционного движения рабочего класса — можно судить по ниже печатаемым статьям «Политика Интернационала» и «К товарищам»

Относительно распада Интернационала, интриг и клевет Маркса против Бакунина и Джемса Гильома, их чудовищно глупого изгнания из Ассоциации и распада последней, поговорим ниже. А теперь обратимся к русскому революционному движению шестидесятых годов.

Великое, идеально-чистое и героическое движение в народ охватившее русскую молодежь в 70-х годах, зародилось и развивалось все предшествовавшее десятилетие. Народничество 60-х годов распадалось на два направления: культурно-легальное и революционное, но и то и другое черпало свои идеи из Герцена, Добролюбова, Чернышевского и других авторов того же направления. На революционную часть, в частности, особенно повлияли прокламация М. Л. Михайлова „К Молодому Поколению» прокламация «Молодая Россия», с кличем: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская»! и брошюра Бакунина «Народное Дело», изданное в Лондоне в 1862 г. и призывавшая молодое поколение идти в народ.

О сближении образованного общества с народом, о служении его интересам, о задачах молодого поколения в деле народного образования, народной медицины, артелей, кооперативного кредита и прочих видов хождения и сближения с народом говорили все, и культурники, и революционеры; в большинстве случаев, они даже и работали вместе: — разделение между двумя течениями тогда еще не произошло; поэтому мы и видим, что с

«каракозовцами» были в самом тесном сотрудничестве такие кроткие и мирные друзья народа, как покойный Христофоров, устроитель рабочих артелей в Саратове, и мировые посредники Бибикив и Маликов, через которых „каракозовцы» думали устроить артельную вагранку в Калужской губ. Тоже повторилось и в Нечаевском деле, когда рядом с действительными социалистами революционерами Успенским, Ткачевым и еще с пятью, шестью их друзьями, на скамьях подсудимых сидели десятки невинных, мирных культурников друзей народа. Но выработка типа народника революционера совершалась беспрерывно и вырабатывался он согласно основным положениям брошюры Бакунина и прокламации «Молодая Россия». Обе звали к социальной революции, обе требовали автономию общин, областей и национальностей со свободной их федерацией. Но прокламация предлагала революцию несколько якобинскую, тогда как Бакунин звал молодежь в народ.

«Теперь главную роль в нем (в движении) будет играть народ, говорил Бакунин. Он есть главная цель и единая, настоящая сила всего движения. Молодежь понимает, что жить вне народа становится делом невозможным, и что кто хочет жить, должен жить для него. В нем одном жизнь и будущность, вне его мертвый мир. ...И если будущность для нас существует, так только в народе. Ей (молодежи) предстоит подвиг... очистительный подвиг сближения и примирения с народом»

А что же предлагал он революционерам? «...станем под знаменем „Народного Дела«. За тем по пунктам перечислялись требования революционеров: вся земля собственность целого народа; самоуправление местное, областное, государственное; восстановление полной свободы Польше, Литве, Украине, Финам, Латышам и Кавказу; добровольный федеративный союз с названными народностями, и проч.

Благодаря такой постановке революционного дела, молодежь всех национальностей приняла активное участие с самого начала движение (1861 — 62). Но скоро движение приостановилось. Преследование конституционного движения и студенчества, арест и ссылка Михайлова, арест Чернышевского и закрытие «Современника», надвигавшаяся и вскоре разразившаяся польская революция... все это разом отбросило в реакцию либералов поколения отцов, и мы молодое поколение, принуждены были замкнуться в тайные, изолированные кружки. Мы пережили тогда не только враждебность к нам либералов, но даже с нашим идолом Герценом возникли недоразумения, и в довершение всех бед, Бакунин, увлеченный польской революцией, а потом итальянским движением, совершенно оставил русские дела. Вплоть до лета 1868 года, в кружках Москвы и Петербурга регулярных сношений с эмиграцией не было.

Уйдя в «подполье», молодое народничество не только оставалось верно выше приведенным призывам и заветам, но действительно начало сближаться с рабочими, заводя артели (Москва, Саратов, Харьков, Нижний), при чем интеллигенция, женщины и мужчины, сами работали, чтобы вести пропаганду. Московская группа, известная под именем Каракозовцев, была особенно активна, имея связи с Петербургом, с Поволжием и во внутренних губерниях.

Вот в этот начальный период (1864 — 65) и стало вырабатываться воззрение, столь скандализировавшее либералов, и за которое так нападали на не причастного Бакунина,

только одобrivшего, спустя пять лет, воззрение, по которому убежденному и последовательному социалисту-народнику нельзя заедать чужого хлеба, жить жизнью привилегированного общества на труде обездоленного крестьянства. Какая разница с точки зрения производителя между нами, только болтающими о грядущем, и нашими отцами, жившими трудом крепостных? — Никакой, был ответ. Одинаково социальные паразиты. Выход из этого положения представляется двоякий: либо, отказавшись от всех привилегий, уехать в С.-Штаты, в страну Линкольна и великой демократии, и там зажить трудовую жизнью свободного гражданина; либо же в самой России слиться с жизнью производителя, т. е., с народом, и повести в нем пропаганду социализма и революции. На такое дело достаточно и образования среднего с начитанностью по социализму, по истории революционных движений и современной борьбы рабочего класса во Франции и в Англии.

Но всего этого «казенная» наука наших университетов не дает. Побросаем их. К черту «казенную» науку.

Вот за это отрицание казенной науки и за решение идти на практическую работу пропагандиста социальной революции народившееся народничество и крестили прозвищами нигилистов, невежд и проч. Либеральным болтунам, нападавшим на нас, часто даже, будто бы, ради социализма, которого мы, народники, по их словам, не понимали да и народ не поймет, мы отвечали почти дословно[5] следующее:

Проповедь социальной справедливости необходима в теории только для людей из привилегированных классов, а для народа эта справедливость является в конкретных и в близких ему требованиях. Самый забитый и безграмотный мужик благословит нас

за отмену солдатчины,

за отмену податей,

за изгнание полиции и бюрократии всех видов,

за передачу земли народу,

за даровое и научно-ремесленное воспитание его детей,

за даровую медицинскую помощь во всех видах.

Так думала и говорила молодежь конца шестидесятых годов. Легко теперь понять, с какою радостью приветствовали мы программу Бакунина и весь первый номер его журнала «Народное Дело» (1868). Получив один экземпляр в Петербурге, мы целый месяц сентябрь переписывали и распространяли его; рассылали в Москву и в провинцию. Мы нашли, наконец, в печати ясно сформулированными наши мысли наши заветные стремления.

Отсюда и вновь расцветшая широкая популярность Бакунина, единственного из поколения отцов, ставшего на защиту революционного народничества и хождения в народ. Он стал властителем дум, он вдохновил на великий подвиг самое героическое поколение Росси — поколение семидесятых годов. В этом его бессмертная историческая заслуга.

Теперь, по обнаружении переписки Бакунина с Герценом, мы знаем что его выступление в 1868 году было не случайное, а глубоко продуманный акт убежденного революционера. Оказывается, что, совершенно отрезанный от русского движения, поглощенный социалистической пропагандой в Италии, в сотрудничестве с Фанелли, Фрисчия и других, он, по отрывочным сведениям, по отдельным фактам, угадывал настоящий характер движения, так называемого нигилизма, от которого даже смелый, блестящий и проницательный Герцен готов был отворотиться.

В замечательном письме к Герцену и Огареву, помеченном 19 июля 1866, Ischia, он между прочим писал:

«Согласный с вами в том, что для успеха дела надо огородить его от всего постороннего и лишнего и предаться ему исключительно, я занимался только им и абстрагировал себя от всего прочего. Таким образом, я разошелся с вами, если не в цели, так в методе — а вы знаете: *la forme entraine toujours le fond avec elle...* Ваш настоящий путь мне стал непонятен, полемизировать с вами мне не хотелось, а согласиться не мог. «Я просто не понимаю ваших писем к Государю, ни цели, ни пользы, — вижу в них, напротив, тот вред, что они могут породить в неопытных умах мысль, что от государства вообще, и особенно от Всероссийского Государства и от представляющего его правительства и государя можно ожидать еще чего-нибудь доброго для народа. По моему убеждению, напротив, делая пакости, гадости зло, они делают свое дело...

„Пестель смело провозглашал разрушение Империи, вольную федерацию и социальную революцию. Он был смелее вас, потому что не оробел перед яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородных, но слепых членов северной организации. Вы же испугались и отступились перед искусственным, подкупленным воплем московских и петербургских журналистов, поддерживаемых гнусною массою плантаторов и нравственно обанкротившимся большинством учеников Белинского и Грановского твоих учеников, Герцен, большинством старой гуманно-эстетизирующей братии, книжный идеализм, которой не выдержал, увы, напора грязной, казенной русской действительности. Ты оказался слаб, Герцен, перед этой изменой, которую твой светлый проницательный, строго-логический ум непременно предвидел бы, если б не затемнила его сердечная слабость. Ты до сих пор не можешь справиться с нею, забыться, утешиться. В твоём голосе слышится до сих пор оскорбленная, раздраженная грусть... ты все говоришь с ними, усовещиваешь их, точно также как усовещиваешь Императора, вместо того, чтоб плюнуть один раз навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись к ней спиной, обратиться к публике новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и с волею дела. Таким образом ты от излишней нежности к своим многогрешным старикам изменяешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для них, и утешая себя мыслью, «что худшее время мы пережили и что скоро на ваш звон снова явятся блудные дети ваши с седыми волосами и совсем без волос из патриотического стада»... (1-го декабря, Стр. 1710), а ты до тех пор, «ради успеха практической пропаганды», обрекаешь себя на трудную, неблагоприятную обязанность «быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагом вперед, и никогда двумя». Я право не понимаю, что значит идти одним шагом впереди перед поклонниками Каткова, Скарятин, Муравьева, — даже перед сторонниками Милютиных, Самариных, Аксаковых? Мне кажется, что между тобой или ими разница не

только количественная, но качественная, что между вами ничего общего нет и быть не должно. Они, прежде всего, оставив в стороне их личные и сословные интересы, могущество которых тянет их, впрочем, неотразимо в противный нам лагерь, — они патриоты государственники, ты социалист, поэтому, ради последовательности, должен быть врагом вообще всякого государства, несовместного с действительным, вольным, широким развитием социальных интересов народов. Они, кроме себя и своих интересов, готовы пожертвовать всем человечеством, и правдою, и правом, и волею и благосостоянием народа для поддержания, для подкрепления и для расширения государственной силы, — ты, как искренний социалист, без сомнения готов жертвовать и жизнью и состоянием для разрушения того же самого государства, существование которого несовместимо ни с волею, ни с благосостоянием народа...

«Вы помните, я и тогда не верил[6], чтобы из среды дворянского сословия могла, подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавие. Вспомните наши споры против Л — а. Как часто мы против него вместе отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытых семинаристов и нигилистов, эту единственную свежую силу вне народа. Однако, тогда было еще в дворянстве громкое движущее меньшинство — тверское дворянство шло впереди, требуя уравнивания всех прав и земского собора. Огарев сочинил даже проэкт дворянского адреса к царю. Дворянство еще не успело выказать всей таившейся в нем подлости. То было время нелепых надежд... Мы все говорили, писали в виду возможности земского собора... и делали, я, по крайней мере, делал уступки не по содержанию, а в форме, чтобы только не помешать, в сущности невозможному, созванию земского собора. Каюсь и вполне сознаю, что никогда не следовало отступать ни содержанием, ни формой от определенной и ясной социально революционной программы. Знаю, вам ненавистно слово «революция», но что ж делать, друзья, без революции ни для вас, ни для кого нет ни шагу вперед. Вы во имя вящей практичности составили себе невозможную теорию о перевороте социальном без политического переворота, теория столь же невозможная в настоящее время, как революция политическая без социальной; оба переворота идут рука об руку и в сущности составляют одно...

„Мне кажется, что со времени основания московского государства, после убийства народной жизни в Новгороде и в Киеве, после подавления Стеньки Разинского и Пугачевского бунта, в нашем несчастном и опозоренном отечестве правильна и действительна только одна реакция; — то что в истории других европейских стран было только перемежающимся фактом, то у нас составляет факт непрерывный и беспрерывный: то есть, отрицание всего человеческого, жизни, права, воли каждого человека и целых народов, во имя и в единую пользу государства. Разве восторжествовавшее царство штыка и кнута и покорение всякой народной жизни под ним не есть правильная, действительная, необходимая и вместе с тем самая страшная реакция, когда либо существовавшая в мире?...

«Думаю, что первая обязанность нас русских изгнанцев, принужденных жить и действовать за границей, — это провозглашать громко необходимость разрушения этой гнусной империи. Это должно быть первым словом нашей программы. Такое провозглашение было бы непрактично, скажете вы... Против нас подымется всероссийская помещичья, литературная, официальная буря. Будут ругать, — тем лучше; теперь о нас все замолчали и обернулись к нам спиною, — тем хуже. Царь перестанет читать твои письма, — беды нет,

ты перестанешь писать их, — выигрыш ясный. Старые лысые друзья от тебя окончательно оттолкнутся и потеряется всякая надежда на их исправление, — чтож, разве ты действительно веришь, Герцен, в возможность и в пользу их исправления? Мне кажется, что между тобою и ими, даже в лучшее время, существовало всегда большое недоразумение...

«Вы приняли литературно-помещичий вопль за выражение народного чувства и оробели — оттуда перемена фронта, кокетничание с лысыми друзьями-изменниками и новые послания к Государю... и статьи в роде 1-го Мая нынешнего года, — статьи, которой я ни за что в мире не согласился бы подписать; ни за что в мире я не бросил бы в Каракозова камня и не назвал бы его печатно «фанатиком или озлобленным человеком из дворян», в то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно — и литературно-чиновничья Русь его ругает и ругая его, надеется выслужиться перед царем и начальством, — в то время, как в Москве и в Петербурге наши лысые друзья с восторгом говорят; «ну, уж Михаил Николаевич его пытнет», и когда он выносит все Муравьевские истязания с изумительным мужеством. Ни в каком случае, мы здесь не правы судить его, ничего не зная о нем, ни о причинах, побудивших его к известному поступку. Я также, как и ты, не ожидаю ни малейшей пользы от царевбийсгва в России, готов даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая, в пользу царя временную реакцию, но не удивляюсь, отнюдь, что не все разделяют это мнение и что под тягостью настоящего, невыносимого, говорят, положения, нашелся человек менее философски развитой, но за то и более энергичный, чем мы, который, подумал, что гордиев узел можно разрезать одним ударом, и я искренно уважаю его за то, что он подумал так, и совершил свое дело. Не смотря на теоретический промах его, мы не можем отказать ему в своем уважении и должны признать его «нашим» перед гнусной толпой лакействующих царепоклонников...

«В чем же должно состоять новое направление? А прежде всего определите к кому вы должны обращаться? Где ваша публика? Народ не читает, следовательно, вам действовать прямо на народ из-заграницы невозможно. Вы должны руководить тех, которых своими практическими уступками и своим обращением, то к правительству, то к лысым друзьям-изменникам систематически от себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться от всякого притязания, надежды и намерения влиять на настоящий ход дел, на государя, на правительство. Там вас никто не слушает, пожалуй, над вами смеются; там все знают, куда они идут и чего им надо; знают также, что Всероссийское государство кроме петербургских целей и средств, другими существовать не может. Обращаясь к этому миру, вы только теряете драгоценное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой, в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в Базаровых, в нигилистах — в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля. Только не кормите их полусветом, полуистиною, недомолвками. Да встаньте опять на кафедру и, отказавшись от мни-мой и, право, бессмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о том, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она от вас не отстанет и в случае, нужды, когда вы будете уставать, подтолкнет вас вперед. Эта публика сильна, молода, энергична, — ей надо полного света и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповедуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но, давайте ей всю истину, дабы она при свете этой истины могла бы узнать, куда идти и куда вести народ. Развяжите себя, освободите себя от старческой боязни и от старческих соображений, от всех фланговых движений, от тактики и от практики»...

Осенью 1867 г. Бакунин переселился в Швейцарию, где и провел последние годы своей жизни, проживая, то в Женеве и Вене, то в Локарно. Он приехал на конгресс Лиги Мира и Свободы. Лига была задумана радикальной и частью социально-революционной демократией с участием Гарибальди, Эдгарда Кине, Элизе Реклю, самого Бакунина и других знаменитостей того времени. Конгресс Лиги привлек внимание и симпатию передовой демократии всего мира: надеялись на всеобщее разоружение, на прогрессивное законодательство о труде и проч. Бакунин был избран в Комитет Лиги для окончательной выработки программы и устава. Печатаемое ниже «Мотивированное Предложение» (Федерализм, Социализм и Антитеологизм) было написано для второго конгресса Лиги в Берне, в 1868 г.

Одновременно с женевским конгрессом Лиги, в 1867 г., заседал в Лозанне второй конгресс Международной Ассоциации Рабочих (Интернационал). Единогласным решением конгресс постановил послать Лиге адрес симпатии и солидарности с выражением готовности содействия ей в деле уничтожения постоянных армий, водворения постоянного мира и освобождения рабочих классов. Делегаты Интернационала Оджер, Кремер, Джемс Гильом, Цезарь де Пап и другие были в восторге от речи Бакунина, выступившего, согласно выше приведенной выдержке из письма к Герцену, «чистым социалистом». Да и сам великий сын народа и воин свободы, Гарибальди, принимая делегатов Интернационала, провозгласил: «Война всем трем тираниям — политической, религиозной и социальной. Ваши принципы, господа, тоже и мои». Казалось, что радикальная демократия, по крайней мере передовое меньшинство, пойдет рука в руку с рабочим классом и Лига Мира и Свободы будет в братском союзе с Интернационалом.

Но уже на следующем конгрессе Лиги в Берне (1868) Бакунин и социалистическое меньшинство были вынуждены покинуть ее. Между покинувшими были: Элизе Реклю, Шарль Келлер[7], Аристид Рей, Жаклар, Фанелли, Фрисchia, Николай Жуковский и другие. Они немедленно основали L'Alliance Internationale de la democratic socialiste. Декларацию принципов нового общества написал Бакунин. Декларация эта, почти дословно, появилась одновременно и по-русски, в виде программы журнала „Народное Дело», которую читатель найдет в конце этого тома. Организаторы Аллианса, люди прекрасной политической репутации, не замедлили объединить, особенно во Франции, в Испании и в Италии, ряд замечательных молодых социалистов революционеров.

Бакунин, лично уже вступивший в Интернационал, предложил Генеральному Совету последнего принять и весь Аллианс в целом составе и с его собственной программой. Генеральный Совет предложил разпустить Аллианс, а членов его, отдельно каждого, согласился принять в Ассоциацию. Став членами Интернационала, Бакунин и его друзья, а особенно Фанелли и Фрисchia, проявили большую активность пропагандистов и организаторов. За короткое время возникли секции и федерации в Италии и в Испании, А в Швейцарии сам Бакунин был неутомим: читал лекции, участвовал в изданиях Интернационала, вел обширную переписку, не пропускал собраний рабочих. Его пропаганда социализма безгосударственного, основанного на свободной ассоциации и на добровольной федерации, встретила горячую симпатию среди самых образованных, талантливых и энергичных интернационалистов. Варлен, Реклю, Малой, Пенди, де Пап, Робен, Брисме, Джемс Гильом, Швицгебель, Перон, Келлер... словом, все те, кто прославились докладами и

дебатами на конгрессах и в Парижской Коммуне 1871 г., были с Бакуниным.

Но успех Бакунина и его друзей с безгосударственным социализмом, встревожил государственников, особенно немцев с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом-отцом во главе. Хотя немцев в Интернационале было мало, тем не менее случилось так, что генеральный совет великой ассоциации, заседавший в Лондоне, очутился в руках немцев, собственно говоря, Маркса и Энгельса и нескольких малообразованных стариков, немецких рабочих, уцелевших от 1848 года, и послушных орудий в руках Маркса и Энгельса. Господа эти, как мы сейчас увидим, мечтали стать диктаторами международного движения и направить последнее на легальный парламентаризм. Естественно, Бакунин и его революционные друзья были им поперек ДОРОГИ. Стало настоятельной необходимостью отделаться от них, удалить их из Интернационала. Они и добились своего... Но какими возмутительными средствами и какою страшною ценою!.. Разбили великую ассоциацию и опозорили себя навсегда в глазах честных людей.

Как все это могло случиться? — А вот как: В 1862 г., на второй всемирной выставке в Лондоне, английские трэд-унионы устроили дружеский прием французским рабочим, приехавшим изучить выставку. На банкете 5 августа, англичане выразили желание установить постоянные сношения между рабочими различных стран. На это французы ответили предложением устроить комитеты для переписки с различными странами о нуждах рабочего класса. Все собрание единогласно приняло предложение французов.

В следующем, 1863 году, в Лондоне была организована большая международная манифестация симпатии польской революции. На митинге, в присутствии французских делегатов, Оджер, один из вожаков трэд-унионов, закончил свою речь о всеобщем мире предложением созыва международных конгрессов рабочих для борьбы с капиталом и для прекращения ввоза из одной страны в другую неорганизованных рабочих.

Первый шаг уже сделан. Второй и решительный был совершен и следующем, 1864 г., когда в Лондон приехали французские делегаты Лимузен, Перришон и Толен уже с определенным планом организации Интернационала. На митинге в Сен-Мартине Гол, на который, по четырнадцати пригласительным письмам секретаря Германа Юнга[8] пришли, между прочими, овенист Вестон, радикальный профессор Эдуард Бизли (председатель митинга) и Карл Маркс. В ответном адресе, Толен, от имени французов, прочитал:

„Рабочие всех стран, желающие быть свободными, настало время созывать ваши конгрессы! На-род вновь выступает на сцену с сознанием своей мощи против тирании в политике, против монополии и привилегии в строе экономическом... Нам рабочим всех стран, надобно, об'единиться...»

Митинг принял эти слова с восторгом и резолюция гласила:

„Выслушав наших братьев французов... принимаем их программу, полезную в деле улучшения условий жизни рабочих классов, и берем ее за основание Интернациональной организации...»

Митинг выбрал комитет для выработки статута; проект которых был предложен французами, Маркс присутствовал зрителем, «молча», как он сам писал Энгельсу.

Так создалась великая Международная Ассоциация Рабочих (Интернационал). Английские и французские рабочие его задумали в 1862 г., в 1863 г. они сделали первый шаг, а в 1864 г. основали его без участия кого бы то ни было из буржуазии. Вся честь создания великого исторического братства народов целиком принадлежит рабочим Англии и Франции. «Интернационал — дитя парижских мастерских, отданное на кормление грудью в Лондон»[9]. Ни немцам, ни Марксу там места не было. А как только, на гибель Интернационала, они вмешались, пошла тайная вражда, клевета, интриги.

В письме к Энгельсу, сам Маркс говорит, что был приглашен на митинг, был простым зрителем и молчал. Деятели, творцами организации были англичане Оджер, Кремер, Лукрафт и французы Толен, Лимузен, Перрашон. В том же письме Маркс очень хвалит и тех и других. «Толен очень хорош; его товарищи тоже прекрасные люди». А впоследствии, когда Интернационал быстро стал во Франции двигательной революционной силой и лучшие его организаторы и ораторы были заключены по тюрьмам, интригующий Маркс не нарадуется их осуждению. «К счастью, писал он своему достойному другу Энгельсу, наши старые знакомые в Париже все под замком». Это язык сыщика и прокурора. Относительно англичан, основателей Интернационала, он был не менее враждебен. Оджер, Кремер, Лукрафт, Поттер и другие честные рабочие пригласили Маркса в члены генерального совета и с полным доверием честных людей передали ему, «старому другу» рабочего класса, все дела и связи. Однако они скоро заметили, что Маркс и Энгельс систематически их оттирают и стремятся стать диктаторами. Что Оджер и друзья не ошибались, тому доказательство в письме Маркса к Энгельсу, от 11 сентября 1868 г., когда Интернационал достиг своей апогеи, а во Франции надвигалась республиканская революция.

«Грядущая революция», писал он, которая, быть может, «ближе, чем то кажется, и Мы (то есть, Я и Ты) будем иметь в наших руках это могущественное орудие... паршивые свиньи между трэд-унионами...» Оджер, Кремер и Поттер нам завидуют в

Лондоне... Нет, эти честные люди не завидовали

Марксу и Энгельсу, а заметив их диктаторские интриги, стали отстраняться и, к несчастью, оставили все дело великой ассоциации в руках бесчестных интриганов.

Готовясь к диктатуре, считая Интернационал в своих руках, мог ли Маркс терпеть присутствие умных, образованных, энергичных и красноречивых деятелей в Интернационале? Да еще, в добавок, автономистов, федералистов и анархистов!... Конечно, нет. Особенно Бакунин, с его мировой репутацией революционного героя, швейцарец Джемс Гильом, неутомимый писатель, конференционалист, владеющий лучше самих Маркса и Энгельса древними и новыми европейскими языками, особенно эти двое стояли поперек их дороги к до дикости нелепой цели диктатуры над мировым движением пролетариата. Против них была организована настоящая кампания клеветы, конечно, тайной, под сурдинкой.

Правда, Маркс торжественно обвинял Бакунина в невежестве за его требование уничтожения права на наследство. «Старая ветошь сенсимонизма», объявлял Маркс. Но он забыл, что в его пресловутом Коммунистическом Манифесте, переведенном Бакуниным на русский язык, это самое требование красуется третьим среди девяти пунктов о монополии государства и организации государственной армии труда, особенно для обработки полей по общему плану. Откуда такая забывчивость? Не потому-ли забыл Маркс об этом пункте, что Манифест его и Энгельса не их произведение, а бесстыдный литературный плагиат Манифеста Виктора Консидерана[10] „Principes du Socialisms — Manifeste de la Democratic au XIX siele»? Даже и этим нельзя объяснить забывчивость, потому что именно пункты о монополиях и о наследстве их собственное измышление, которое они повторили в прокламации (1848 г.) к немецкому народу („Ограничение права наследства», пункт 14).

Кроме этого вздорного и крайне недобросовестного принципиального обвинения, Маркс не приводил ни одного. Даже об отрицании государства не упомянуто. Оно и понятно: тогда социализм не был еще превращен немцами в империализм, в казарму и в общественное рабство. Даже гораздо позже, в 1891 г., играя в популярность, Энгельс писал языком анархистов, говоря, что «в социалистическом обществе государство вместе с прялкой будет сдано в музей».

Но ежели у Маркса не имелось против Бакунина аргументов научных, он обладал неиссякаемым запасом злобы и клеветы. Чего только не возводил он на Бакунина, а, кстати и на Герцена... Вот образчик честности гражданина Маркса:

„Бакунин, который с того времени, как он захотел выдавать себя за руководителя европейского рабочего движения, облыжно отзывался о своем друге и покровителе Герцене, сейчас же после его смерти принялся громко его восхвалять. Почему? Герцен, несмотря на то, что он сам был богатым человеком, получал ежегодно 25,000 рублей на пропаганду от дружественной ему псевдо социалистической панславистской партии в России, Благодаря громким славословиям Бакунина эти деньги перешли к нему, и он таким образом в денежном и моральном отношении *sine beneficio inventarii* вступил во владение «наследством Герцена» — *malgre sa haine de lheritage*».

И эту гнусную клевету на двух лучших людей русской, да и общечеловеческой свободной, революционной мысли, Маркс написал на бумаге главного Совета Интернационала, усугубляя злостную клевету международным подлогом. Спрашивается, откуда Маркс мог почерпнуть подобные гнусности? Да ниоткуда; сам выдумал. Ведь печатал же он раньше, что Герцен получал деньги от Наполеона III, что Бакунин был тайным агентом русского правительства. Да разве только относительно Герцена и Бакунина Маркс был недобросовестен? А в науке? Ведь присвоил же себе прибавочную стоимость Томсона, книгу которого он раньше цитировал против Прудона; присвоил же из книги Бюре[11] историю рабочего законодательства при Эдуарде и Елизавете английских; присвоил же концентрацию капитала; а его друг и сотрудник всей жизни Энгельс так уж и всю книгу Бюре себе присвоил; да кстати и закон минимума заработной платы Тюрго присвоил. Таким людям источников не требуется.

Мы с отвращением остановились на клеветах Маркса и его сподвижников и последователей против Бакунина и Герцена. Мы вынуждены к этому нескончаемым количеством убогих листов и брошюр, повторяющих на русском языке всю безнравственную пошлость патентованных плагиаторов и клеветников. Подумайте только, нашелся русский переводчик книги Иекка, в которой о Бакунине сказано нечто такое, что к лицу рабу кейзера, но что недостойно честного человека, а тем паче русского, мало-мальски знакомого с родной литературой. Ведь переводчик и распространитель клеветы сам становится клеветником.

Были и другие причины для клеветы на Бакунина и Герцена. В 1848 г., когда Маркс и Энгельс напечатали первую клевету, Бакунин защищал права, немцами угнетенных, славян, а клеветники защищали немецкое угнетение, отрицали автономные права тех же славян. Это первое. А вот и второе. Согласно пониманию сороковых годов, социальная демократия была синонимом республики, социализма и революции. Французская *Democratie socialiste* Ледрю Роллена, Луи Блана, Флокона и Бланки и совершила Февральскую Революцию, и комиссию социальных реформ учредили под председательством Луи Блана и рабочего механика Альбера. Да и немцы того времени, подражая французам, понимали демократию социальной как республиканскую, что ясно видно из прокламации к немецкому народу (март 1848) подписанную Марксом, Энгельсом, Вольфом и другими, провозглашавшую Германию республикой. А в 1868 — 73 вплоть до наших дней немцы, с Марксом, Энгельсом и Либкнехтом во главе, преднамеренно и систематически стали вместо революции пропагандировать эволюцию производственных отношений, легализм и парламентаризм; о республике и поминать забыли; а вместо социальной солидарности равноправных и свободных членов коммун и ассоциации стали пропагандировать организацию армии труда «особенно для земледелия с обработкой полей по общему плану»... по всей империи, вероятно, так как, социаль-демократия, партия имперская, а не прусская или саксонская. А Бакунин, как видно из ниже печатаемых статей, а особенно из „Бог и Государство», звал рабочих и народ к революции для разрушения не только империи, но и всякого государства, и не легальным парламентаризмом, а бунтом, революцией.

Последней каплею, переполнившей чашу злобы и ненависти, была франко-прусская война 1870 г.

Маркс и Энгельс, как в наши трагические дни общеевропейской войны кайзер, Гинденбург, Зюдекум и прочие, об'явили, что Бисмарк и Мольтке, разоряя и выжигая французскую территорию, избивая невооруженных крестьян, женщин и детей, вели войну оборонительную!

„Со стороны немцев эта война оборонительная» — „Французов следует высечь» (*Die Franzosen brauchen Prugel*) — „С победой Пруссии централизуется власть государства, что будет полезно для централизации немецкого рабочего класса». — Они до того увлеклись благотельностью прусских побед, что 31 июля Энгельс писал Марксу: „Первую серьезную победу одержали мы»... (т. е. Мольтке, Вердер, Бисмарк и Энгельс с Марксом). Раз они стали отождествлять свое дело с варварством пруссаго милитаризма, они не задумались и посодействовать Пруссии. В письме от 7 сентября 1870[12] Энгельс писал Марксу, что следовало бы, от имени Генерального Совета, уговорить „Интернационал во Франции воздержаться до заключения мира»... „Ежели возможно повлиять в Париже, следует

помешать рабочим вмешиваться до заключения мира» — повторяет он в письме от 12 числа. И это, когда Париж осажден озверевшей ордой убийц и грабителей. Подобный совет осажденным у честных людей называется советом предательства и измены. А Маркс, под влиянием Энгельса, выпустил от имени Генерального Совета Интернационала, воззвание, приглашавшее рабочих, не немецких и французских вместе, а только французских, не братья за оружие, не защищать своих близких и свою независимость. Вот документ (он помечен 9 сентября 1870 г.):

„Il ne faut pas que les ouvriers français se laissent entraîner par les souvenirs de 1792, comme les „paysans français se sont laissés précédemment duper „par les souvenirs du premier» („Французским рабочим не следует увлекаться воспоминаниями 1792 г., „подобно французским крестьянам, поддавшимся „перед этим обманчивым воспоминанием первой „империи»).

Так говорили, писали и действовали клеветники. А что писал и делал в этот трагический момент оклеветанный Бакунин?

23 августа, он писал социалистам в Лион:

„Ежели французский народ не восстанет поголовно, пруссаки возьмут Париж... Повсюду народ должен взяться за оружие, должен сам организовать свои силы для войны против вторгнувшихся немцев, для войны разрушительной, войны на ножах... Если вы желаете спасти Францию от рабства, разорения, нищеты на целых пятьдесят лет, вы должны совершить, то, перед чем поблекнул бы патриотический порыв 1792... Дело Франции стало делом человечества. Борясь, становясь патриотами, мы спасем свободу человечества... О, если бы я был молод, не письма бы вам писал, а был бы среди вас»!

Спустя девять дней (2 сентября) Бакунин писал следующие строки:

„Вторгнись во Францию армия пролетариев английских, бельгийских, немецких, испанских, итальянских с развевающимся знаменем социализма революционного и возвещая миру окончательное освобождение труда, я бы первый крикнул французским рабочим: „Раскройте объятия, это братья ваши, соединяйтесь с ними, чтобы вымести гниющие остатки буржуазного строя». Но вторжение, позорящее ныне Францию, недемократическое и не социалистическое, а нашествие аристократии, монархии, солдатчины. Пятьсот или шестьсот тысяч немецких солдат топят в крови Францию. Они покорные подданные, они рабы деспота, кичащегося своим „божественным» правом... они самые страшные враги пролетариата. Принимая их мирно, оставаясь безучастным к этому нашествию немецкого деспотизма, аристократии и милитаризма на Францию, французские рабочие предали бы не только свою свободу, свое достоинство, свое благосостояние и малейшую надежду на лучшее будущее, они предали бы также и дело пролетариата всего мира, святое дело социализма революционного». Бакунин до того страдал от разгрома Франции и торжества немецкого, мнимо культурного варварства, что не мог усидеть в Локарно и в сентябре месяце, с согласия друзей, поехал в Лион, где и принял активное участие в неудавшейся попытке учреждения революционной коммуны[13]. Глубоко огорченный лионскими событиями, а также и настроением населения Марселя, куда он проехал из Лиона, Бакунин

занес в свою рукопись следующие прекрасные строки, полные глубокой скорби и поразительно ясного понимания событий того времени и гибельных для демократии последствий немецких побед:

«Я не француз», читаем мы на стр. 154, IV тома[14], «но, признаюсь, глубоко возмущен всеми оскорблениями, наносимыми Франции, и прихожу в отчаяние от ее несчастий. Я горько оплакиваю несчастье этого симпатичного, великого и великодушного национального характера, этого лучезарного французского ума, выработанного, и развитого историей, как будто, для эманципации человечества. Я оплакиваю молчание, которое может быть наложено на мощный голос Франции, возвестивший всем страждущим и угнетенным свободу, равенство, братство и справедливость. И мне кажется, что ежели великое солнце Франции померкнет, затмение наступит повсюду, и какие бы разноцветные фонари ни зажгли резонерствующие немецкие ученые им не удастся заменить простую и великую ясность, распространяемую на весь мир французским гением.

«В тоже время, я убежден, что поражение и подчинение Франции, и торжество Германии, поработанной пруссаками, отбросит Европу во мрак, в нищету, в рабство минувших веков, Я до того убежден в этом, что мне представляется как священная обязанность для всякого, кто любит свободу, кто желает торжества человечества над зверством, какой бы национальности он ни был — англичанин, испанец, итальянец, поляк, русский и даже немец — он обязан принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения германского деспотизма».

Пророческие слова! Победа Германии в 1870 г. привела Европу к настоящей варварской войне, перед которой блекнут все зверства Ксерксов и Аттил, Тамерланов и Османов. Эти герои крови и пожаров были невинные младенцы перед бешеным кейзером и перед его Гинденбургам...

Бакунин с отчаянием и с болью в сердце предвидел надвигавшийся позор европейской цивилизации, но и он, наверно, не мог вообразить и сотой доли кровавых ужасов, совершенных ныне немцами в Бельгии, во Франции и в Польше.

Из приведенных цитат видно вполне ясно, что Бакунин и Маркс были два антипода в политике, в социализме, в Интернационале и в частной жизни. Вражда между ними — вражда двух мировоззрений, двух различных натур и характеров. Характер Бакунина очерчен Герценом в одной фразе:

„В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан».

Маркс отталкивался от него, но не как простой чопорный мешанин, а как немецкий патриот и враг французской республиканской и революционной демократии. Он не мог простить Бакунину и его талантливым друзьям, особенно Джемсу Гильому, их защиту Франции против немецких орд кейзера, королей и принцев. Он искал случая отомстить им, и случай скоро представился на Гаагском конгрессе Интернационала в 1872 г., на который делегатов настоящих, выборных приехало очень мало. Зато была многочисленная делегация по

бланкам, привезенным, по просьбе Маркса, другом его Зорге из Нью-Йорка. Бланки были розданы друзьям Маркса, даже, не членам Интернационала, как например, Молтману

Бери, агенту английских консерваторов.

Настоящие члены основатели, напр., Герман Юнг, возмущенные этой черной кабалой, отказались ехать, хотя Маркс с Энгельсом два раза приходили в мастерскую Юнга, уговаривали ехать на конгресс, предлагали денег на дорогу и на расходы. Конгресс все же состоялся и подобранное большинство в Гааге изгнало из Интернационала Бакунина и Джемса Гильома. Немцы торжествовали. Но на следующем конгрессе, 1873 г. в Женеве, настоящими делегатами от федерации Английской, Бельгийской, Голландской, Испанской, Итальянской, Французской и Швейцарской (знаменитая Юрская Федерация) гаагские решения были отвергнуты, Генеральный Совет уничтожен и пунктом 3 пересмотренных статутах Интернационала было установлено, что —

«Федерации и секции Ассоциации вполне автономны, т. е. организуются и ведут свои дела согласно их собственным решениям, без всякого постороннего вмешательства, а равно сами выбирают направление и приемы деятельности, ведущей к освобождению труда».

Таким образом, настоящий Интернационал осудил людей, злоупотребивших доверием рабочих классов и тайком стремившихся содействовать победам немецкого деспотизма над демократической, республикой, только что провозглашенной во Франции. Казалось, Бакунину было дано полное удовлетворение и он мог торжествовать победу. Но поражение Франции, разгром Коммуны, самый скандал и распадение Интернационала глубоко огорчили Бакунина.

Ему исполнилось 58 лет. Годы тюрьмы в цепях сказались в преждевременной старости могучего организма «исполина с львиной головой». Порок сердца все усиливался. Он уединился в Локарно, и последние четыре года своей жизни провел за работой над большей частью, ныне изданных по-французски, его произведений,

Первого июля 1876 г. Бакунина не стало. Он умер в госпитале в Берне, на руках своих старых друзей Рейхеля и Адольфа Фогта.

На похороны его явились представители социалистов пяти национальностей. Вечером того же дня они собрались на митинг и приняли следующую резолюцию:

«Рабочие пяти национальностей, собравшиеся в Берне на похороны Михаила Бакунина, будучи одни сторонниками рабочего государства, другие — свободной Федерации обществ производителей, полагают, что примирение между ними было бы не только очень полезно и весьма желательно, но и легко осуществимо на почве принципов, формулированных в пункте 3 статутах Интернационала, пересмотренных конгрессом 1873 г. в Женеве».

Этот призыв к единению борцов за освобождение труда остается самым лучшим венком, возложенным на могилу Бакунина.

В. Черкезов.

4 октября 1915.

[1] Республиканские французские журналы конца 40-х годов.

[2] См. статью Габриеля Моно в «La Revue», 15 мая 1907.

[3] В анархическом журнале «La Revolte» в приложениях 25 ноября и 2 декабря 1893 г. Приведено у Драгоманова и у Балашева.

[4] Самая поразительная нелепость у Драгоманова — печатание возмутительного Катехизиса Нечаева среди писем и статей Бакунина под предлогом, что дикие измышления несчастного и мало образованного Нечаева напоминают Бакунина!

[5] Любимая аргументация Ишутина.

[6] В 1862 г.

[7] Автор известной песни Интернационала „Ouvrier, prends la machine, prends la terre paysan!»

[8] Юнг часовщик, швейцарец прекрасно говоривший по-английски, по-французски и по-немецки, был с самого начала другом-товарищем и переводчиком между англичанами и французами.

[9] Знаменитая фраза учителя француза Бибаль: „Un enfant ne dans les ateliers de Paris et mis en nourrice a Londres».

[10] Плагиат Манифеста В. Консидерана Марксом и Энгельсом теперь вполне установлен. Это признал знаменитый литературный критик Георг Брандес в „Berliner Tageblatt» 19 августа 1913 г.; итальянский соц.-демократ Лабриола, и даже сам Каутский принужден признать, что „без сомнения все эти идеи (alle diese Ideen) содержатся в Манифесте Консидерана („Die neue Zeit», 1906, стр. 697);

[11] Eugene Buret. „De la Misere des classes laborieuses en Angleterre et en France». Paris 1840.

[12] Значит, после провозглашения республики во Франции, после 4 сентября.

[13] В этом очерке мы не можем останавливаться на отдельных эпизодах жизни М. А. Бакунина. Подробный рассказ о восстаниях в Дрездене, Праге, Лионе, о попытке в Болонье, о Коммуне в Картагене, и вообще об испанских движениях начала семидесятых годов потребовал бы большой многотомный труд, подобный труду Д-ра Неттлау. По той же причине мы не коснулись фактической стороны участия Бакунина в жизни и деятельности русской революционной молодежи. (В последующих томах, объясняя значение и повод издания отдельных произведений, мы постараемся пополнить фактическую сторону.)

[14] CEuvres, tome IV. Paris, 1910. Издание под редакцией Джемса Гильома.

Неттлау Макс. «Исповедь» Бакунина царю Николаю I (1851 г.)

1922, источник: [здесь](#).

Передо мной лежит полный русский текст т. наз. „Исповеди“ Бакунина царю Николаю I, изд. В. Полонским для „Исторического Архива“ в Государственной типографии, Москва, 1921 г., 92 страницы, Эта книга, насколько мне известно, не переводилась и вывоз ее из России для анархиста и с целью беспристрастного исторического изучения кажется трудным, если не невозможным. Необходим полный перевод и, насколько я знаю, готовится немецкое издание. Наряду с этим была бы полезна исчерпывающая сводка и перевод обрывков, что я и начинаю делать в журналах некоторых стран. Я очень сожалею, что подробное обсуждение длинного текста, основанного на исторической и документальной очевидности, заглохнет в ограниченном кругу читателей „Freedom“-а и истощит их терпение, как не специалистов по истории революции и анархизма. И если в том, что я скажу ниже, я могу показаться некоторым безапелляционным, то это не от самонадеянности и пренебрежения к доказательствам, а от вышеуказанных причин, мешающих подробному историческому разбору предмета этой статьи.

Я с удовольствием отмечаю, что очень немногое в „Исповеди“ поразило или удивило меня, и что мне нечего вычеркнуть из моей защиты в „Humanità Nova“ (написанной в октябре 1921 г.) и в „Freedom“ (декабрь 1921 г.). Эти статьи разбивали клеветы, взведенные на Бакунина статьей в берлинском „Форуме“ экс-анархиста Кибальчича и другими статьями, порожденными предыдущей. С тех пор было напечатано („Bulletin Communiste“, 22 декабря 1921 г.) во-первых, что Кибальчич написал свою статью в ноябре 1920 года, не зная „Исповеди“, основываясь лишь на выводах и устных доводах, — во вторых, что перевод „Форума“ дает искаженный текст — все это выражения друга Кибальчича, коммуниста Бориса Суварина, — и что этот замечательный текст появился даже без ведома Кибальчича, который, месяцев шесть спустя, когда ему дали почувствовать презрение, вызванное его статьей, напечатал правильный текст в „Bulletin Communiste“ 22-го декабря. На этих небрежных и неряшливых произведениях преследователи Бакунина основывали свою травлю, простиравшуюся от итальянских журналов до нью-йоркского „Call“ и переползавшую из одного коммунистического журнала в другой. Но вернемся к предмету, к полному подлинному тексту, в тщательном издании, с отметками на полях императора Николая I, для рассмотрения которого была сделана специальная копия „Исповеди“.

Когда после шести суток, проведенных в революционной буре почти без сна, в продолжении которых он один сохранил ясное сознание и настаивал на борьбе до горького конца, Бакунин был арестован, его собственная судьба была ему безразлична и он ожидал быстрого решения суда. Длинный процесс тогда окончился смертным приговором, замененным пожизненным заключением. Затем все дело возобновилось вторично, на этот раз в ужасных австрийских подземельях. Переправа в Россию, казалось, означала падение еще ниже и всякая надежда была потеряна. И тут случилось неожиданное: в России, с первого момента, с ним обращаются очень прилично, как с знатным государственным преступником и тогда император потребовал его „Исповедь“.

Подобный поступок был самый великодушный, какой мог исходить от этого гордого тирана; с восставшим подданным он говорил не языком, основанном на монарших или судебных прерогативах, а на притворном равенства перед „Богом“ и личном доверии и благоволении, словом, на том, что характеризует отношения между исповедником и кающимся грешником.

Мы видим из документа, что Бакунин не отверг этого единственного шанса изложить свое дело перед Николаем, который, как ему (Бакунину) было известно, был предубежден против него не только за его несомненные революционные выступления, но и многими наветами и ложью. Один из молодых русских товарищей Бакунина (А. Росс) двадцать лет спустя вспоминает, что Бакунин говорил ему, как под влиянием так сложившихся обстоятельств надежда и желание жить и снова стать свободным овладели им и заставили его с этой минуты готовить свое освобождение; исключительно этому стремлению и подчинялся текст „Исповеди“ и все его поведение в течение десяти долгих лет. Это вытекает из лежащего перед нами документа. Но ясно также из того же источника, что Бакунин решил выиграть свободу достойными средствами. Он мог получить ее в любое время полной выдачей, о чем он никогда не мыслил. Он намеревался провести тирана — хозяина своей судьбы — более тонким способом, умалив свое собственное значение; и в то же время беря на себя полную ответственность за то, что он сделал и когда-либо намеревался сделать. Я удивляюсь, как не видел этого Николай, ибо Бакунин говорит ему именно то, что хочет сказать, часто очень смело, и тонкий налет постоянно допускаемой личной преступности, греха, безумия, раскаяния не должны бы никого обмануть. Не должен также шокировать покорный тон некоторых мест письма, ибо известно, что царь и не посмотрел бы на документ, где бы отсутствовала такая форма. С другой стороны, Бакунин иногда шутит и выставляет в глупом виде царя, например, когда он дает очень интимное описание некоторых известных революционеров, и затем говорит: „Я не говорил бы Вам, Царь, обо всем этом, не называл бы имен этих лиц, если бы не знал, что все они в безопасности в Америке“. В общем он хотел провести царя видимой искренностью, говоря правду, но далеко не всю правду, и проиграл ставку, так как характер Николая оказался мельче, чем он ожидал, именно, в следующем: Бакунин подчеркнул в начале „Исповеди“, что он принимает гуманное предложение царя и скажет правду, но только в том, что касается его лично. Он не нарушит оказанного ему доверия, не будет предателем по отношению к своим друзьям; из полного крушения он вынес в целости только свою честь и предпочтет быть в глазах царя величайшим преступником, чем низким негодяем.

Николай I, однако, оказался не джентельменом, и написал: „Этим уже он уничтожает всякое доверие. Если он чувствует всю тяжесть своих грехов, то исповедью может считаться лишь

абсолютное, полное признание, но не условное“. Другими словами, он думал найти кающегося предателя и был разочарован. Вероятно уже по прочтении 2-ой страницы он решил предоставить Бакунина его судьбе, бессрочному одиночному заключению, что и сделал. Хорошо ли упрекать Бакунина в том, что он не предвидел абсолютного ничтожества царя и не воздержался от письма к нему? Я думаю, что он был волен делать то, что он считал лучшим, и что только „unctuous righteousness“ найдет его поступок неправильным.

В зависимости от этого в содержании „Исповеди“ не все одинаково ценно в смысле историческом и биографическом. Местами Бакунин дает живое и смелое описание, как например, когда говорит о первых неделях заграничного революционного энтузиазма после февральской Парижской революции 1848 г., или когда останавливается на отчете о русском нестроении, чиновничьем воровстве — неизбежных при подавляемом общественном мнении. Он тщательно анализирует свой собственный ум и подробно разворачивает революционные планы — русской революции и славянского восстания, начавшегося серьезной революцией в Богемии (1849). Ему доставляет удовольствие вновь разрабатывать эти схемы, существовавшие только в его голове, и в взвешивании их шансов. Временами он вспоминает свое настоящее положение и бросает царю несколько слов о грехах, неразумности и прочее, являющимися только подыгрыванием, для поддержания видимости „исповеди“. Но тем, кто знает биографический материал, ясно, с другой стороны, как много вещей он молчаливо обходит, или умаляет в значении, чтобы показать их царю в несовершенном виде; короче — он принимает все меры к тому, как мне ясно, чтобы не повредить ни лицам, ни идеям. Он ходатайствует за тех, кто в тюрьме и берет на себя большую часть их вины; он говорит свободно о тех, кто за пределами досягаемости для правительств материка; действительно, его собственное описание „Исповеди“ в письме к Герцену (1860) как произведения в роде *Warheit und Dichtung* (согласно Гётевскому заглавию своей биографии — Истина и Вымысел) вполне справедливо.

Те, для кого, как и для нас всех, за исключением товарищей, находящихся сейчас в России, полный текст был недоступен, упирают на тот факт, что Бакунин в 1851 г. не был объявленным анархистом и склонны приписать то, что нам кажется в документе странным, чтобы не сказать отвратительным — его неразвитости в тот период в смысле социализма и анархизма. По-моему, это ошибка. Из документов, его собственных писем начиная с 19-летнего возраста, мы знаем, что он всегда стремился к самому лучшему, к высшей ступени совершенствования как для себя, так и для всех окружающих, любимых им людей, для всего человечества. Слова „Абсолютная свобода и абсолютная любовь — вот наша цель; эмансипация человечества и всего мира — вот наша задача“ — эти слова были написаны им в возрасте 21-го года (10 августа 1836 г.); неважно, что воспитанием и окружающим он был наведен на искание способов осуществить эти стремления сперва в религии, затем в высшей философии, и что он научился Радикализму и Социализму лишь в 1842 г., вернее, что не ранее 1842 г. окончательно была потрясена его глубокая вера в правильность философии. С этого времени до 1848 г. он имел полную возможность изучать все передовые идеи в Германии, Швейцарии, Бельгии и Франции. Он был в тесном интеллектуальном контакте, часто в близких дружеских отношениях с лучшими из представителей Социализма и Рационализма на материке, как Руге, Herwegh, Вейтлинг, Маркс, Луи Блан, Консидеран, Ламенне, Прудон и многие другие. Следовательно, очевидно он знал все ходы, выходы и крайние границы, которых социализм и анархизм тогда достигли, может быть лучше, чем

кто-либо в то время. Единственно чего он не сделал, это не принял определенной стороны, руководящей партии или лица; он не был ни марксистом, ни прудонистом; всякое одностороннее развитие казалось ему несовершенным. По моему мнению, он искал синтеза „абсолютной свободы и абсолютной любви“ (1836), который могут дать объединенный анархизм и социализм и который был руководящей идеей его коллективистического анархизма „sixties“, как и современного анархизма. Он слишком долго был слепым поклонником одной группы идей — идей Фихте, Гегеля, и он не повторял этой ошибки после 1848 г., но с этого времени решал сам для себя и выбирал лучшее. Итак поверить, что в 1851 г. он был неразвит или безразличен в этом отношении значило бы ошибиться.

Что было в то время неразвито более всего — это социалистическая тактика, потому что сами рабочие не двигались; чартистское движение не имело отклика на материке; все ограничивалось несколькими пропагандистскими группами и конспиративными центрами. Этим объясняется, почему свободно обсуждалась тогда идея диктаторства, имевшая в виду прежде всего доброжелательное воспитание, как противоположность реакционной косности и парламентарной бесплодности, так как сами рабочие не двигались. Следовательно Бакунин не был убежденным сторонником власти (authoritarian), так как он употребил бы это как средство за недостатком других; точно также это начальное положение вещей в самом младенчестве движения не может быть аргументом в наши времена, а те, кто употребляют его, как аргумент, допускают, что по их мнению, рабочие, как в 1922, так и в 1848 г. — дети, нуждающиеся в помочах. Но тогда пусть они открыто признаются в этом.

Есть другая причина некрасивых мест „Исповеди“ — это национализм, черствый, грубый национализм. Это заставило Бакунина в 1848 году забыть западную демократию и погрузиться с головой в схемы славянской федерации, требующей войн. Он начал с того, что перенес в эти схемы свои идеи свободы и социальной солидарности, но его идеалистический национализм был бессилен против практического национализма. Отсюда, вразрез, конечно, со своими собственными идеями, так сильно высказываемыми им раньше, одиночество и националистическая злоба и отчаяние за бездействие самих славян заставили его написать воззвание к царю Николаю I, с раскаянием в прошлых грехах, с просьбой о прощении и с мольбой к царю о защите всех притесняемых славян, о том, чтобы он стал их спасителем и отцом и поднял бы славянское знамя на западе Европы к смущению германцев и всех других угнетателей славян. Он не кончил этого письма и сжег его (июнь-июль 1848 г.). Это показывает, куда логически ведет национализм даже лучших людей; он привел Бакунина, по крайней мере по духу и намерениям, в объятия Николая I; он привел других в 1914 г. в объятия Николая II; и если будет какой-нибудь Николай III, другие, одержимые этим демоном национализма, попадут и в его объятия*. Не стану больше говорить на эту тему; я чувствую, что бакунинская „Исповедь“ — самый могучий предостерегающий вопль против национализма, который когда-либо раздавался. Он не был свободен от этой националистической крайности, заглушающей его лучшие чувства до 1864 г., когда в нем возбудило надежду международное рабочее движение, которое тогда началось.

„Исповедь“ осталась без ответа, хотя она затронула националистические чувства царя, и она означает, повторяю, не недостаток, не предательство Бакунина, а есть логический

вывод националистического мировоззрения. Другие ходатайствовали таким образом перед Наполеоном III, Бисмарком, или „человеком на улице“ в Лондоне. Это совершенно аналогично; национализм сильных осуществляется тотчас же как империализм, национализм малых и слабых передается сильнейшему как дополнение и поддерживается им как орудие, если это выгодно для сильнейшего.

Бакунин в конце „Исповеди“ усиленно восставал против мук одиночного заключения, которому он подвергался уже два года, и просил другого наказания, как бы оно ни было строго. Этот на редкость общественный человек, который всегда жил в широких и дружеских кругах, должен был просидеть в одиночной тюрьме пять с половиной долгих лет, пока его здоровье не разрушилось и он был на границе самоубийства. Тогда его старуха мать просила за него царя Александра II: ей было отказано, но князь Горчаков намекнул ей, что царь снизойдет к личной просьбе, написанной самим Бакуниным. Итак, каприз царя ставил перед заключенным альтернативу — безнадежное пребывание в одиночном заключении до смерти, или просьба: он выбрал последнее. Мелочность этого царя характеризуется тем фактом, что Бакунину пришлось употребить в десять раз больше покорных фраз, чем в 1851 году в обращении к внушавшему всем трепет самому Николаю I. Он выдержал эту церемонию и сделал трогательное и памятное описание мук медленной смерти от одиночного заключения (14 февраля 1857 г.).

Пять дней спустя царь написал: „Не вижу другого пути для него, как поселение в Сибири“ и он был сослан в Томск (Западная Сибирь), потом в Иркутск (южная Сибирь, 1859 г.), откуда летом 1861 года он наконец бежал через Японию и Америку в Лондон (декабрь 1862 г.).

Эти заметки должны быть достаточными, чтобы предостеречь товарищей против других статей типа статьи Кибальчича, а также против нежелательного и потрясающего впечатления, которое текст или перевод „Исповеди“ 1851 г. и письма к Александру II 1857 г. произведет на читателя, знакомого с позднейшими бакунинскими произведениями и идеями и не изучавшего истории его ранней жизни, известной тем не менее по бесчисленным источникам, хотя об ней очень мало писалось по-английски. Быть справедливым, и рассуждать на основании серьезных исторических данных — вот все, что требуется, и тогда также и эта исповедь встретит полное понимание, как человеческий документ действительности и фантазии, смелости и хитрости — порождение их середины, что и не могло быть иначе.

22 марта 1922 г. М. Неттлау.

Кропоткин о Бакунине

Июнь 1905, источник: [здесь](#), газета "Хлеб и Воля", "Дело Труда". Эта статья П. А. Кропоткина была напечатана в первый раз в нашем женевском «Хлеб и Воля», в июльском номере 1905 года, посвященном почти целиком памяти Бакунина. - Редакция "Дело Труда"

Старик Бакунин нередко говорил, что значение событий изменяется не столько их непосредственными результатами, сколько их косвенными последствиями, которые всегда бывают гораздо важнее первых.

Точно также, говоря о Бакунине, следует оценивать его значение не столько по тому, что он сделал лично, сколько по влиянию, которое он оказывал на окружающих его людей – на их мысли и на их деятельность.

Его литературное наследие не велико. «Государственность и анархия», «Историческое развитие Интернационала», «Бог и Государство»[1] – вот три написанные им небольшие книги. Остальное – «Кнута-Германская Империя», «Письма к Французу о текущем кризисе», «Политическая теология Мадзини и Интернационал», «Бернские медведи...» и др., – все это брошюры, написанные по данному вопросу минуты. Даже вышеназванные три книги имеют такое же происхождение. Бакунин садился с целью написать брошюру в ответ на вопрос дня. Но его брошюра разрасталась в книгу, потому что при его глубоком понимании истории, и с его громадным запасом знания современных событий, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что он и его друзья – а его друзья были Герцен, Огарев, Мадзини, Ледрю-Роллен и все лучшие люди и деятели революционного периода сороковых годов в Европе – передумали об этих, пережитых ими, драмах, надеждах, разочарованиях; если вспомнить все, что они пережили во время полного надежд 1848-го года и последовавшей затем реакции, – легко понять, как мысли, образы, доводы, подчерпнутые из знания жизни, должны были рыться в голове Бакунина, и почему его философско-исторически я воззрения так щедро пересыпаны фактами и суждениями из современной действительности.

Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмечала поворотную точку в истории революционной мысли в Европе. Его речь на конгрессе «Мира и Свободы»[2] была вызовом, брошенным всем радикалам Европы. Бакунин объявлял в ней, что эпоха радикализма сороковых годов закончена и наступает новая фаза революционной жизни — эра рабочего социализма; что рядом с вопросом о политической свободе встает вопрос об экономической независимости, и этот вопрос будет впредь преобладать в истории.

Его брошюра, обращенная к мадзинистам[3], возвещает конец чисто политической революционной конспирации ради национального освобождения и начало социалистической революции, а также конец сантиментального социалистического христианства, и начало

атеистического коммунистического реализма в истории. Письмо Герцену об Интернационале и базаровском реализме имеет тот же смысл для России.

«Бернские Медведи и Петербургский Медведь» – прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма к Французу», написанные во время войны 1870-71 года, составляют отходную гамбеттовскому радикализму и возвешение той новой эры, которую вскоре открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею луи-блановского государственного социализма и возвестившая новую идею городского, коммунального коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территории и начинающая у себя социальную революцию – вот что рекомендовал он в этих «Письмах» против немецкого вторжения.

«Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция» – брошюра, которую так ненавидят немецкие социал-демократы — пророческий крик старого революционера, понявшего уже тогда (1871) весь ужас реакции, которая охватит Европу, на целые 30-40 лет вследствие торжества Бисмарковского военного государства, а с ним вместе – и государственного социализма, которого крестным отцом, в Германии был тот же Бисмарк. Она вместе с тем означала крутой поворот в сторону безгосударственного коммунизма – анархии – в латинских странах.

Наконец, «Государственность и Анархия», «Историческое развитие Интернационала» и «Бог и Государство» – несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, так как писались ради злобы дня – содержат для вдумчивого читателя больше политической мысли и больше философского понимания истории, чем масса трактатов, университетских и социал-государственных, в которых отсутствие мысли прикрывается туманной, неясной, а, следовательно, непродуманной диалектикой. В них нет готовых рецептов. Люди, ждущие от книги разрешения всех своих сомнений, без собственной работы мысли не найдут этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слепо за автором, а смотреть на книгу как на материал для размышления – как на умную беседу, вызывающую в вас умственную работу, – тогда горячие, местами беспорядочные, а местами блестящие обобщения Бакунина помогут вашему революционному развитию несравненно больше, чем все вышеупомянутые трактаты, написанные с целью уверить вас, что вы годны только для повиновения и должны слепо идти за автором – в вашей мысли, и за главарем – в вашей деятельности.

Впрочем, главная сила Бакунина была не в его писаниях. Она была в его личном влиянии на людей. Он сделал Белинского тем, чем он стал для России: типом неподкупного революционера, социалиста и нигилиста, который воплотился впоследствии в нашей чудной молодежи 1870-х годов. Он возродил его. «Ты мой духовный отец», писал ему сам Белинский. А какой громадной силой был Белинский для русского развития – мы знаем.

В Париже, в 1847 году (в этом году его изгнали) и в Германии в 1848 году, но влияние на лучших людей своего времени было громадно. Бернард Шоу рассказывает в полушутливой форме (The perfect Wagnerite), что в своем Зигфриде, не знающем страха и увлекающем своей любовью Брунгильду, Вагнер воплотил Бакунина. Он воплотил, конечно, не Бакунина в частности, а смелого, дерзкого революционера вообще. Но нет сомнений, что и на

Вагнера, как и на Жорж Занд, и на Герцена с Огаревым, и на весь кружок социалистической Франции, живший тогда в Париже, и на молодую Германию, и на Молодую Италию, и на Молодую Швецию, Бакунин оказал в свое время громадное влияние. – «К нему нельзя было подойти, не заразившись его революционной горячкой», говорили о нем его современники.

Таким же оказался он когда, бежавши в 1862 году из Сибири, он появился снова среди своих друзей в Лондоне. Герцен, как известно, описал его появление в Лондоне и слегка подсмеивался над тем, как Бакунин пропагандировал всяких славян. Весьма возможно, и, наверное, так и было, что Бакунин часто возлагал больше надежд на подходивших к нему людей, чем они того заслуживали. – Но разве того же нельзя сказать о Мадзини, о всяком искреннем революционере? Оттого, может быть, он и обладал такой магической силой, что верил в человека, верил и то, что великое дело, к которому он его приобщал, пробудит в человеке то, что в нем есть лучшего. И оно, действительно, пробуждало, и под влиянием Бакунина человек давал революции в короткое время все лучшее, на что был способен.

Герцен рассказывает в шутливом тоне, как Бакунин пропагандировал и посылал людей на дело. Но правда ли, что он, действительно, так ошибался в людях? Разве люди, которых он вдохновлял в Италии, в Швейцарии, во Франции, разве Варлеи, Элизе Реклю, Кафиеро, Малатеста, Фанелли (его Эмиссар в Испании), Гильом, Швицгебель и т. д., сгруппировавшиеся вокруг него в знаменитой Alliance, не были лучшие люди латинских рас в эту великую эпоху? Мне кажется, что его оценка людей была, наоборот, поразительно верна. Прочтите, например, то, что он писал о Нечаеве, которого и сильные и слабые стороны он определил так поразительно верно, что мы теперь ничего не можем прибавить к его оценке. Кто же лучше его понял Николая Утина[4] этого женевского божка марксистов?

– Еще одно. Всего поразительнее, и всего поучительнее для нас – высокий нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокруг Бакунина в Западной Европе. Я не знал Бакунина, но я знал близко большую часть людей, сгруппировавшихся в интернационале вокруг него, и поэтому так неумолимо преследовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смело утверждаю, в лицо их ненавистникам, что каждый из вышеназванных мной деятелей федеративного Интернационала представлял собой крупную нравственную личность. История, я знаю, подтвердит эту характеристику, и, конечно, выскажет при этом сожаление, что в среде их противников по крайней мере в лице их главных руководителей – был, может быть, ум, но нравственные качества не достигали такой же высоты и твердости, как среди названных мной друзей Бакунина.

Что касается, наконец, значения деятельности Бакунина в Интернационале, то я охарактеризовал роль «бакунистов», говоря в моих записках о Юрской Федерации.

И эпоху, когда разгром Франции, избиение парижских пролетариев после Коммуны и военное торжество Немецкой Империи открыли период реакции, продолжающейся поныне, и когда Маркс, со своими друзьями с помощью подпольных интриг, захотел обратить всю деятельность рабочего Интернационала, созданного для прямой борьбы с капитализмом, в орудие парламентской агитации на пользу обуржуазившихся социалистов – «бывших людей», тогда федеративный Интернационал, вдохновляемый Бакуниным, выступил единственным в то время оплотом против обще-европейской реакции.

Ему мы обязаны в значительной мере тем, что в латинских странах остался живым революционный дух, который нашел в рабочих латинских массах новую живую силу, чтобы бороться с резким поворотом налево кругом среди некогда радикальной буржуазии.

И среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страх, без всякой поддержки со стороны буржуев, войну всему старому миру, – в этой среде развился, наконец, современный анархический коммунизм, с его идеалом равенства экономического и политического, и его смелым отрицанием всякой эксплуатации человека человеком.

Таковы заслуги Бакунина в истории.

Примечания

[1] Произведение Бакунина, которое является лишь частью второго выпуска «Кнута-Германской Империи и Социальной Революции», то есть продолжение «исторических софизмов доктринерской школы немецких коммунистов». Неточности названий, которые возникли из-за того, что труды Бакунина не были переведены на русский, были исправлены.

[2] Эти речи можно прочитать в полном объеме в «Историческом развитии Интернационала», а также в «Федерализм, Социализм и Антитеология».

[3] Про это также можно узнать в «Ответ одного интернационалиста Мадзини» – статье, которая начинается с основного текста «Политической теологии...». «Политическая теология...» еще не переведена на русский язык.

[4] Смотреть сочинение Бакунина «Интриги господина Утина» 1871 г.

Рябов Петр. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю

2011, источник: [здесь](#).

Михаил Александрович Бакунин и Альбер Камю... Эти два имени не случайно соседствуют здесь. Оба эти мыслителя, жившие в разных странах и в разные столетия, сделали категорию «бунта» одним из основополагающих понятий своих оригинальных учений о человеке. Но если у Бакунина встречаются лишь отдельные, не приведенные в систему мысли о бунте, то у Камю бунт становится важнейшей категорией.

По мнению Михаила Бакунина, бунт является одним из трех важнейших признаков «всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории», наряду с человеческой животностью и мыслью. Именно через бунт рождается личность, творчество, свобода, происходит вочеловечивание человека. Бунт, таким образом, является важнейшим и специфически человеческим качеством. Но что понимает Бакунин под словом «бунт» и против чего этот бунт направлен?

Вопреки распространенному стереотипу, Бакунин, этот пламенный бунтарь, понимает под бунтом отнюдь не тотальное отрицание, не безграничное разрушение. В своих произведениях он настойчиво указывает на границы бунта и на его относительность. По его убеждению, невозможен и лишен всякого смысла бунт абсолютный, бунт против Природы как мирового целого или против «второй природы» — Общества. Вне Природы и Общества для Бакунина ничего не существует, нет ничего сверхъестественного, и за их рамки выйти человеку не дано. Природа и Общество в целом — это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру. Но против данной природы и данного общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания — значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы. Невозможно как тотальное отрицание Природы и Общества, так и абсолютное принятие данной природы и данного общества. Познавая себя и законы, управляющие природой, обществом и им самим, человек одновременно частично освобождается от гнета этих законов, расширяет зону своей автономии,

преодолевают сковывающие его узы в окружающем мире и в себе самом. Поэтому понятно, что огромное значение в человеческом бунте принадлежит мысли и науке, при помощи которых человек выделяется из окружающего мира и как бы «присваивает себе», по выражению Бакунина, законы, управляющие этим миром. В процессе этого бунта, пишет Бакунин, человек «добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и... ига авторитарно установленной социальной организации». Рассматриваемое под этим углом зрения развитие как отдельной личности, так и всего человечества в целом, есть бунт — бунт, опирающийся на исходные условия среды и одновременно отрицающий их. В такой трактовке бунта не как абсолютного и одноразового акта, но как процесса, сочетающего в себе моменты отрицания и созидания, очень ярко проявилась виртуозная диалектика Бакунина, нашедшая свое воплощение в его известном девизе: «Дух отрицающий есть дух созидающий, страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Переходя от общеполитического рассмотрения бунта к его конкретным формам, Бакунин останавливается на таких видах бунта, как бунт человека против внешней природы (понимаемой в узком смысле слова); против своей собственной внутренней природы — точнее, против элемента «животности» в ней, вытесняемого растущей свободой, отождествляемой им с человечностью; бунт против Бога как сакральной основы любой идеальной и реальной тирании; бунт против любого внешнего авторитета, навязываемого личности извне и воплощаемого прежде всего в Государстве. Неоднозначным является отношение Бакунина к бунту личности против общества. В тех случаях, когда общество влияет на личность благотворно, способствуя развития мысли и свободы, бунт, конечно же, не нужен. В тех случаях, когда общество давит и порабощает личность, развращает ее, бунт человека против общества в котором он живет, становится необходимым, как условие его духовного самосохранения. Бакунин подчеркивает, что Государство, всегда воздействующее на человека грубо, извне, насильственно, как бы само провоцирует на бунт против себя, и этот бунт многократно легче, нежели бунт человека против общества — предшествующего ему, окружающего его, незаметно и естественно формирующего индивида по своему образу и подобию. В таком случае, говорит Бакунин, «человек должен, по крайней мере отчасти, восстать против себя самого, ибо со всеми своими материальными, интеллектуальными и моральными задатками и стремлениями он сам есть лишь продукт общества».

В целом, говоря о понятии «бунта» у Бакунина, надо отметить его многогранность и неоднозначность в учении великого русского анархиста. Эта категория трактуется Бакуниным в разных местах его работ под несколько различными углами зрения, с разной степенью обобщения. С одной стороны, Михаил Александрович рассматривает «бунт» предельно широко, как синоним свободы и человечности, как неотъемлемый признак и элемент человеческого существования, как процесс развития человека, одновременно и вырастающего из почвы Природы и Общества, и связанного с этой почвой, и отрицающего, преобразующего ее. Надо добавить, что на эти мысли наложила отпечаток идея линейного прогресса природы и общества, являющаяся общим местом для большинства мыслителей XIX века. С другой стороны, он трактует категорию «бунта» более узко, как лишь частный момент свободы, один из ее компонентов, причем компонент сугубо отрицательный, не исчерпывающий всего ее содержания. Наконец, нередко в произведениях Бакунина речь

идет о конкретных формах бунта против конкретных же форм и явлений природы и общества — против божественного, государственного или общественного авторитета, против внешней бесчеловечной природы и внутренней животности человека. Как я уже отметил, Бакунин не систематизировал свои мысли о бунте, и приведенный здесь их обзор является несколько упрощенной, но в целом адекватной их реконструкцией.

Эти мысли о бунте для Бакунина принципиально важны, ибо позволили ему утвердить в мире, связанном жесткой закономерностью, человеческое начало, служа своеобразным гуманистическим противовесом исповедуемому им всеобщему детерминизму. Хотя эти мысли и не были развиты Бакуниным, но можно без преувеличения утверждать, что в учении о бунте Михаил Александрович почти на столетие опередил свое время и явился предшественником экзистенциальной философии бунта Альбера Камю.

Камю пытается найти ответ на великий вопрос, со всей остротой поставленный перед человеком современной эпохой: что мне делать и можно ли жить, если Бога нет, мир не имеет смысла, а я смертен? Для Камю абсурд, изначальная дочеловеческая и внечеловеческая бессмысленность мироздания, есть стихия человеческого существования, и поэтому достойным ответом человека на этот абсурд как раз и является непрерывный, безнадежный и героический бунт. Знать о своей смерти, не убегая от этого горького знания, и тем не менее жить, вносить в бессмысленный мир свой человеческий смысл — это уже означает «бунтовать». В таком бунте рождаются все человеческие ценности: смысл, свобода, творчество, солидарность. По Камю, абсурд начинает иметь смысл, когда с ним не соглашаются. Бунт изначально обречен на поражение, ибо смертен и отдельный человек, и человечество в целом. Именно в бунте человек — единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, — утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Тем самым категория «бунт» из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования.

Бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором — не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству.

Альбер Камю подробно рассматривает все тупики и искушения этой «вселенной бунта», богато иллюстрируя свои рассуждения литературными, историческими, философскими примерами.

Осознав абсурд мира, человек может испугаться, отвернуться, бежать в миражи, либо, напротив, уйти из жизни, как Кириллов в «Бесах» Достоевского. И в том, и в другом случае — самоубийство, распад личности и человеческой реальности. Напротив, жить, не питая иллюзий, вносить в мир смысл, преобразовывать вселенную, совершая подвиг Сизифа — это

путь, достойный человека. И на этом пути личность проходит от изначального одиночества и потери всяческих ориентиров — к гуманистической солидарности свободных людей, отрицающих и самоубийство и убийство других людей. Ведь личность немыслима вне человечества, и все люди объединены одним общим бременем — бременем знания и свободы. Бунтующему человеку не нужны ни рабы, ни господа — ему нужны такие же свободные люди. Такие люди не стремятся раствориться в объективном мире, не ищут утешения в кумирах Прогресса, Науки или в исторических мифах, — они свободны и ответственны, они честно несут свою тяжелую ношу по жизни, не предавая человеческий удел. Отрицая богов и вечность, они утверждают свое время, свое настоящее, единственное, трепетное, неповторимое, в конечном счете, — самих себя.

Бунтуя, человек не убегает из мира, и не принимает его полностью, но преобразует его и тем самым вочеловечивается сам. Рассматривая дороги и перепутья «вселенной бунта», Камю, в частности, показывает, что в политике тотальное отрицание ведет к тому же рабству и диктатуре, что и тотальное принятие существующего порядка: прометеи превращаются в цезарей, сверхчеловеки начинают нуждаться в рабах.

Яркий и показательный пример бунта — искусство. Камю пишет: «Искусство не есть ни тотальный отказ, ни тотальное согласие с тем, что есть». Искусство — и отказ, и согласие одновременно. Ибо тотальное отрицание в искусстве ведет к чистому формализму, к отрыву и уходу от мира, а тотальное принятие — к чистому «фотографическому реализму»: и то, и другое абсолютно бесплодно, тогда как истинный художник и принимает мир, используя его материал для своих творений, и переделывает его, накладывая на косное вещество мироздания неповторимый отпечаток своего стиля.

Так, на многочисленных примерах, Камю показывает эти Сциллы и Харибды бунта, прокладывая ориентиры для трагической, но свободной и мыслящей личности, солидарной с другими такими же личностями — для Человека Бунтующего.

Философия бунта Камю — выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека. Но еще задолго до Камю в середине XIX века многие глубокие прозрения и интуиции, предваряющие его философию бунта, были высказаны русским анархистом М.А.Бакуниным. Эта философия Бунта, честная и человеческая, помогает человеку живущему в нашем жестоком, растерянном и абсурдном мире, найти прочную опору. Но эта опора — не удобные и унижительные костыли для жалкого инвалида, это — оружие сопротивления, вкладываемое в руки бойца, сражающегося в окопах современности.

Рябов Петр. Личность Михаила Бакунина и особенности его философии

2020, источник: [здесь](#)

Михаил Александрович Бакунин (1814-1876), по нашему убеждению, является центральной фигурой в истории анархической мысли и анархического движения, величайшим выразителем анархического миросозерцания в теории и на практике, ближе всех других мыслителей подошедшим к формулированию основ анархического мировоззрения.

Во-первых, Бакунин был глубоким мыслителем, одаренным философом, не очень систематически, но вполне определенно заложившим основы именно философии анархизма, как цельного мировоззрения, а не только программы действий или социологического учения.

Во-вторых, Бакунин был крупнейшим практиком революционного анархического движения: если до начала его анархической деятельности в Европе имелись лишь умеренно-реформистские прудонистские группы и несколько малоизвестных анархических групп и мыслителей, настроенных революционнее Прудона (Жозеф Дежак и Эрнст Кердеруа во Франции, Карло Писакане – в Италии), то Бакунин, по выражению Макса Неттлау,

“ «стал наполнять анархизм определенно социалистическим духом и революционной волей и пытался организовать активные силы, обратившись к социально-революционным инстинктам, дремавшим, по его мнению, в массах...»

Существенно переработав и систематизировав идеи П.Ж.Прудона, Бакунин инициировал появление мощного революционного движения под анархическими лозунгами по всей Европе.

В-третьих, наконец, в своей личности М.А.Бакунин, как никто до и после него, сумел выразить основной мотив анархизма – пафос бунта, святой и бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества.

Поэтому прежде, чем мы рассмотрим его воззрения на проблему личности, скажем несколько слов о личности самого великого бунтаря.

По сей день не только на уровне массового обыденного сознания, но и в сочинениях специалистов, образ Бакунина окутан пеленой мифов и стереотипов. Клевета и ложь преследовали Михаила Александровича еще при жизни. В чем только не обвиняли Бакунина! Его называли агентом царского правительства, «реакционным панславистом», русским барином-самодуром, махровым антисемитом, покорно «кающимся грешником», раболепствующим перед царем, организатором тайного заговора в Интернационале, нечаевцем, сторонником тотального разрушения и аморализма! Эти штампы заменяли реальное изучение практической и, особенно, теоретической деятельности М.А.Бакунина. Но, если практическая деятельность Бакунина представлена широкому читателю в вульгаризированном и окарикатуренном виде, то еще более неизвестна и неизучена его философская мысль. Не только большинство марксистских авторов, но и мыслители других направлений, например, такие разные, как Н.А.Бердяев или Альбер Камю, находятся в плену этих старых стереотипов и шаблонов. Так Н.А.Бердяев представляет в своих работах М.А.Бакунина как «огромное дитя», «русского фантазера, неспособного к методическому мышлению», всемирного разрушителя, апологета насилия и врага личной свободы. Альбер Камю почти отождествляет Бакунина с Нечаевым, представляя русского анархиста проповедником политического цинизма, панславизма и диктатуры:

“ «в горниле всеобщего отрицания он испепелил, в числе прочего, и моральные ценности»

Камю, подобно Бердяеву и многим другим авторам, рассматривает Бакунина как предтечу большевиков по части разрушения, насилия и жестокости:

“ «Бакунин, в такой же мере, что и его противник Маркс, способствовал выработке ленинского учения», – полагает Камю.

Но достаточно отойти от устоявшихся стереотипов и кинуть взгляд на жизнь Бакунина, перелистать написанное им, прислушаться к характеристикам, которые давали ему люди, близко его знавшие, чтобы совсем по иному оценить эту великую личность, эту «львиную натуру».

В.Г.Белинский в письме к Боткину писал о Бакунине:

«Это... человек в полном значении слова»

Герцен о Бакунине:

“ «Бакунин имел много недостатков. Но недостатки его были мелки, а сильные качества – крупны. Разве это одно не великое дело, что, брошенный куда б то ни было и схватив две-три черты окружающей среды, он отделял революционную струю и тотчас принимался вести ее далее, раздувать, делая ее страстным вопросом жизни?»

Александр Блок о Бакунине:

“ «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня... Мы, уже, наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее испепеляющего огня... Займем огня у Бакунина!»

И, наконец, сам М.А.Бакунин так характеризовал себя в «Исповеди»:

“ «В моей природе был всегда коренной недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывавшим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу. Люди обыкновенно ищут спокойствия и смотрят на него, как на высочайшее благо; меня же оно приводило в отчаяние; душа моя находилась в неусыпном волнении, требуя действия, движения и жизни»

Главное душевное качество «Мишеля» (так его называли и подростком в кругу семьи и стариком в кругу швейцарских рабочих), по его признанию, это –

“ «любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падало на других, чем на меня самого... Я считал священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни приходило, и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни»

Жизнь Бакунина похожа на легенду. В числе его друзей в России и за границей: Н.В.Станкевич, И.С.Тургенев, А.И.Герцен, В.Г.Белинский, П.Я.Чаадаев, Г.Гервег, Р.Вагнер, Ж.Занд, А.Мицкевич, П.Ж.Прудон, А.Руге, В.Вейтлинг. Его оппоненты: П.Л.Лавров, Дж.Мадзини, К.Маркс. Это Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида в его симфониях; это Бакунин был прототипом Рудина у Тургенева и Ставрогина у Достоевского.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах или в родном доме в селе Прямухино, затем – переход к практической жизни, к революционной деятельности – участие в революции 1848 г. в Париже (в феврале), призывы к общеславянскому восстанию, командование на баррикадах в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России (в том числе, казематы Петропавловки и Шлиссельбурга, где, в результате «человеколюбивого обращения», Бакунин лишился всех зубов и заболел цингой), фантастический побег из Сибири, содействие польскому восстанию 1863-1864 гг., работа в «Колоколе», активное участие в революционном движении в Италии, Испании, Швейцарии, России, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса, организация восстаний в Лионе и Болонье...

Революционная деятельность Бакунина не имела границ и была грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам, выступал в Швеции, направлял эмиссара – анархиста Дж.Фанелли в Испанию организовывать Интернационал, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику против Мадзини в Италии, где был создателем мощного анархического движения и инициатором восстания в Болонье, организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную работу с болгарами и сербами, финнами и чехами, неоднократно участвовал в русском революционном движении: сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-ых годов, участвовал (к несчастью для себя) в нечаевской пропаганде, был вдохновителем бакунистских кружков на юге России. Одно перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов, заняло бы много страниц. В конце жизни, исполненной тяжелейших материальных лишений, клеветы и поклепов со стороны врагов, после травли, организованной против него Генеральным Советом Интернационала, после поражения ряда восстаний, Парижской Коммуны и победы Бисмарка во франко-прусской войне (эта победа, как пророчески предвидел Бакунин, наряду с оппортунизацией части рабочего движения, предвещала длительное и повсеместное торжество реакции, бюрократии и милитаризма в Европе) – М.А.Бакунин не был морально сломлен, хотя он и отошел от практической революционной работы, а пессимистические настроения в его мировоззрении усилились.

М.А.Бакунин не был «непогрешимым рыцарем без страха и упрека». В своей бурной и поистине фантастической деятельности он допускал немало ошибок, которые могут быть поставлены ему в вину. Большинство из них связаны с его способностью чрезмерно увлекаться самому и увлекать других открывающимися перспективами, порой идеализируя эти перспективы и, по выражению Герцена, «путая второй месяц беременности с девятым». Бакунин нередко принимал желаемое за действительное, преувеличивал степень готовности масс к революции, испытывая порой чрезмерные иллюзии – то в отношении «революционного бюрократа» графа Муравьева-Амурского, то «царя-освободителя»

Александра II, то молодого поколения русских нигилистов, склонен был преувеличивать (обманывая себя самого и других) силы «Земли и Воли», а также силы «Комитета», будто бы стоящего за спиной С.Г.Нечаева, идеализировал «разбойный элемент» в русской жизни, допускал неразборчивые поступки – блефы и мистификации, чересчур увлекался конспиративно-заговорщической стороной революционной работы (не случайно он одно время был масоном) и так и не сумел создать свободного от противоречий и ошибок учения о революционной организации. Бакунин также, безусловно, несет свою долю моральной ответственности за действия С.Г.Нечаева [95] и за отдельные националистические (антинемецкие и антиеврейские) выпады в своих работах.

Все это отнюдь не украшает Михаила Александровича и диссонирует с его обликом беззаветного революционера, интернационалиста, бунтаря, борца за человеческую свободу и достоинство. Но – не ошибается только тот, кто ничего не делает, а Бакунин сумел в своей жизни сделать бесконечно много. Жизнь, борьба, революция были его подлинной стихией. Еще в письме к Георгу Гервегу в августе 1848 г. М.А.Бакунин писал:

“ «революция скорее инстинкт, и как инстинкт она дает свои первые битвы. Вот почему философы и политики, имеющие в кармане готовые системки и пытающиеся заковать в определенные формы и границы этот необъятный океан, – вот почему они также оказываются столь же глупыми и бессильными. В них нет ни капли этого инстинкта, и они боятся искупаться в волнах этого океана»

Сам Бакунин, как никто умел купаться в этом океане революции. По замечанию Алексея Борового:

“ «В этой работе – стимулирования революционной энергии, одушевления, – Бакунин не знал себе равных. Его революционаризм – неистощим, фантастичен и вместе глубоко реален, поскольку фантастична и реальна сама революция»

А П.А.Кропоткин, общавшийся со швейцарскими рабочими-анархистами, знавшими Бакунина, особо отмечает:

“ «Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета»

И это влияние достигалось «Мишелем» без всякого авторитаризма, – ибо он был глубоко либертарен и пронизан духом уважения к человеческой личности, прост и скромен до аскетизма и начисто лишен тех «генеральских» амбиций и тщеславия, которые, увы,

характерны для многих общественных деятелей.

Михаил Александрович Бакунин – человек-легенда: теоретик, практик, публицист, организатор, оратор, трибун, военный руководитель, герой, пророк и мученик – все в одном лице! Будучи величайшим знатоком философии Гегеля, Бакунин предпочел жизнь и борьбу философским абстракциям, сумел воплотить в жизнь то, что проповедовал на словах; и, если мы, говоря о Годвине и Штирнере, отметили разрыв между их жизнью и учением, то у Бакунина подобный разрыв полностью отсутствовал. Личность Бакунина представляла собой сплав огромной энергии, воли к жизни и борьбе, пророческого, проповеднического, ораторского и философского дара, способности зажигать людей и вести их за собой, личного обаяния, организаторских талантов, самоотверженности, искренности и бескорыстия. Наивность, порой проявляемая Бакуниным, его безудержные фантазии, были продолжением и следствием умения воодушевлять окружающих своей святой верой и энтузиазмом. Ни вечное безденежье, ни постоянные разочарования, ни гонения властей, ссылка и смертные приговоры, ни клевета врагов – ничто не могло сломить этого великого бунтаря.

“ «Бакунин был нравственным максималистом с головы до ног» – справедливо отметил Алексей Боровой.

Этот духовный максимализм, цельность натуры, чрезвычайно развитое воображение и могучая мысль сочетались в Бакунине с мощной интуицией, ярко выраженным профетическим (пророческим) началом, способностью проникать в сущность явлений и предвидеть далекие перспективы и события. Огромная жажда абсолютного, жажда жизни и действия логично привела Бакунина к анархизму, то есть к борьбе за полную свободу личности, абсолютно доверяющей жизненной стихии, к апологии бунта и творчества в действительной жизни, а не в философских абстракциях только. Всю жизнь Бакунин неутомимо проповедовал: в юности проповедовал религию человечества и любви своим родным и близким, затем проповедовал диалектику Гегеля – Белинскому, Вейтлингу и Прудону, позднее проповедовал идею революционного славянского единства перед делегатами славянского конгресса в Праге (1848) и идею революционного союза русских и поляков (1847-1848 и 1861-1864), наконец, – проповедовал анархизм швейцарским, итальянским, французским рабочим. Звать, вести, убеждать, полемизировать, обличать, пророчествовать, проповедовать – таково было призвание этого удивительного человека, величайшего из всех бывших доселе анархистов.

Воздействие Бакунина как личности, как пропагандиста и как мыслителя, было огромно. Крупнейшая советская исследовательница творчества и жизни Бакунина Н.М.Пирумова свидетельствует:

“ «В годы гражданской войны в России, в боях с фашизмом в Испании, да и в наши дни в разных странах мира искры этого костра («нераспылавшимся

костром» назвал Бакунина А.Блок – П.Р.) продолжали и продолжают зажигать сердца тех, кто склонен к подобному типу революционности»

Большинство секций Интернационала разделяло его идеи. Русское революционное движение (помимо собственно бакунистских групп) находилось под сильным влиянием Бакунина, у которого позаимствовало антиэтатизм, федерализм, либертарность и бунтарский, боевой дух. Наконец, анархо-синдикализм грани XIX-XX веков вырос из идей бакунинского «коллективизма».

Следуя нашей теме мы вынуждены оставить в стороне рассмотрение как биографии русского анархиста, так и его ранних взглядов, и непосредственно обратиться к его воззрениям 60-х-70-х годов, когда окончательно сложилось его анархическое мировоззрение. Обычно в исследованиях акцент делается на рассмотрении социального учения Бакунина и его практической программы; мы же, кратко охарактеризовав своеобразие его философии, отметив самое главное и характерное для нее, остановимся на том, что непосредственно относится к проблеме личности.

Особенности философии М.А.Бакунина

Н.М.Пирумова констатирует, что «философские воззрения Бакунина не привлекали, да и сейчас мало привлекают внимание исследователей» (295; 217). На наш взгляд, это связано как с господствующими стереотипными представлениями о Бакунине, как о человеке только «дела», но не слова, как с конъюнктурными соображениями (Бакунин всегда был «неудобен» для любой власти), так и со спецификой его литературного творчества.

«М.А.Бакунин является эпистолярным писателем по преимуществу» – подчеркивал Ю.М.Стеклов (26; Т.1, 7). Основная часть теоретического наследия Бакунина – в его письмах (порой, представляющих собой огромные трактаты), причем большинство этих писем, статей и других произведений Михаила Александровича, не собрано, не переведено и не издано на русском языке. Что же касается не эпистолярных произведений Бакунина, то важнейшими из них являются: «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и человеке», «Кнуто-германская империя и Социальная Революция», «Федерализм, социализм и антитеологизм», «Государственность и Анархия», «Бог и Государство», «Письма о патриотизме», «Исповедь», «Реакция в Германии», «Анархия по Прудону» (последняя книга написана совместно с Джемсом Гильомом).

В целом, по замечанию В.Ф.Пустарнакова, «по философским вопросам Бакунин писал сравнительно мало и несистематично» (см. 234; 532) – хотя это именно «сравнительно» – с его необъятной деловой революционной перепиской: философской проблематике уделены многие сотни страниц бакунинского наследия. Большинство сочинений Бакунина остались незаконченными, одни и те же мысли и темы буквально повторяются в различных произведениях по несколько раз. Почти все работы написаны по конкретным практическим поводам, причем Михаил Александрович начинал одну тему и быстро перескакивал на

другие, увлекался, писал второпях, страстно, всегда полемизируя и проповедуя. Бакунин (начиная с 40-ых годов) не имел ни времени, ни желания, ни предрасположенности к сугубо «академическим» научным занятиям, особенно не заботился о терминологической стройности и логической безупречности. Глубочайшие философские мысли рассеяны по страницам бакунинских книг, брошюр, статей и писем, но они не столько образуют «систему» в принятом философском смысле, сколько служат штрихами к цельному взгляду анархиста на мир и на человека в этом мире. Говоря об особенностях бакунинского стиля, Алексей Боровой писал:

“ «Его сочинения – памфлеты, не терпеливая систематизация накопленных листочков, а лава, долженствовавшая испепелить противника... Но, не взирая на несоблюдение требований научной методологии, на отсутствие внешнего аппарата, составляющего гордость эрудита, творение Бакунина в целом – монументально, звенит волнующим лиризмом, гипнотизирует страстностью изложения» (48; 3).

Прекрасное знание философии, истории и естественных наук (в том числе, новейших философских и научных достижений), а также реалий социально-политической и экономической жизни, позволяло Бакунину в своих работах сочетать конкретные наблюдения и детальный анализ с абстрактными обобщениями, рассматривать самый широкий круг проблем: психологических, гносеологических, исторических, национальных, социальных, геополитических и т.д. Блестящий дар изложения и пророческая интуиция, развитая аналитическая способность и необыкновенная сила и смелость мысли были в высшей степени присущи великому анархисту. По справедливому замечанию С.Ф.Ударцева,

“ «Бакунин как бы исследует «подводные глубины» и «космические дали» природных и общественных явлений. Его мысль перемещается в... труднодоступные области для традиционного, ограниченного многочисленными предрассудками и стереотипами мышления. «Открытия» Бакунина поражают, шокируют догматическое мышление, отторгаются им... в силу необычности, нетрадиционности его подходов, суждений» (375; 13).

Философия Бакунина носит очень личный, даже исповедальный характер. Так, когда он говорит о том, что человек из высших классов, отдавшись делу освобождения народа, должен порвать со своей средой, воспитанием, привычками – это он и о себе говорит; когда он восстает против деспотических притязаний теории повелевать жизнью – он восстает и против собственного раннего гегельянства и умозрительности 30-ых годов; когда он страстно бичует Бога и посылает ему отважный вызов, – он вырывает с кровью и собственную свою раннюю тягу к Богу, – подобные примеры можно множить до бесконечности. В сочинениях Бакунина – и ранних, и поздних – много патетики; но это тот редкий случай, когда патетике веришь: великие страсти и мятежные порывы Бакунина ищут патетики для своего выражения, патетика органична для него, он оплатил масштаб своей

личности, своей мысли, борьбы и страданий право позволить себе неложную, нефальшивую патетику.

Считая ненужным и невозможным навязывать жизни жесткие схемы, Бакунин, в основном, ограничивается провозглашением общих принципов и сосредотачивает свое внимание на анализе и критике существующего, на поиске основных направлений развития, принципиально отказываясь от жестких регламентаций: «мы можем провозглашать какие угодно великие принципы, но мы должны оставить опыту будущего практическую реализацию этих принципов» – утверждает Бакунин (28; 31). «Практический разум», нужды жизни определяют все теоретические построения Бакунина. Все, самые развернутые и сложные системы аргументации Бакунина исходят из практики, из нужд пропаганды, борьбы и полемики, из обоснования борьбы за свободу личности. Практика же эта, по преимуществу, носит критически-очистительный характер, она расчищает путь, а не предписывает. Бакунин верит в стихию жизни, в инстинкт массы, в волю личности: надо прежде всего устранить все наносное, ложное, насильственное, – и в этом он видит свою главную задачу.

Мы уже отмечали, что Бакунину был присущ пророческий дар, основанный на сплавле поразительной интуиции и способности к глубокому анализу. Порой ему открывалось собственное будущее. Так, в 1837 году, будучи еще бесконечно далеким от любых революций и всецело погруженным в умозрительные теории, он неожиданно пишет о себе сестрам в шутливой манере:

“ «Я вам пишу: понимаете ли вы всю важность этого дела? Я! Михаил Бакунин, посланный провидением для всемирных переворотов, для того, чтобы, свергнув презренные формы старины и предрассудков, вырвав отечество мое из невежественных объятий д-ма (деспотизма? – П.Р.), вкинуть его в мир новый, святой, в гармонию беспредельную, – я вам пишу!» (234; 111-112).

Говоря о пророческом даре, которым столь щедро был наделен Бакунин, А.Карелин приводит некоторые конкретные примеры: «Он предсказал революцию 1848-го года, судьбы Франции после разгрома ее немцами, победы над нами японцев, отказ русских революционеров от анархизма, освобождение России от самодержавия, как результат войны с Германией, роль Германии с ее социал-демократией, вырождение этой социал-демократии, окончание (в то время) эры революций» (141; 56). Карелин писал эти строки в годы Великой Российской Революции, но сейчас мы знаем наиболее поразительный и яркий пример осуществления пророчества, точнее, прогноза, сделанного Бакуниным в его замечательной и детальной критике государственного социализма.

“ «В системе бакунинских идей с понятием времени дело обстояло сложно» – верно подметила Н.М.Пирумова (295; 149): способность к предвидению событий и процессов, которым суждено было проявиться спустя многие

десятки лет, органично сочеталась в Бакунине с его теоретическим «забеганием вперед», порой приводящим к серьезным практическим ошибкам. Но в целом, Алексей Боровой прав, когда пишет о «трезвости, с которой «бурно-пламенный Бакунин» умел смотреть на реальную действительность» и о «глубокой верности его интуиции, достигающей силы научного предвидения» (48; 40).

Таковы некоторые особенности бакунинской манеры философствования.

Прежде, чем мы дадим характеристику его философских взглядов, скажем несколько слов об источниках бакунинского мировоззрения.

От теоретической созерцательности – к энергичнейшей практической деятельности, от поисков Бога в любви к людям – к полному и беспощадному отрицанию Бога и провозглашению «религии социализма», от «примирения с действительностью» – к радикальной критике этой «действительности» – такую идейную эволюцию проделал Бакунин. На этом пути он прошел через ряд этапов: 1) этап юношеского романтизма (1834-1837 годы), когда он находился под сильным влиянием Гете, Шиллера, Шеллинга, Фихте и, отчасти, французских просветителей; 2) гегельянский этап «примирения с действительностью» (1837-1840 гг.), затем – 3) этап левогегельянский, связанный с переходом к революционной практике (после 1842 года) – на этом этапе философия отступила на задний план в жизни Бакунина; наконец, 4) этап поздний, зрелый, синтетический (1864-1876 гг.), когда Бакунин, усвоив, наряду с гегелевскими идеями, многие положения Л.Фейербаха, О.Конта и пр., органично включил их в собственное учение и обратился к подробной разработке своей анархической философии.

Начиная с 1834 года Бакунин систематически занимался философией, читал просветителей и романтиков. Основные темы его ранних размышлений: мораль, любовь, конечность и бесконечность личности, свобода, животное и божественное в человеке, мысль и чувство, как человеческие начала. Его письма, относящиеся к этому времени, полны ощущения гармонии, веры в жизнь и в человека, провозглашения любви и свободы императивами человеческого существования. «Жизнь есть блаженство», «человек есть Бог», «любовь есть наше предназначение» – бесконечно повторяет он в своих письмах этой поры. В эти годы сильное влияние на мысль молодого Бакунина оказал Петр Яковлевич Чаадаев. В.Ф.Пустарнаков отмечал:

“ «Очень рано в мировоззрении М.А.Бакунина возобладало романтическое отношение к действительности, романтическое восприятие жизни, и здесь его вдохновителями выступили поздний Фихте, Гете, Шиллер, Рихтер, Гофман» (324; 13).

Изрядная доля этого романтизма сохранилась у него и впоследствии, а немецкие романтики активно повлияли на формирование бакунинской «философии жизни». В числе важных

духовных влияний на Бакунина надо назвать также музыку, в первую очередь, музыку Бетховена; вообще эстетическое начало занимало важное место в мировосприятии Бакунина.

Огромное влияние на формирование взглядов Бакунина оказало его пребывание в кружке Н.В.Станкевича, и прежде всего личность самого Станкевича: «Я рассматриваю его в некотором роде как своего творца» (234; 437) – спустя много лет благоговейно писал о Станкевиче Бакунин. Общение и полемика с такими замечательными людьми, входящими в кружок Станкевича или связанными с ним, как В.Г.Белинский, Т.Н.Грановский, А.С.Хомяков, А.И.Герцен, И.С.Тургенев и др., систематическое изучение и «проповедь» новейших достижений немецкой философии (Шеллинга, Фихте, а позднее, Гегеля) в высшей степени благотворно повлияли на Бакунина и способствовали развитию его выдающегося философского дарования.

Оказавшись в кружке Станкевича, Бакунин прежде всего основательно изучил работы И.Канта, но – «сознательное неприятие изученного Канта, движение «мимо Канта» – таким был путь М.А.Бакунина сначала к позднему Фихте, а затем к Гегелю, в его глазах «философам жизни», «философам действительности», в отличие от Канта, как «философа познания»» (324; 24). По мнению Бакунина, кантовская философия была слишком субъективна, умозрительна и эгоцентрична, что привело «Мишеля» к «познавательной осознанной оппозиции по отношению к Канту и ценностному неприятию его философии» (324; 13).

Сочинения И.Г.Фихте, напротив, оказали сильное влияние на мысль Михаила Бакунина. Идея свободы личности, принципы персоналистской этики, мысль о государстве как преходящем и порочном учреждении – все эти положения Фихте были близки Бакунину (подробнее об этом см.128; 120 и 122; 56). Особенно сильно воздействовал на него моральный пафос учения Фихте и положение о человечестве как воплощении Бога. Вероятно, определенное воздействие на Бакунина оказали и работы Шеллинга – особенно его натурфилософия.

Но наиболее сильным и серьезным философским увлечением молодого Бакунина было гегельянство. Двадцатитрехлетний «Мишель» стал крупнейшим в России знатоком, переводчиком и проповедником гегелевской философии, которую он воспринял как «настоящую философию действительности». Революционность гегелевской диалектики, универсализм всей его системы, идея тождества бытия и мышления, ориентация на реальную жизнь, но на жизнь, понятую как нечто абсолютное и осмысленное, историософское учение Гегеля – все это воодушевило молодого «Мишеля» и на несколько лет привело его к поистине религиозному почитанию гегелевской философии. Гегельянство восхищало его красотой чистой мысли, дающей ключ к решению всех насущных мировых проблем и помогающей осмыслить действительность как гармоничное, закономерное и одухотворенное целое. Бунт против этой «прекрасной действительности» и переход на позиции крайне левого гегельянства не означал еще полного разрыва с системой Гегеля: даже в последние годы своей жизни Бакунин продолжал виртуозно использовать гегелевскую методологию, делая акцент на «негативной диалектике».

В марте 1845 года М.А.Бакунин писал своему брату Павлу (в будущем, кстати, крупному философу-гегельянцу) из Парижа:

“ «Я тот же, что и прежде, – отъявленный враг существующей действительности, с тою только разницею, что я перестал быть теоретиком, что я наконец победил в себе метафизику и философию и весь, всюю полнотою души своей, бросился в практический мир, в мир действительного дела и действительной жизни» (158; 284).

Этот «бросок», ознаменовавшийся знаменитой статьей «Реакция в Германии», сопровождался как радикализацией взглядов Бакунина и концентрацией его внимания всецело на вопросах общественной жизни, так и известной «детеоретизацией», «дефилософизацией» его воззрений. С этого момента философия (которая до того была для него самостоятельным миром, помогающим спастись от пустоты и пошлости окружающего мира) перестала быть для Бакунина чем-то самодостаточным и первоначально вовсе отошла на задний план, а позднее выступила в качестве орудия, способствующего обоснованию его практической борьбы, полемики, программы, помогающего обобщить и осмыслить его взгляды.

На смену Гегелю, Фихте и Шеллингу приходит интерес к Л.Фейербаху, французским просветителям и позитивистам и, разумеется, к социалистическим авторам. Антиклерикальная, рационалистическая и, в целом, освобождающая человека, направленность работ просветителей и позитивистов импонировала Бакунину. У Л.Фейербаха ему были близки натурализм, материализм, критика религии и метафизики и, в особенности, антропологизм, религия Человека. Но просветительно-позитивистский рационализм и материализм Бакунин сумел обогатить собственной «философией жизни»: идеями бунта жизни против науки, воспеванием стихии жизни, народа, его творчества и инстинктов, учением о бунте (об этом см.ниже).

На социальные воззрения Бакунина определенное воздействие оказали В.Вейтлинг с его горячим интересом к социальным проблемам и бескомпромиссным отрицанием старого мира, хотя казарменный коммунизм Вейтлинга Бакунин, безусловно, отвергал, славянофилы с их учением о самоуправляющейся общине, Ш.Фурье, А.Сен-Симон и, в первую очередь, П.Ж.Прудон и Карл Маркс. У Прудона Бакунин позаимствовал критику государства и принцип федерализма, а у Маркса – его экономическое учение (кстати, Бакунин был первым русским переводчиком «Манифеста коммунистической партии», работал он и над переводом «Капитала»). Опираясь на идеи Прудона, Бакунин систематизировал их, радикализировал, очистил от ошибок и противоречий, дал им глубокое философское обоснование. Но многие прудоновские положения: о свободе, как основе общественного единства, о равенстве как основе справедливости, о признании человеческого достоинства во всех людях, о неделимости свободы и тождестве свободы и равенства, об антагонизме трудящихся классов и классов эксплуатирующих и управляющих и другие мысли Прудона присутствуют в сочинениях Бакунина.

Перечислив основные идейные источники философии Бакунина, мы должны подчеркнуть, что Михаил Александрович был в высшей степени самостоятельным мыслителем, и, заимствуя те или иные мысли у различных авторов, всегда включал их в контекст собственного оригинального философствования. В последние годы жизни Бакунин проявил большой интерес к произведениям Артура Шопенгауэра, что, по нашему мнению, глубоко не случайно, – и пессимизм, и «философия жизни» этого мыслителя должны были импонировать позднему Бакунину.

Завершая обзор идейных предпосылок бакунинской философии, остановимся на причинах «бунта» Бакунина против Гегеля.

Выше мы указали – что привлекло молодого Бакунина в гегелевской философии. Что же оттолкнуло его от нее? В своей поздней работе «Наука и насущное революционное дело» Бакунин довольно подробно объясняет это:

“В тридцатых годах под гнетом николаевского управления впервые появилось в России учение объективистов, объясняющее все исторические факты логическою необходимостью, исключаящею из истории участие личного подвига, и признающее в ней только одну действительную, неотвратимую и всемогущую силу – самопроявление объективного разума; учение весьма удобное для тех, которые, боясь делать, должны извинить перед всеми и перед собою свое постыдное бездействие... К такому заключению несомненно приводит метафизическая система Гегеля. Там действует Абсолют, а где этот господин распоряжается, там, разумеется, не может быть ни возможности, ни места для личного дела».

И чуть выше он поясняет:

“я говорю об этом знаемо, потому что в тридцатых годах, увлеченный гегельянством, сам участвовал в этом грехе» (28; 186).

Итак, очевидно, что первоначально «бунт» Бакунина против Гегеля был вызван гегелевским пренебрежением личностью (тогда как Бакунин начал утверждать ее как несомненную ценность), гегелевским фатализмом, «объективизмом» и признанием «разумности» существующего (а Бакунин не мог принять всего, что его окружало, в качестве «разумного») и гегелевской созерцательностью (тогда как Бакунин рвался к практике, действию, живой активности). Впоследствии к этим трем причинам добавилось еще отрицание Бакуниным гегелевского идеализма.

На «правоверной» гегельянской стадии «Мишель», подобно другим русским гегельянкам – Станкевичу и Белинскому – «примирялся» с «действительностью» и исповедовал культ общего, отрицание случайного, личного и единичного, безусловный примат всеобщего над

частным:

“ «Личность человека, сама по себе взятая отдельно от общего – ничто» – писал он тогда (цит. по 234; 17).

Однако затем произошел бунт: по справедливому замечанию В.В.Зеньковского:

“ «святая необходимость», которая в гегелианский период не мешала свободе личности, теперь уже ощущается, как отвержение свободы» (122; 57).

По нашему мнению, Бакунин являлся одним из предтеч знаменитого «субъективного метода в социологии», развиваемого русскими народниками и делающего акцент на важности «личного дела» и субъективной оценки в общественных процессах.

Важно отметить, что в своем бунте против гегельянского антиперсонализма и фатализма Бакунин был не одинок. Как отмечал Н.О.Лосский, – уже «Станкевич осуждал Гегеля за отрицание принципа бессмертия личности» (198; 75). Но Станкевич трагически рано умер, а его ближайшие друзья: Бакунин и Белинский [98] (и отчасти – Герцен) прошли весь путь преодоления Гегеля. Так, В.Г.Белинский писал о гегелевской философии:

“ «Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом... Судьба субъекта, индивидуума, личности, важнее судеб всего мира» (цит. по 198; 77). Комментируя это высказывание, Н.О.Лосский подчеркивает: «Белинский окончательно отверг философию Гегеля лишь тогда, когда пришел к признанию величайшей ценности личности» (198; 77). Ему вторит Альбер Камю, который пишет о Белинском: «Индивидуум не может принять историю такой, какая она есть. Он должен разрушить реальность, чтобы утвердиться в ней, а не служить ее пособником» (134; 236).

И Бакунин, и Белинский, и Герцен провозгласили защиту личности перед «общим» и безличным, провозгласили защиту должного против существующего, провозгласили примат дела над мыслью и, протестуя против философии Гегеля, против существующих в России и на Западе порядков, пришли к необходимости живого дела, действия, к интересу к социальным проблемам и к социалистическим теориям. Ярко выраженный этический и персоналистический характер воззрений основателей русского социализма (он потом будет присущ и воззрениям П.Л.Лаврова и Н.К.Михайловского) вызван их болезненным и мучительным разрывом с первоначальным идейным конформизмом, пассивностью и безличностью, с некритическим «западничеством» одних (Герцена) и с апологетическим русофильством других (Белинский, Бакунин). Горячая апология личности, смысла, красоты и

нравственности как основных начал жизни, страстная ненависть к пошлости и деспотизму, защита трагически уязвимого «маленького человека» перед лицом существующего «необходимого» порядка вещей, – все эти черты характеризовали мировоззрение Бакунина (равно как и Белинского и Герцена) после его разрыва с гегелевской философией, и они обусловили антропологизм, персонализм, онтологизм его философии – «философии жизни», «философии действия». Трезво и всесторонне изучая существующую общественную реальность, Бакунин, однако, никогда не соглашался с тем ее гегельянским оправданием, элементы которого он впоследствии обнаружил у некоторых последователей О.Конта и у К.Маркса. Понимание причин разрыва Бакунина с системой (но не методом) философии Гегеля дает нам ключ к его взглядам на личность и к его учению о бунте, как важном измерении личности.

Итак, мы кратко охарактеризовали основные идейные источники бакунинской философии. Верный своему девизу: «Дух разрушающий – есть дух созидаящий», – Бакунин методологически отталкивался от суждений своих многочисленных оппонентов и выдвигал собственные аргументы и выводы: строить громоздкие позитивные «системы» явно не было любимым делом мыслителя. Тем не менее, фрагментарность изложения его философских взглядов сочетается с наличием у него цельного и последовательного мировоззрения – и полемика была хорошим поводом сформулировать и изложить его.

Отметим теперь основные особенности бакунинского мировоззрения (разумеется, мы не будем вдаваться здесь в подробный разбор его онтологического, гносеологического, социологического учения, критики религии, государства, его учения о науке, о революции, о национальностях и пр.). Философия у Бакунина, как ни у кого другого является органичной (и подчиненной) частью жизни, частью личности и в полной мере заслуживает по своему содержанию наименования «философии жизни» и «философии бунтующей личности».

«Перед вечностью все ничтожно» – не раз говорил Бакунин: преклонение перед безграничностью и непознаваемостью великой Вселенной и одновременно – перед величием крошечного и смертного человека, «благоговение перед жизнью» и, вместе с тем, страстная человечность – в этом, по нашему мнению, сущность бакунинского мировоззрения. Принятие и прославление жизни во всей ее полноте, многообразии и неповторимости и «антроподицея» – объяснение и оправдание человеческого мира – такова краткая характеристика бакунинской философии.

“ «Жизнь, примат жизни – центральный фокус бакунинской философии. Жизнь таит в себе неограниченные творческие потенции, она – само творчество. Жизнь есть конкретное и реальное; она господствует над мыслью, она определяет волю» – так определял Алексей Боровой специфику мироощущения Бакунина (48; 18).

Предвосхищая идеи Бергсона и Ницше, Бакунин, подобно романтикам, Шеллингу, Шопенгауэру и Штирнеру, выдвинул свой оригинальный вариант философии жизни, жизни, как великой творческой стихии, не поддающейся рационализации. Сходство многих идей

Бакунина с бергсонианством, наличие у него, наряду с «рационалистической струей» (просветительско-гегелевской), мощного и плодотворного пласта иррационалистических, интуитивистских настроений и мыслей, отмечают, в частности, А.А.Боровой, В.Ф.Пустарнаков и Н.М.Пирумова (см. 48; 15-18, 323; 37 и 295; 138). Так, Н.М.Пирумова, признавая, что «интуитивизм» является «важной стороной доктрины Бакунина», полагает, что он «внес много путаницы и противоречий в систему Бакунина» (295; 138). Мы, напротив, убеждены в том, что интуитивистский элемент в мировоззрении Бакунина обогащает и уравнивает рационалистическую тенденцию и придает его анархической философии подлинную глубину.

Мир предстает перед Бакуниным, как поток жизни, иррациональная и всеобъемлющая борьба воли: «каждая категория вещей, каждая растительная и животная разновидность живет только тем, что уничтожает все остальные; одно пожирает другое...» (234; 354). Это представление о всеобщей «воле к жизни» и «борьбе воли» не приводит Бакунина к социал-дарвинистским выводам, ибо царство человечности и человечества отличается от животного царства – солидарностью и свободой. Бакунин пишет о «силе, непреодолимой и равно присущей всем живым существам»:

“ «Эта сила – всеобщий поток жизни, тот самый, который мы называем всеобщей причинностью и природой и который проявляется во всех живых существах, растениях или животных, как стремление каждого осуществить условия, необходимые для жизни своего вида, т.е. удовлетворить свои потребности. Это стремление, существенное и высшее проявление жизни, составляет основу того, что мы называем волей» (28; 67-68).

Итак, жизнь есть альфа и омега бакунинского философствования.

Для Бакунина истина есть жизнь, познание есть часть жизни и, следовательно, человеческая практика есть одновременно и способ познания истины и способ активного преобразования жизни. Уже в 1842 году Бакунин писал в одном из писем: «Долой логическое и теоретическое фантазирование о конечном и бесконечном; такие вещи можно схватить только живым делом» (цит. по 122; 54). На наш взгляд, это противопоставление жизни и науки, практики и мысли является фундаментальным для Бакунина и определяет его гносеологические и социологические воззрения, его последовательный материализм и частичный агностицизм, приводит к убеждению в невозможности постичь мыслью мир во всей его полноте, к идее о первичности материи и о невозможности научного «планирования» социальных процессов, а также заставляет апеллировать к активности творческого субъекта.

Среди наиболее характерных и существенных признаков бакунинской философии 60-х-70-х годов необходимо отметить: материализм, атеизм («антитеологизм», богоборчество), диалектичность, антропологизм, антиэтатизм, революционность, духовный и идейный максимализм, ярко выраженный критический и вольнолюбивый дух. Сам Бакунин в эти годы характеризовал свои философские взгляды как «материализм», «позитивизм», «реализм»,

«атеизм», а свою общественную позицию как «анархизм», «федерализм», «коллективизм» и «революционный социализм».

По верной оценке Алексея Борового, «позитивизм, именуемый Бакуниным также «рациональной наукой», «всемирной наукой», «рациональной философией», есть для него прежде всего освобождение от призраков религии и метафизики. Позитивизм – система, не принимающая ничего на веру, критически относящаяся ко всем явлениям, все свои утверждения строящая на опыте. Позитивная система – не аристократична, подобно религии и метафизике, но свободна, демократична и строится «снизу вверх»» (48; 11). В работах Бакунина проступают контуры его своеобразного натурфилософского учения, учения о познании, о происхождении сознания, о происхождении и социальной роли религии, дается критика позитивизма (в контовском понимании) и метафизики.

Поразительна бакунинская интуиция жизненной стихии, – ощущение, которое чем-то сродни восприятию мира платониками-пантеистами эпохи Возрождения, Гете или Шеллингом. Природа понимается как живая, текучая, великая, всеобъемлющая и гармоничная тотальность; бакунинская материя – не пассивная и мертвая субстанция, но нечто живое, развивающееся, одухотворенное, включенное во «всемирный поток жизни». По Бакунину весь мир или Природа или «мировая взаимосвязь» или «причинность» есть великая стихийная равнодействующая множества частных причин и процессов, всемогущее движение, в котором бытие одновременно есть вечное становление всего сущего. Все связано со всем, все движется, перетекает, меняется, все на все воздействует и все всем обусловлено – такова грандиозная картина мира в сочинениях Михаила Бакунина. Внутреннее движение оказывается имманентно присуще жизни. В этом «всеобщем потоке жизни» любое существо и даже любой предмет – «все, что живет... стремится осуществиться во всей полноте своего существования» (28; 66).

“ «Жизнь доминирует над мыслью и детерминирует волю. Вот истина, которую никогда не следует упускать из виду, если хочешь понять что-либо в политических и социальных явлениях» (28; 238).

Эта мысль особенно заостряется Бакуниным в полемике со всеми теми, кто так или иначе провозглашал примат науки над жизнью, делал акцент на «просвещение» и «мысль», а не на действие и борьбу. Бакунин категорически отрицал кантовское учение о непознаваемых «вещах в себе»: по его мнению, «внешняя» и «внутренняя» сторона любого явления связаны, и внутренняя проявляется через внешние действия. Конечно, из этого не следует, что можно постичь все, но принципиально Бакунин считал познание возможным и сочетал агностическое и рационалистическое начала в своих воззрениях:

“ «Изучая природу нашего земного шара, мы изучаем в то же время всеобщую природу – не в бесконечном разнообразии ее явлений, которые навсегда останутся для нас неизвестными, а в ее субстанции и в ее основных, всегда

и везде тождественных законах» (234; 442).

Последовательный детерминизм и материалистический монизм – характерная черта бакунинской онтологии. (Впрочем, ниже мы рассмотрим, какие коррективы в общую детерминистскую установку мыслителя внесло его учение о бунте и свободе личности). Он пишет:

“ «Все, что естественно, – логично, и все, что логично, оказывается или уже осуществленным, или должно быть осуществлено в естественном мире, включая мир социальный», но тут же добавляет: «Отсюда отнюдь не следует, что все, что логично или естественно, является с человеческой точки зрения, непременно полезным, хорошим и справедливым» (234; 351).

Все происходящее – объяснимо, детерминировано и включено во всеобщую причинность, но далеко не все приемлемо и может быть принято – так Бакунин корректирует изначальную гегелевскую установку.

Что же Бакунин понимает под материей?

“ «Под этими словами материя и материальное, мы подразумеваем тотальность, всю лестницу действительных, известных и неизвестных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения... И заметьте, что мы не считаем эту тотальность какой-то абсолютной и вечно творящей субстанцией, как это делают пантеисты, но вечной, постоянно меняющейся равнодействующей бесконечного ряда всякого рода действий или непрерывного ряда трансформаций действительных существ, которые рождаются и умирают в его недрах» (234; 525-526). По Бакунину, реальна лишь материя, жизнь, единичное – мысль, общее, «законы» есть лишь абстракции нашего сознания. Гегель, отождествивший бытие и сознание, и Конт, «материализовавший дух», оказали сильное влияние на бакунинское учение об идеальном как подвиде материального (о материи и идеальном см. также, например, 234; 413-414).

Огромный интерес и ценность представляет учение Бакунина о соотношении мысли и жизни, жизни и науки, вытекающее из общего монизма и материализма его философии. Приведем лишь несколько наиболее замечательных высказываний Бакунина по этому поводу:

«Мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом, что она развивается из своей собственной неиссякаемой глубины рядом различных фактов, а не рядом абстрактных рефлексий...» (28; 436-437). «Наука, которая имеет дело лишь с тем, что выразимо и неизменно, то есть с более или менее развитыми и определенными общими положениями, становится в тупик и спускает флаг перед жизнью, которая только и находится в связи с живой и чувственной, но неуловимой и невыразимой стороной вещей. Такова действительная и, можно сказать, единственная граница науки, граница истинно непреодолимая» (234; 440). «Миссия науки такова: устанавливая общие отношения преходящих и реальных вещей, распознавая общие законы, которые присущи развитию явлений как физического, так и социального мира, она ставит, так сказать, незабываемые вехи прогрессивного движения человечества, указывая людям общие условия, строгое соблюдение коих необходимо и незнание или забвение коих всегда приводит к роковым последствиям. Одним словом, наука – это компас жизни, но это не есть жизнь» (234; 477). «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и учения стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглупения всего человечества» (28; 437). «То, что я проповедую, есть, следовательно, до известной степени бунт жизни против науки или, скорее, против правления науки, не разрушение науки – это было бы преступлением против человечества, – но водворение науки на ее настоящее место, чтобы она уже никогда не могла покинуть его» (234; 488).

Итак, «живая жизнь» для Бакунина бесконечно выше «жалких абстракций»; мыслитель утверждает безусловный примат жизни над наукой, призывает к разрушению существующей иерархической системы образования и корпоративного характера науки, категорически высказывается против «научного планирования» общественной жизни и призывает студентов учиться жизни в народе, а не в университете:

“ «наука, как моральное начало, существующее вне всеобщей общественной жизни и представленное корпорацией патентованных ученых, должна быть ликвидирована и распространена в широких народных массах. Призванная отныне представлять коллективное сознание общества, она должна действительно стать всеобщим достоянием» (234; 482).

Это, разумеется, не означает полного отрицания Бакуниным науки! Нет, просвещение народа, рациональная универсальная наука, свободная от метафизики и религии,

сочетающая эксперимент и выдвижение гипотез, синтез и анализ (см. 28; 46) – признается Бакуниным за великое благо. Эта «рациональная наука» и «пропаганда социализма» противопоставляется Бакуниным религиозной и метафизической мысли, оправдывающей ограничение человеческого познания и рабство личности.

Но, если, с одной стороны, Бакунин противопоставляет науку метафизике и теологии, то, с другой стороны, он противопоставляет науке жизнь, как высшую тотальность, полноту и богатство, как первичную реальность. Естественные границы науки, призванной стать «светочем жизни», по мнению Бакунина, заключаются в уникальном, единичном, реальном и живом, в том, что находится вне абстракции или даже за пределами наших чувств. Вот почему бакунинское воспевание науки не приводит его к плоскому рационализму и фатализму просветителей или Прудона, вот почему он категорически возражает против претензий науки руководить жизнью и страстно отстаивает право личности не мыслью только, но самой своей жизнью утверждать и отстаивать свои ценности и себя как ценность.

Последовательный материализм Бакунина и отрицание им всего трансцендентного, логически приводит его к материалистическому пониманию истории [99], к убеждению в том, что «основной вопрос века, вопрос экономический» (28; 196) определяет собой политическую, религиозную и духовную жизнь общества:

“ «Как в мире, называемом материальным, неорганическая материя (механическая, физическая, химическая) есть определяющая основа органической материи (растительной, животной, умственной или мозговой), точно так же и в мире социальном, который, впрочем, может рассматриваться лишь как последняя известная нам ступень развития материального мира, развитие экономических вопросов всегда было и продолжает еще быть определяющей основой всякого развития религиозного, философского, политического и социального» (234; 529-530).

Эта констатация, однако, не приводит Бакунина к механическому фатализму и к марксистскому экономическому детерминизму: Михаил Александрович подчеркивает многофакторность общественной жизни, взаимовлияние политики и экономики, наличие национальных особенностей.

Противопоставляя религии – антитеологизм, государственности – федерализм и эксплуатации – социализм, великий анархист, вместе с тем, никогда не углублялся в подробное построение проектов будущего общества. Полагая, что жизнь всегда богаче и непредсказуемее мысли, он ограничивался провозглашением общих принципов безгосударственного социализма, критикой существующего общества и поиском возможных путей, ведущих к его преобразованию, причем главным из этих путей он, безусловно, считал Социальную революцию. Подробный анализ международных отношений, существующих государств в различных проявлениях их деятельности, социальной психологии [100] послужил теоретическим фундаментом для бакунинской теории революции.

Она исходит прежде всего из веры в творческую активность и самодеятельность масс, проповедует «пропаганду фактом», а не созерцательность и доктринерство. Если в России главной революционной силой Бакунину, естественно, представлялось крестьянство (в союзе с разночинной революционной молодежью), то в работах о Западной Европе,

“ «мы под словом народ разумею всегда главным образом пролетариат» (28; 350), подчеркивал он, призывая, однако, к союзу рабочих с крестьянами: эту идею, высказанную уже Прудоном, он подробно развил в своей работе «Кнуто-германская империя и Социальная Революция».

Условиями социальной революции, по Бакунину были, во-первых, нищета и отчаяние народных масс, во-вторых, наличие общенародного положительного идеала, выработанного в глубинах народного инстинкта при помощи народной памяти и опыта борьбы, заменяющего народу «образование», в-третьих, активная роль революционеров, связывающих отдельные локальные выступления друг с другом и придающих им общенародный характер. Революцию, как стихийное и грозное явление народной жизни, можно лишь предвидеть, но нельзя «организовать» или предотвратить по своему произволу. Разрушая старые формы общественности, социальная революция вместе с тем творит новое общество, свободное от принуждения, власти и эксплуатации.

Вопреки распространенному мнению о Бакунине, как апологете насилия и кровопролития, великий анархист, считая насильственные действия в революционном процессе неизбежными, вместе с тем призывал свести их к минимуму, поскольку, во-первых, представители правящих классов не только виновники, но и жертвы существующего общественного зла, а, во-вторых, массовое кровопролитие усилит и ускорит реакцию, следующую за революционным взрывом, и приведет к диктатуре. Бакунин являлся проповедником революции всемирной, интернациональной, революции одновременно и политической, и социальной, разрушающей и государство, и классы, и заменяющей их федеративным общественным устройством с групповой собственностью на средства производства.

Одновременность социальной и политической революции вытекала из убеждения Бакунина в том, что

“ «политическая свобода без экономического равенства и вообще политическая свобода, т.е. свобода в государстве есть ложь» (28; 340).

Подобно своим предшественникам-анархистам, Бакунин констатирует:

«эксплуатация и управление – два неотделимых друг от друга выражения того, что называется политикой, причем первая дает способы управлять и образует необходимую основу, равно как и цель всякого управления, которое, в свою очередь, гарантирует и легализует возможность эксплуатировать. С начала истории они составляют реальную жизнь государств» (цит. по 209; 227).

Мыслитель исповедует отрицание

«самой идеи государства и государственования, т.е. управления обществом сверху вниз, во имя какого бы то ни было мнимого права, богословского или метафизического, божественного или интеллигентно-ученого» и утверждение «анархии, т.е. самостоятельной свободной организации всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собою, снизу вверх не по приказанию какого бы то ни было начальства, даже избранного, и не по указанию какой-либо ученой теории, а вследствие, совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью» (28; 503-504).

На этом мы можем завершить краткую характеристику особенностей мировоззрения Михаила Бакунина и обратиться непосредственно к рассмотрению места личности в его философии. Главные черты бакунинского учения: сочетание рационализма с «философией жизни», антропологизм и персонализм, сочетание материализма и детерминизма с проповедью личной активности и верой в жизненную стихию, убеждение в примате жизни над мыслью и в примате реальной индивидуальности над всеми теоретическими абстракциями.

Личность в философии Михаила Бакунина

Свое учение о личности Бакунин начинает с констатации полнейшей детерминированности и необходимости ее бытия и завершает, как мы увидим ниже, обоснованием свободы, творчества и бунта суверенной личности. Абсолютный детерминизм («причинность», «взаимосвязь») Бакунин противопоставляет теологии, метафизике, всему сверхъестественному и трансцендентному, всему тому, что, по его мнению, порабощает человека и превращает его в раба «высших сил». Но, утвердив последовательно детерминистскую концепцию личности, Бакунин не приемлет вытекающего из нее фатализма, конформизма, антиперсонализма и несвободы и, противопоставив Богу – всеобщую причинность, материю и Природу, вслед за тем, в свою очередь, во имя достоинства личности, противопоставляет фатальности существующего человеческую свободу и бунт.

I. Личность и Природа. Преодоление животности и обретение человечности.

При всем интересе Бакунина к естественнонаучной проблематике, к вопросам гносеологии и онтологии, «аксиологическим центром всей его «системы мира» является человек. В конечном счете природа интересует Бакунина, как и всякого антропоцентриста, лишь постольку, поскольку она является в его глазах базисом общества» (В.Ф.Пустарнаков – 323; 41). Последовательный антропологизм – в познании, аксиологии и этике характеризует бакунинскую философию. При этом его антропологизм носит заостренно антитеологический и антиметафизический характер.

Бакунин категорически отрицает наличие внутри человека нематериальной души, а над человеком – Бога. Человек – материальное существо, потомок обезьяны, и он включен во всеобъемлющую природную причинность. Однако, наряду с чисто животными потребностями: родиться, вырасти, есть, защищаться, воспроизводиться, – человек имеет и свои, специфически человеческие черты, – прежде всего, потребность и способность мыслить, познавая окружающий мир и себя самого.

Из Природы вырастает Общество, из Общества – Личность, утверждает Бакунин, причем, в соответствии с гегелевской диалектикой, каждая из этих ступеней одновременно и продолжает предыдущую, и включает ее в себя, и отрицает, преодолевает ее. История человечества, которая является продолжением природной эволюции, есть, по Бакунину, не что иное, как восхождение от животности к человечности, как изживание личностью животного начала. Животность ассоциируется у Бакунина с несвободой, рабством, бессознательностью, всеобщей борьбой за существование, тогда как человечность, напротив, подразумевает мысль, творчество, свободу, сознательный труд, солидарность и справедливость. Отрицая все вне- и надприродные фетиши, Бакунин, однако, не растворяет человека в мире муравьев и пчел, но пишет о «второй природе» – специфически человеческом мире, вырастающем из мира природного посредством мысли и труда. Будучи вершиной природы на Земле, человек сознательно продолжает, посредством своего индивидуального и социального развития, дело природы. Ему присущ «инстинкт» самоосвобождения и самопознания; человек – существо не только живое (животное), но и существо мыслящее, бунтующее, творящее.

Благодаря мысли, человек способен возвышаться над самим собой; будучи первоначально лишь продуктом природы и общества, биологически и социально детерминированным, он со временем сам становится относительной причиной и фактором в потоке всеобщей причинности: свобода и самосознание человека делают возможным появление специфически человеческого мира. Так, опираясь на свою «животность», человек одновременно перерастает и отрицает ее: свобода вырастает из необходимости и, будучи ею ограничена, вместе с тем отчасти отрицает ее; сознание вырастает из своей материально-физиологической основы и поднимается над ней, создавая автономный мир человеческих идеалов и ценностей; солидарность отрицает всеобщую борьбу и войну.

Пытаясь заглянуть вперед и предвосхищая мысли Ницше, Бакунин допускает возможность и более высокой, чем человек, сверхчеловеческой ступени в лестнице восхождения жизни (см., например, 28; 60). На настоящей же ступени развития человечность (и личностность, и свобода) видится Бакунину итогом, целью движения, а животность – исходной точкой. Всеобщее стремление самоутвердиться во всей полноте своего бытия достигает в человеке степени самосознания, всеобщая борьба слепых волей превращается у человека в свободную волю (хотя Бакунин постоянно указывает на относительность этой свободы воли и на безусловную зависимость ее от мировой причинности). Вочеловечивание человека возможно лишь на основе обеспечения его хлебом и досугом, удовлетворения его потребностей как живого и мыслящего существа: хлеб нужен ему как животному существу, досуг – как собственно человеку, то есть существу мыслящему и свободному. Бакунин утверждает, что разум – «главное орудие человеческого освобождения», а

“ «труд есть то творческое деяние человека, коим он созидает свой мир, основание и условие своего человеческого существования и завоевывает одновременно свою свободу и свою человечность» (28; 45).

Мысль выделяет человека из царства животных, но идеальный акт мысли материализуется в человеческом труде, посредством коего постоянно расширяется сфера «человечности».

Бакунин пишет:

“ «вся история человека – не что иное, как его постепенное удаление от чистой животности путем созидания своей человечности» (28; 60). «Иные же настолько счастливы открытием родства человека с гориллой, что хотели бы навсегда сохранить его в состоянии животного, отказываясь понять, что все историческое назначение, все достоинство и свобода человека заключается в удалении от этого состояния» (28; 69). «Неосознанный, рутинный, монотонный труд животного преобразуется в труд, побеждающий и покоряющий мир» (234; 270).

Итак, человеческое общество вырастает из природного мира и является той «второй природой», той средой, в которой и зарождается личность.

“ «Человеческое общество предшествует пробуждению разума и свободной воли. Человек инстинктивно, неизбежно является социальным существом» (234; 269-270).

Следовательно, по Бакунину,

«общество одновременно и предшествует и переживает всякого человеческого индивида, как сама природа... Оно создает и формирует всех индивидов, рождающихся и развивающихся в его недрах» (234; 504-505).

Не ограничиваясь указанием на формирование «человечности» из «животности» в масштабах всего человечества, Бакунин исследует проблему формирования индивидуальной человеческой личности. Исходным пунктом для него и здесь является безусловная тотальность Природы, мировой причинности, отвергающая все сверхъестественное:

“ «всякий человек без исключения является не чем иным, как неизбежным продуктом той естественной и социальной среды, в которой он родился, вырос и живет» (234; 331).

Бакунин полагает, что

“ «всякий человеческий индивид в любой данный момент своей жизни есть лишь равнодействующая всех причин, оказавших действие на его рождение и даже прежде его рождения, равнодействующая, которая совокупляется со всеми условиями его последующего развития, а также со всеми обстоятельствами, которые воздействуют на него в данный момент» (234; 345, см. также 28; 110-111).

Отрицая учение о «врожденных идеях», будто бы вечно присутствующих в сознании личности, Бакунин высказывает мысль о том, что сходный опыт, повторяясь бесчисленное число раз, накапливается в сознании людей, и

“ «каждое новое поколение находит в своей колыбели мир идей, представлений и чувств, которые переданы ему в форме общего наследия умственной и преемственной работой всех прошлых поколений» (234; 358), причем эти мысли воспринимаются детьми как естественные и единственно возможные, «еще до того, как дети доходят до самосознания».

Однако личность, разумеется, не является механическим продуктом суммы воздействовавших на нее причин (Бакунин подчеркивает, что этих причин бесчисленное множество, их нельзя целиком учесть и постичь, и что каждая личность уникальна и единственна, формируясь под воздействием причин,

«сумма которых комбинируется в единое живое Существо и индивидуализируется в первый и в последний раз в потоке универсальных трансформаций только в этом ребенке, который, в узком значении этого слова, никогда не имел и не будет иметь себе подобного» (28; 112)).

Но, однажды появившись в мире, личность сама становится важным фактором мирового целого и, воздействуя на окружающее, одновременно начинает сама формировать себя:

“ «Человек может таким образом стать до определенной степени своим собственным воспитателем, своим собственным инструктором и как бы творцом самого себя» (234; 364).

Следовательно, наряду с биологической и социальной детерминацией личности, с развитием самосознания и свободы возникает самодетерминация этой личности.

Учение Бакунина о формировании личности сочетает в себе материалистически-детерминистское начало, включающее личность в поток всеобщей причинности, и творчески-свободное начало, указывающее на самоценность и неповторимость каждой личности: единственной, непостижимой до конца и самостоятельно творящей самое себя. Так Бакунин счастливо избегает и штирнеровской беспричинности и абсолютной единственности «я», непонятно как возникающего и находящегося вне природного и общественного контекста, и прудоновского растворения личности в природе и обществе. Он указывает и на ценность, единственность и свободу личности (как Штирнер), и на ее изначальную взаимозависимость с окружающим природным и человеческим миром (как Прудон). Природа дает материальную основу личности; Общество формирует личность путем воспитания, дает личности некую сумму идей и ценностей, существующих в данном обществе; затем бесконечное число причин, случайностей и обстоятельств оставляют свои отпечатки на формирующейся личности, которая, наконец, обретая самосознание и «выходя из самой себя», частично принимая, частично отвергая то, что ей навязывают ее собственная «животность» и «общественность», сама становится собственным творцом.

Полемизируя против учения о нематериальной душе и опираясь на новейшие достижения физиологии и психологии (в частности, на работы И.М.Сеченова), Бакунин порой впадает в вульгарно-материалистические крайности, объясняемые как жаром полемики, так и уровнем науки его времени:

“ «то, что мы называем умом, воображением, памятью, ощущением и волей, является в наших глазах лишь различными способностями, функциями или видами деятельности человеческого тела» (28; 49).

Если, как мы видели, Прудон и Годвин при рассмотрении психологии личности на первый план безусловно выдвигают разум, рациональное, то Бакунин, при всем его уважении к человеческой мысли, однако, указывает на огромное значение иррационального, инстинктивного, художественного и страстного начала в личности. Сам будучи человеком огромных страстей, он многие страницы своих работ посвящает описанию «народных инстинктов» или «революционной страсти» в борьбе за свободу. «Инстинкт», будучи чем-то еще до-сознательным и под-сознательным, промежуточным звеном между бытием личности и народа и их мыслью, непосредственно отражая жизнь и чаяния людей, играет в учении Бакунина огромную роль. В народе бунтарский «инстинкт» во многом заменяет образование, является проявлением мудрости и выражением памяти народа; в личности «инстинкт», обусловленный социальным, национальным, классовым положением, важнее, чем все умозрительные теории. Так, буржуа потому редко становятся вполне искренними и последовательными революционерами, полагает Бакунин, что их среда, привычки, воспитание вырабатывают у них инстинктивные устремления, далекие от народных стремлений – и все же личность способна до известной степени контролировать и преобразовывать свои «инстинкты». У революционера личная страсть, волевое начало играют огромную роль – подчеркивает Бакунин, – ибо революционер (как и всякий человек) идет от жизни к мысли, а страсти, воля, инстинкты непосредственно коренятся в жизненном потоке.

Однако, отдавая должное иррационально-страстному началу в личности, Бакунин почти столь же высоко ставил и мысль, способность к «отвлечению». Динамику взаимодействия между мыслью и волей в личности он выразил следующим образом. Благодаря способности отвлечения,

“ «человек, если можно так выразиться, раздваивается и, отделившись от себя в себе самом, он в некотором роде возвышается над своими собственными внутренними движениями, над ощущениями, которые он испытывает, поднимающимися в нем инстинктами, позывами, желаниями... Это дает ему возможность сравнивать их друг с другом, так же как он сравнивает внешние объекты и внешние движения, и вступаться за одних против других в соответствии с идеалом справедливости и блага или в соответствии с доминирующим чувством, которое развили и упрочили в нем влияние общества и особые обстоятельства. Эта способность вступаться в пользу одной или нескольких движущих сил, которые действуют в нем в определенном направлении против других также внутренних и определенных движущих сил, называется волей» (234; 360).

По нашему мнению, и в своем психологическом учении о личности Бакунин – значительно глубже как Штирнера, так и Прудона, с их односторонними пристрастиями – сугубо волюнтаристскими у первого, и сугубо рационалистическими – у второго.

Для понимания взглядов Бакунина на личность очень показательным его отношение к искусству и науке. Как мы помним, Прудон однозначно подчиняет рациональной и

непоколебимой науке «подозрительное» иррационально-индивидуалистическое искусство и ставит искусство намного ниже науки, так же как страсть – ниже мысли, а личное – ниже общезначимого. Бакунин придерживается совсем иного мнения. Он провозглашает независимость искусства (как и жизни) от науки. Точно возражая Прудону (на самом деле, здесь он полемизирует с позитивистами), он вопрошает:

“ «...разве великие поэты ждали когда-нибудь открытия наукой законов поэтического творчества для создания своих шедевров?... Разве какая-нибудь теория вдохновляла Шекспира?... И чем бы было произведение искусства, созданное по правилам самой лучшей эстетики в мире? Скажем еще раз: чем-то ничтожным!» (28; 51).

Вот как показывает он соотношение науки (абстрактно-логической, общей и мертвой) с искусством (эмоционально-страстным, типически-индивидуальным и живым):

“ «Наука не может выйти из области отвлеченностей. В этом отношении она бесконечно ниже искусства... Оно (искусство – П.Р.) в некотором роде индивидуализирует типы и положения, которые восприняло, и этими индивидуальностями без плоти и костей, которые являются в силу того постоянными или бессмертными, и которые оно имеет силу творить, оно напоминает нам живые, реальные индивидуальности, появляющиеся и исчезающие у нас на глазах. Искусство есть, следовательно, в некотором роде, возвращение абстракции к жизни. Наука же, напротив, есть вечное приношение в жертву быстротечной, преходящей, но реальной жизни на алтарь вечных абстракций» (234; 478).

Мы можем теперь остановиться на рассмотрении того, как Бакунин решает проблему: наука и личность. Этой теме посвящены несколько ярких страниц в его произведениях. Как жизнь богаче мысли и науки, так личность, частная, единичная, реальная, живая – богаче и выше «общего», которое есть лишь продукт мысли и абстракции, – неоднократно подчеркивал Бакунин (см., например, 28; 75). Уже в феврале 1841 года в письме к своей сестре Татьяне «Мишель» писал:

“ «Все великое, таинственное и святое заключается единственно лишь в том непроницаемом и простом своеобразии, которое мы называем личностью. Общее, взятое абстрактно по себе, что бы о нем ни говорить, остается поверхностным, плоским и мертвым» (234; 199). Позднее он неоднократно возвращался к этой мысли: «Жизнь – это непрерывный переход от индивидуального к абстрактному и от абстрактного к индивиду. Это второй момент, которого не хватает науке: оказавшись в абстрактном, она уже не

может из него выйти» (234; 549-550).

Но, помимо того, что наука, как общее, не постигает единичного и реального во всей его полноте, наука также, как чистая мысль и логика, не постигает иррационального, нелогичного, страстного в личности, она по определению вне морали, вне человечности, – добавляет Бакунин. Безличная и бездушная наука сознает индивидуальность «лишь как принцип», но не «как факт» и потому

“ «занимается индивидами вообще, но не Петром и Яковом, не тем или другим индивидом, не существующим, не могущим существовать для нее. Повторяю, индивиды, с которыми она может иметь дело, суть лишь абстракции... Для этих же существ, состоящих не только в идее, но реально из плоти и крови, наука – нечто бессердечное. Она рассматривает их самое большее как материал для интеллектуального и социального развития. Что ей до частных условий и до мимолетной судьбы Петра или Якова?» (234; 478-479).

Если бы наука получила власть над судьбами людей, если бы к власти пришли «ученые» «специалисты» (как того хотели позитивисты и марксисты), то наука бы игнорировала личность, а ее представители использовали личностей как подопытных кроликов, во имя науки. Поэтому, убежден Бакунин, наука

“ «признавая свою абсолютную неспособность сознать реально индивидов и интересоваться их судьбой, должна окончательно и бесповоротно отказаться от управления обществом; ибо, если бы она вмешалась, то не могла бы делать это иначе, чем принося всегда в жертву живых людей, которых она не знает, своим абстракциям, составляющим единственный законный предмет ее изучения... Индивиды неуловимы для мысли, для рефлексии и даже для слова человеческого, которое способно выражать лишь абстракции...» (234; 482).

Почему это учение Бакунина о невозможности для науки постичь человеческую личность и предписывать ей правила поведения представляется нам принципиально важным? Потому, что оно во многом «нейтрализует» и «уравновешивает» бакунинское учение о включении личности во всеобщую причинность. Элементы агностицизма и иррационализма, оплодотворяя бакунинскую мысль, уравновешивают ее материализм, рационализм и детерминизм. Если рационалисты: просветители XVIII века, Гегель, Годвин, Прудон и другие постулировали закономерность и постижимость всего происходящего (что автоматически исключало сколько-нибудь значительную роль личности), то Бакунин, как мы видим, признает всеобщую обусловленность и закономерность, но не делает из этого признания

антиперсоналистических выводов в духе Гегеля или даже Прудона. Всеобщая взаимосвязь есть, но она непостижима, наука не может повелевать личностью и постигать ее; а значит, – личность свободна (в пределах всеобщей причинности), активна и самоценна, она, не дожидаясь рецептов и предписаний науки, на свой страх и риск, исходя из своего «практического», а не «теоретического разума», создает свой мир, свои ценности посредством мысли и бунта, труда и борьбы.

Но непостижимость для мысли и науки человеческой личности во всей ее своеобразной уникальности, полноте и глубине не означает, по мнению Бакунина, того, что личность абсолютно никак не проявляет себя и отгорожена от мира китайской стеной. Личность сочетает в себе конечное и бесконечное, обусловленное и свободное, внутреннее и внешнее, причем одно всегда проявляется через другое. Человеческая личность понимается Бакуниным не как нечто метафизически застывшее (как ее понимали В.Годвин и П.Ж.Прудон), но как развивающееся, борющееся, «выходящее из себя» и превосходящее себя начало, имеющее сложную динамику. Личность никогда не может быть только «вещью в себе» – утверждает Бакунин: ее внутреннее «сокровенное бытие» всегда так или иначе подвергается внешним воздействиям и, в свою очередь, проявляет себя через внешнюю деятельность – через общение, создание произведений, через труд:

“ «Ведь если человек совершенно ничего не делает и вместе с тем ничего не пишет и ничего не говорит, то, будьте уверены, он также ничего не изобретет, и в нем не совершается никакая внутренняя подготовка» (234; 437).

II. Бог, Государство и Личность.

Антропологическое учение М.А.Бакунина констатирует тот факт, что, преодолевая, посредством абстрактной мысли и сознательного труда, «животное рабство», человек, на пути обретения своей человечности, попадает сначала в «государственно-божественное рабство» – в полную зависимость от Бога и государства, выражающих бесчеловечный принцип авторитета и порабащающих человека духовно и материально. «Бог и Государство» – одна из главных тем философии Бакунина, подробно рассматривающего связь двух основных врагов человеческой свободы: религии и власти. Остановимся на аспектах его учения о Боге и государстве, относящихся не к «человеку вообще» (к человечеству в целом), но к отдельной личности. Бакунин показывает как причины государственно-религиозного порабощения личности, так и возможные пути преодоления этого порабощения и обретения личностью своей человечности и свободы (человечность и свобода – синонимы для великого вольнолюбца).

Бакунин всесторонне и подробно показывает гносеологические, психологические, аксиологические и социально-исторические корни религии, связь Церкви и Государства, исследует генезис и развитие религии, роль ее в современном обществе и пути преодоления. По мнению Бакунина, психологическим и гносеологическим основанием возникновения религии является чувство зависимости личности от окружающего мира.

Животные инстинкты: чувство самосохранения, страх, с пробуждением человеческой мысли трансформируются в ощущение единства и величия мироздания и полной зависимости личности от мира.

“ «...Какова действительная сущность всякой религии? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящего индивида от вечной и всемогущей природы... Религия – это первое пробуждение разума..., но пробуждение в неразумной форме. Религия... начинается со страха» (28; 63).

Такова психологическая основа религии; и человек, развиваясь, переносит свой образ и свои достижения на «Небо», приходя к идее антропоморфного Бога – абстрактного, персонифицированного и совершенного:

“ «Бог – это неограниченный грабитель, и так как антропоморфизм составляет самую сущность всякой религии, небо, место пребывания бессмертных богов, является просто кривым зеркалом, которое посылает верующему человеку его собственное отражение в перевернутом и увеличенном виде» (28; 82).

Но, подобно тому, как человек должен отвоевать у Природы свое человеческое «пространство», уменьшая свою зависимость от внешних обстоятельств, он должен изжить и порождаемое этой зависимостью религиозное чувство.

Трактуя Бога как отчужденную человеческую сущность, Бакунин во многом следует за Фейербахом; но, в отличие от него придает отрицанию Бога типичный для него страстный и боевой характер и подробно анализирует социально-исторические корни религии. Религия, подобно государству, является злом, но злом исторически неизбежным, которое, однако, в современную эпоху должно быть однозначно отвергнуто (как и государство). Социально-историческими причинами появления и господства религии, по Бакунину, являются как заинтересованность власть имущих в божественной санкции своего господства, так и стремление народных масс найти какую-то «отдушину» в своей безысходной реальной жизни (если Маркс называл религию «опиумом народа», то Бакунин ставит церковь в один ряд с кабаком). Церковь и государство – два взаимоосвящающих и взаимоподдерживающих института, два столпа современного общества, пишет Бакунин:

“ «исторический опыт и логика доказали, что достаточно одного господина на небе, что бы создать тысячи господ на земле» (28; 57). Надо не просто просвещать людей (хотя невежество масс, по Бакунину, – одна из причин религиозности народа), но изменить земную жизнь народа – «окончательно освободит его от всякой религии только Социальная Революция» (28; 143).

Бакунин подробно критикует отношение к религии собственно теологов, а также идеалистов-метафизиков (идеализм трактуется им как рационализированная теология) и позитивистов, анализирует и подвергает разрушительной критике основы христианской этики и основу основ ее – отношение верующего к Богу. Бакунин убежден в том, что «сущность всякой религии» есть «унижение человечества к вящей славе божества» (234; 462). Ожесточенные атаки, которым Бакунин подвергает христианскую религию [101] с гносеологических, психологических, социальных и, прежде всего, практически-этических позиций, вызваны его убеждением в том, что христианство является идейным обоснованием несвободы, несправедливости, неравенства и безличности людей:

“ «Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если Бог – истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Неспособный сам отыскать путь справедливости и истины, он должен получить их, как откровение свыше, через посланников и избранных божьей милости... Все люди обязаны абсолютно верить и абсолютно им повиноваться; рабы Божьи, люди должны быть также рабами Церкви и, с благословения Церкви, рабами Государства... Существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству... Бог существует, значит, человек – раб. Человек разумен, справедлив, свободен, – значит – Бога нет!» (28; 43-44).

Из этого не следует, что Бакунин считал существующих людей совершенными, – просто он был убежден, что люди могут совершенствоваться, освобождаться, расти, преодолевая свои пороки и слабости, изживая свою животность, тогда как вера в совершенство Бога и несовершенство человека освящает людской конформизм и существующую несправедливость, как нечто единственно возможное. Вера в совершенство Бога позволяет человеку отказываться от стремления к собственному совершенству, к большей свободе – вот что вызывало наибольший протест со стороны Бакунина!

Михаил Александрович в своих рассуждениях специально останавливается на христианской мысли о том, что «Бог есть Любовь» и задается вопросом о том, какой может быть эта любовь. Рассматривая взаимоотношения личности верующего с Богом, он утверждает, что они носят лицемерно-рабский характер:

“ «истинная, реальная любовь, выражение взаимной и равной любви может существовать лишь между равными. Любовь высшего к низшему есть гнет, подавление, презрение, эгоизм, гордость, тщеславие, торжествующее в чувстве величия, основанного на унижении другого. Любовь низшего к высшему – это унижения, страхи и надежды раба, ждущего от своего

господина то счастья, то несчастья. Таков характер так называемой любви Бога к людям и людей к Богу. Это – деспотизм одного и рабство других» (234; 519-520).

После всего сказанного неудивительно, что богоборец-Бакунин, считающий «антитеологизм» одним из важнейших принципов своего мировоззрения и ставящий практические выводы выше теоретических обоснований, отважно и запальчиво восклицает:

“ «ревниво влюбленный в человеческую свободу и рассматривая ее как абсолютное условие всего, чему мы поклоняемся и что уважаем в человечестве, я перевертываю афоризм Вольтера и говорю: если бы Бог действительно существовал, следовало бы уничтожить его...» (234; 461).

Коль скоро Бог понимается как «грабитель» и отчужденная человеческая сущность, то Бакунин ставит задачу возвращения «награбленного»:

“ «Мы считаем своим долгом, ввиду человеческой свободы, человеческого достоинства и человеческого благополучия, отобрать у неба блага, похищенные им у земли, чтобы возвратить их земле» (234; 462).

“ «Сегодня мир, как никогда, разделен на две системы, вечно противоположные: божественный принцип и гуманистический, принцип авторитета и принцип свободы» (234; 258). Первый из них исходит из того, что человек сам по себе плох и нуждается в божественном откровении, в Церкви и в Государстве. «Против этой человеконенавистнической и божественной власти мы выдвигаем великий революционный принцип свободы, достоинства и прав человека. Мы верим, что даже если человек зачастую плох и глуп, тем не менее в нем живет способность к разуму, склонность к добру» (234; 258).

В этой мысли Бакунина отражено его понимание «человечности» как явления, во-первых, динамичного, а не статичного, а, во-вторых, как потенции, присущей всем представителям рода человеческого. Зло в людях, полагает Бакунин, в значительной степени как раз и связано с воспитанием, средой, влиянием церкви и государства, с наличием в обществе неравенства и эксплуатации. Но это не означает обреченности человека на вечное рабство и несовершенство:

«Мы верим, что независимо от какого-либо божественного вмешательства в самом человеке заложена творческая активность и непобедимая внутренняя сила – она его сущность и его естество, которые на протяжении столетий неизменно влекут человечество к истине и добру» (234; 259).

На наш взгляд, на этих, в целом, верных высказываниях Бакунина, лежит отпечаток его эпохи, с некоторым преувеличением (социалистами) социального влияния на формирование личности (хорошее общество – хорошая личность), с оптимистическим прогрессизмом и фейербаховской «религией Человека» (против которой немало верных возражений было высказано Максом Штирнером).

Страстно отвергая персонифицированного христианского Бога, как воплощенного деспота, жандарма и палача человеческой свободы, Бакунин, однако, не отрицает религию вообще: для него характерны языческая религия безличной Природы и особенно религия Человека, Свободы и Революции. Бакунин проповедует

“ «истинную религию, религию не небесную, а земную; не божественную, а человеческую – религию исполнения предназначения человечества на земле» (234; 268).

Сперва социальная революция, а затем широкое просвещение и осуществление на земле того, что религиозная фантазия всегда переносила на небо, по убеждению Бакунина, уничтожит все (гносеологические, психологические и социальные) предпосылки существования христианской религии. Поэтому, писал Бакунин:

“ «По моему глубокому убеждению, за всеми божественными религиями должен последовать Социализм, который, взятый в религиозном смысле, есть вера в исполнение предназначения человека на земле» (234; 265, см. также 28; 58).

На формирование бакунинской «религии Человека», помимо идей Фейербаха, большое влияние оказало учение Фихте о воплощении Бога в людях. По наблюдениям В.В.Зеньковского, для Бакунина на протяжении всей его жизни была характерна внецерковная, «секулярная религиозность». «Романтизм его был всю жизнь (даже в период принципиального атеизма) окрашен религиозно, но в религиозности Бакунина, даже в период самой пламенной обращенности его души к Богу, не было ни грамма церковности» (122; 48-49). Уже в молодости Бакунин трактовал Бога по фихтеански, исключительно в антропологическом и этическом смысле, далеко от церковной ортодоксии. В самых ранних своих письмах (1835 и 1836 гг.) Бакунин пишет о том, что его Бог – «не тот Бог, которому молятся в церквях», «но тот, который живет в человечестве» (234; 63) и что он желает

«перенести небо, Бога... на нашу землю, возвысить практическую жизнь; поднять землю до неба» (234; 64). Он гордо заявляет: «Я – человек, и я буду Богом» (234; 70). Разумеется, подобное антропоцентристское и гуманистическое понимание Бога весьма далеко от православного смирения и самоуничижения личности перед Господом.

Впоследствии воинствующий «антитеологизм» и богоборчество сочетались у Бакунина с проповедью «религии социализма», «религии свободы» и «религии человека». Но религиозность, как жажда полноты и цельности жизни, как безусловная и цельная вера, была всегда органично присуща личности и воззрениям Бакунина, понимавшего ограниченность науки, рационального восприятия мира, и огромное значение волевого, страстного, безусловно-стихийного начала в личности. Религиозность Бакунина с первых до последних его дней была резко антропоцентричной, но, если сначала он считал Бога растворенным в людях, то затем он восстал против этого небесного тирана во имя божественной потенции земных людей.

Бакунинские сочинения проникнуты жаждой осуществления царства Божия (Человека) на земле, предчувствием антропологического переворота и появления человекобожества. Эта тема появляется и в его гипотезе о возможности возникновения «сверх-человека», и в его многократной проповеди «религии человека». В письме 1849 года повторяется та же страстная тема искания совершенства и абсолюта в человеке:

“ «Я ищу Бога в людях, в их свободе, теперь еще я ищу Бога в революции» (234; 247).

Человеческая личность должна стать такой же свободной и совершенной, какой до этого слабые люди представляли себе лишь всемогущего Бога – таково глубочайшее убеждение, исповедуемое им.

Но на пути к этой свободе и к этому совершенству, помимо призрачного небесного тирана – Бога: квинтэссенции человеческой несвободы, зависимости и слабости, – человеческой личности преграждает путь другой враг, могучий, реальный и сакрализированный, тесно связанный с Богом и освящаемый Его авторитетом – Государство.

В произведениях Бакунина дана разносторонняя, подробная и глубокая критика Государства – как в общетеоретическом плане, так и в конкретно-историческом.

В сочинениях Бакунина показана вся чудовищность воздействия, оказываемого на личность государством, порабащающим, насилующим, развращающим эту личность:

“ «Свобода в Государстве есть ложь» (24; 94). «Государство является... господством и эксплуатацией, возведенным в правило и систему» (28; 107).
Закон самосохранения и расширения есть высший закон

существования государства, противопоставляющего себя как человечеству в целом, так и отдельным личностям. Поэтому «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных» (28; 92-93).

Чрезвычайно негативно влияние государства на нравственность личности, поскольку государство по самой своей природе

“ «отнюдь не склонно убеждать, но лишь принуждать и заставлять; как оно ни старается замаскировать свою природу, оно остается легальным насильником воли людей, постоянным отрицанием их свободы. И даже когда оно приказывает что-либо хорошее, то обесценивает и портит это хорошее потому, что приказывает, и потому, что всякое приказание возбуждает и вызывает справедливые бунты свободы, и потому еще, что добро, раз оно делается по приказу, становится злом с точки зрения... человеческого самоуважения и свободы» (234; 505).

Творя чудовищный и своекорыстный произвол над народной жизнью и над человеческой личностью, государство напыщенно именует этот произвол «законом».

Государство является не чем иным, как

“ «официальной и правильно установленной опекой меньшинства компетентных людей... чтобы надзирать за поведением и управлять поведением этого большого неисправимого и ужасного ребенка – народа» (234; 464).

Причем, замечает Бакунин, это опека стремится сама себя увековечить, и «ребенок» никогда не достигнет совершеннолетия, пока над ним господствует эта опека, исходящая из принципиального убеждения в несuverенности личности и народа. Бакунин указывает на эту философскую предпосылку всякой государственной идеологии в следующих выразительных словах:

“ «Назначение Государства не ограничивается обеспечением защиты своих членов от всех внешних нападений, оно должно еще во внутренней жизни защищать их друг от друга и каждого – от самого себя. Ибо Государство, – и

это его характерная и основная черта, – всякое государство, как и всякая теология, основывается на предположении, что человек, в сущности, зол и плох» (28; 97).

Поэтому, по уверению государственников:

“ «государство при своем рождении находит человека уже дурным и берется сделать его хорошим, т.е. превратить естественного человека в гражданина... С точки зрения государства, добро рождается не из свободы, а, наоборот, из отрицания свободы» (28; 98).

Так Бакунин показывает, что, подобно тому, как наличие совершенного и всемогущего Бога оправдывает и предполагает вечное несовершенство и рабство человека, точно также наличие всеблагого и суверенного государства предполагает вечное несовершеннолетие и несuverенность личности. Следовательно, личность для того, чтобы обрести себя, должна разрушить государство, точно так же, как она должна отказаться от служения Богу.

Но что представляет собой государство по отношению к отдельной личности? – задается вопросом Бакунин. И отвечает:

“ «Сумму отрицаний индивидуальных свобод всех его членов; или же сумму жертв, которые приносят его члены, отказывающиеся от части своей свободы ради общего блага... Это отрицание свободы каждого во имя свободы всех или общего права, – это и есть Государство. Итак, там, где начинается Государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что Государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это все. В силу естественного, необходимого и непреодолимого хода вещей вся моя свобода концентрируется именно в той части, которую вы удаляете, сколь бы малой она ни была» (28; 88-89).

Бакунин завершает, начатую уже Штирнером и Прудоном полемику с Руссо и его последователями: в защиту свободного «человека» против «гражданина» государства. Он продолжает и углубляет аргументацию против учения Руссо о договоре, создающем государство. Если Прудон критиковал преимущественно несвободный характер руссоистского централизованного государства, то Бакунин обращает внимание еще на одно слабое место позиции своего оппонента:

«Предполагается, что индивиды до заключения этого договора пользуются абсолютной свободой, ибо согласно этой теории только естественный, дикий человек совершенно свободен».

Бакунин издевается над этой мифической

“ «естественной свободой, которая является лишь абсолютной зависимостью человека-гориллы от постоянного давления внешнего мира» (28; 86-87).

Если Руссо и его последователи исходят из крайнего индивидуализма и приходят к крайнему деспотизму, заставляя своего «свободного» внеобщественного человека, заключая договор, отказываться от своей свободы, то Бакунин, напротив, исходит из несвободного человека, томящегося в рабстве своей первобытной животности и деспотического государства, но, по мере осознания своеобразия своей личности, в союзе с другими личностями и внутри общества, через него, а не вне его – обретающего свободу и отрицающего государство и животность.

Что же касается руссоистского культа «гражданина», то Бакунин, персонифицируя эту идею, представляет на страницах своих работ тонкий психологический портрет подобного гражданина. Великий анархист безоговорочно осуждает «чистый республиканизм» Руссо, Робеспьера и их последователей, тот «республиканизм», который

“ «почти не принимает в расчет человека, а признает лишь гражданина» (28; 32).

Такой идеальный гражданин – идеальный слуга государства –

“ «политический республиканец сам по себе не является... эгоистом лично для себя, но он должен им быть для отечества, которое должен ставить в своем собственном сердце выше себя самого, выше всех индивидуумов, выше всех наций в мире, выше всего человечества... Для политического республиканца свобода лишь пустой звук; это свобода быть добровольным рабом, преданной жертвой государства; готовый всегда пожертвовать ради него собственной свободой, он легко жертвует и свободой других» (28; 33).

Поэтому Бакунин высказывается за

«отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность», против патриотизма как государственно-националистически-милитаристской идеологии рабства и ненависти (см. 357; Т.3; 200).

Бакунин язвительно бичует патриотизм, являющийся «священной коровой» государственной идеологии, тем мировоззрением, которое государство стремится любой ценой привить личности, противопоставив ее другим личностям и народам «чужих» государств:

“ «Настоящий патриотизм, чувство, разумеется, весьма почтенное, но вместе с тем узкое, исключительное, противучеловеческое, нередко просто зверское. Последовательный патриот только тот, кто, любя страстно свое отечество и все свое, также страстно ненавидит все иностранное, ни дать ни взять, как наши славянофилы» (28; 305). «Это вопиющее отрицание человечности, составляющее сущность Государства... называется патриотизмом и составляет всю трансцендентную мораль Государства» (28; 93).

При помощи патриотических чувств личность превращается в раба государства, и оправдываются любые злодеяния и преступления.

Бакунин не склонен демонизировать государство: он хорошо видит и причины его появления, историю его развития, и связанные с ним сословия и классы (при этом, в отличие от марксистов, Бакунин отлично понимал, что государство не является простым «орудием» в руках того или иного класса). Бакунин немало места уделил показу того влияния, которое власть оказывает на психологию личности – как подвластной, так и правящей. Говоря об

“ «особом развращающем воздействии власти, а также чрезвычайных искушениях, которым неизбежно подвергаются все люди, ею облеченные» (28; 103), Бакунин пишет: «Нет ничего более опасного для личной морали человека, чем привычка повелевать... Два присущих власти чувства всегда неизбежно ведут к этому разложению: презрение к народным массам и преувеличение своих собственных заслуг» (28; 108). Поэтому правители оказываются, в известной мере, «жертвами» собственной власти и собственных привилегий: «Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках и губит того, кто ей подчинен» (28; 136). «Природа человека, всякого человека, такая, что дайте ему власть над собою, он вас притеснит непременно, поставьте его в положение исключительное, вырвите его из равенства, он сделается негодяем. Равенство и безвластие – вот единственные условия нравственности для всякого человека» (28; 165-166).

Люди, принадлежащие к привилегированным классам, благодаря досугу, являются более цивилизованными, образованными и развитыми, чем народные массы – но зато привилегии и бездеятельность, а также узкое сословное своекорыстие ведут их неизбежно к «испорченности, отупению и вырождению». И напротив, трудящиеся, не имея досуга и занимаясь непрерывным трудом, находятся в состоянии «варварства» и невежества, рабства и забитости. Тем не менее, пишет Бакунин,

“ «при отсутствии образования рабочий обладает тем огромным преимуществом, что его нетронутые ум и сердце не были развращены эгоистическими интересами и корыстной ложью, что он сохранил в себе неиспользованной всю природную энергию, между тем как все привилегированные классы вырождаются, слабеют и загнивают... в силу этого только рабочему принадлежит будущее» (234; 335-336).

Не удивительно, что после такого всестороннего анализа взаимоотношений личности и государства, Бакунин не мог обманываться иллюзиями государственного социализма. Государство не может «отмереть», представители рабочих, оказавшись у власти, мгновенно «переродятся», государственное управление трудящимися приведет лишь к новому, худшему рабству народа – убедительно показал Бакунин в своих работах, развенчивая вейтлинговские, марксистские и лассальянские утопии. Продолжая прудоновскую традицию, Бакунин восстает против государственного социализма в защиту прав личности.

“ «Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому, что для меня непонятна человечность без свободы» (цит. по 357; Т.2, 404). «Мы решительно отклоняем всякую попытку социальной организации, которая, будучи далеко от самой полной свободы как индивидов, так и ассоциаций, требовала бы какого-нибудь регламентирующего авторитета. Во имя свободы, которую мы признаем как единственную основу и единственный законный творческий принцип всякой организации, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь будет похоже на государственный социализм или коммунизм» (28; 40).

Впоследствии, несколько огрубляя и утрируя, но в целом верно передавая принципиальные позиции сторон, П.И.Новгородцев так охарактеризовал отношение к личности бакунинского и марксового социализма:

“ «Анархизм Бакунина идею планомерного устройства общества заменял верой в зиждительную силу безусловной свободы, в творческий разум освобожденной от всяких уз личности. Социализм Маркса отправлялся от начал противоположных: не свобода личного творчества, а планомерность

общественной организации, не абсолютизм личности, а торжество общественности лежит в его основе» (267; 320-321).

III. Личность и Общество.

Рассматривая ранее проблему формирования личности в сочинениях Бакунина, мы показали, что, по мнению русского анархиста, общество, также как и природа, – «естественная» среда формирования и существования личности; вне общества личность просто немыслима.

Бакунин отрицает как крайний индивидуализм, обосновывающий изоляцию и атомизацию личностей, так и деспотизм, поработивший личность и сводящий ее к простой функции, инструменту, органу общества. Свободное общество многообразных и свободных личностей – таков общественный идеал великого бунтаря. Поэтому нам представляется совершенно неверной точка зрения Н.М.Пирумовой, писавшей о «подходе Бакунина к личности только как к части общества» (295; 137).

Библиография

1. Адлер Г. Анархизм. Пб., 1920.
2. Адо П. Плотин или Простота взгляда. М., 1991.
3. Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западноевропейский и русский утопический социализм Нового Времени. М., 1991.
4. А.К. Отдельные анархисты и анархические группы 60-70-ых гг. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб. статей под ред. Алексея Борового). М., 1926.
5. Акай Л. Каков же настоящий Кропоткин? // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
6. Алданов М. Истоки. Т.1-2. М., 1991.
7. Александрова З.А. К вопросу о взглядах П.А.Кропоткина на формирование личности // Социально-философские проблемы формирования личности (межвузовский сб. научных трудов). М., 1986.
8. Александрова З.А. Философские и общественно-политические воззрения П.А.Кропоткина. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук М., 1987.
9. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1993.

10. Анархисты в Октябрьской революции. (Документы Московской Федерации анархистских групп). Публикация И.М.Зайченко. // Голоса истории. Музей Революции. вып. 23., Кн. 2. М., 1992.
11. Андерсон В.М. М.А.Бакунин. СПб., 1906.
12. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.
13. Аникин А. «Я сделал все что мог...» // Кропоткин П. Дневники разных лет. М., 1992.
14. Антиутопии XX в. М., 1989.
15. Антонов В.Ф. Н.Г.Чернышевский о русской истории. М., 1984.
16. Арзамасцев А.М. Казарменный «коммунизм». Критический очерк. М., 1974.
17. Арну А. Народная история Парижской Коммуны. Пг., 1919.
18. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
19. Артемов В.М. Проблема свободы: М.А.Бакунин и П.А.Кропоткин. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
20. Аршинов П. История Махновского движения (1918-1921). Запорожье, 1995.
21. Атабемян Ал. Вопросы теории и практики. М., 1918.
22. Бакунин М.А. Бог и Государство. М., 1906.
23. Бакунин М.А. Воззвание к славянам. Берлин, 1904.
24. Бакунин М.А. Государственность и Анархия. // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т.1. Пб.-М., 1922.
25. Бакунин М.А. Исповедь. // Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.
26. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем (под ред. и с примеч. Ю.М.Стеклова). Т.1-4. М., 1934-1935.
27. Бакунин М.А. Усыпители. СПб., 1906.
28. Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989.
29. Баталов Э.Я. В мире утопии. М., 1989.

30. Белоцерковский В. Самоуправление. Будущее человечества или новая утопия? М., 1992.
31. Бер М. История социализма в Англии. Т.1. М.-Пг., 1923.
32. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. // Пророческие слова о русской революции. А.И.Герцен, В.Г.Короленко, Н.А.Бердяев. (составитель А.А.Слинько). Воронеж, 1992.
33. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
34. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990.
35. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
36. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
37. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
38. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993.
39. Берлин П.А. Апостолы анархии. Бакунин, Кропоткин, Махаев. Пг., 1917.
40. Бернштейн Эд. Анархизм. СПб., 1907.
41. Бланки Л.О. Избранные произведения. М., 1952.
42. Блауберг И.И. «Выбор – в твоих руках»... // Вопросы философии. 1991. № 11.
43. Блок А.А. Михаил Александрович Бакунин. // Блок Александр. Собрание сочинений в шести томах. Т.4. Л., 1982.
44. Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах. М., 1970-1978.
45. Бонташ П.К., Прозорова Н.С. Томас Мор. М., 1983.
46. Борисенок Ю.А., Олейников Д.И. Михаил Александрович Бакунин. // Вопросы истории. 1994. № 3.
47. Боровой А. Анархизм. М., 1918.
48. Боровой А.А. Бакунин. М., 1994.
49. Боровой А.А. Власть. // Анархия и Власть., М., 1992.

50. Боровой А.А. Детермизм и фатализм. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр.136.
51. Боровой А.А. История социализма и анархизма в их взаимоотношении. Лекции, прочитанные в Московском университете. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр. 89.
52. Боровой А.А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. Пб.-М., 1920.
53. Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. М., 1906.
54. Боровой А. Проблемы личности в учении Кропоткина. // Петр Кропоткин (сб.статей под ред. А.Борового и Н.Лебедева). Пб.-М., 1922.
55. Боровой А.А. Разговоры о живом и мертвом. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр.108.
56. Боровой А.А. Рассуждение о пессимизме. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр.138.
57. Боровой А.А. Революционное мирозерцание. М., 1907.
58. Боровой А. Революционное творчество и парламент (революционный синдикализм). М., 1917.
59. Боровой А.А. Роль личности в истории. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр.131.
60. Боровой А.А. Философия актуализма. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр.135.
61. Боровой А.А. Фрагменты о «зле». РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр. 139.
62. Боровой А.А., Лебедев Н.К. Очерки истории анархического движения в России. РГАЛИ. Фонд 1023. Описание 1. Ед.хр. 132.
63. Боровой А., Отверженный Н. Миф о Бакунине. М., 1925.
64. Бронский Н. Макс Штирнер. Его жизнь и учение. // Индивидуалист (сб.) М., 1907.
65. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
66. Будницкий О.В. П.А.Кропоткин и проблема революционного террора. // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. (Издание второе). Ростов-на-Дону, 1996.
67. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.
68. Викон О. Судьба книги Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Вып. 1. М., 1906.

69. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М., 1993.
70. Волгин В.П. История социалистических идей. Ч.1. М.-Л., 1929.
71. Волгин В.П. Очерки по истории социализма. М.-Л., 1935.
72. Волкин В.П. Социальные идеи В.Годвина. // Годвин В. О собственности. М., 1958.
73. Волков Г. Неистовый бунтарь. // Коммунист. 1989. № 12.
74. Волков Э.Г. Карл, ты не прав! (о переоценке полемики К.Маркса с Г.Гегелем и М.Бакуниным по проблеме правящие-управляющие-управляемые). // Кентавр. 1994. № 1.
75. Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 1991.
76. Володин А.И. Герцен. М., 1970.
77. Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910-1930-е годы. М., 1989.
78. Встань, человек! (сб.). М., 1986.
79. Вышеславцев Б.П. Этика Преображенного Эроса. М., 1994.
80. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
81. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI-XIX вв. Л., 1970.
82. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
83. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. М., 1994.
84. Гельвеций К.А. Счастье. М., 1987.
85. Герцен. А.И. Былое и думы. // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.5, 6, 7. М., 1975.
86. Герцен А.И. К старому товарищу. // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.8. М., 1975.
87. Герцен А.И. Концы и начала. // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т.5. М., 1959.
88. Гете И.В. Фауст. Петрозаводск, 1975.
89. Гильом Дж. Анархия по Прудону. Киев, 1907.

90. Гильом Дж. Интернационал (Воспоминания и материалы 1864-1878 гг.). Т.1-2. М.-Пб., 1922.
91. Гиммельфарб Б.В., Гохшиллер М.Л. Обзор литературы о Штирнере. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Ч.2. СПб., 1909.
92. Гиммельфарб Б.В., Гохшиллер М.Л. Основы учения Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. Ч.2. СПб., 1909.
93. Гладков Т. Взрыв в Леонтьевском. М., 1988.
94. Годвин В. О собственности. М., 1958.
95. Гордон А.В. Глубокая философия хрустально чистой души. // Анархия и Власть. М., 1992.
96. Гордон А.В. Кропоткин – теоретик. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
97. Горев Б.И. М.А.Бакунин. Его жизнь, деятельность и учение. Иваново-Вознесенск, 1922.
98. Горнфельд А. Жизнь Штирнера. // Штирнер Макс. Единственный и его собственность. М., 1918.
99. Горфункель А.Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
100. Грав Ж. Умиращее общество и анархия. М., 1917.
101. Графский В.Г. Бакунин. М., 1985.
102. Гридчин Ю.В. Социальная философия русского анархизма. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1984.
103. Гридчин Ю.В. Этика человечности. // Кропоткин П.А. Этика. М., 1991.
104. Гроссман-Рощин И. Мысли о творчестве П.А.Кропоткина. // Петр Кропоткин (сб.статей под ред.А.Борового и Н.Лебедева). Пб.-М., 1922.
105. Гроссман-Рощин И. Характеристика творчества П.А.Кропоткина. Пб.-М., 1921.
106. Гурболиков В. Кропоткин о терроре и революционной идее. // Община. 1990. № 45.
107. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
108. Де Роберти. Петр Кропоткин. Личность и доктрина. б/м., 1906.
109. Джангирян В.Г. Критика англо-американской буржуазной историографии М.А.Бакунина

и бакунизма. М., 1978.

110. Достоевский Ф.М. Бесы. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.7. Л., 1991.

111. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.9, 10. Л., 1993.

112. Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин. Казань, 1906.

113. Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975.

114. Дюркгейм Э. Социология. М., 1995.

115. Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л.Н.Толстого. М., 1992.

116. Жирар А. Краткий очерк происхождения и развития анархизма. М., 1906.

117. Жуковский Ю.Г. Прудон и Луи Блан. СПб., 1866.

118. Зайцев В.А. Проблема личности в идеологии революционного народничества. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1968.

119. Застенкер Н.Е. Идейное банкротство современного неопрудонизма. // Вопросы истории. 1968. № 9.

120. Застенкер Н.Е. Прудон и февральская революция 1848 г. // Французский ежегодник. 1960. М., 1961.

121. Зелетдинова Э.А. Проблема личности в социальной философии Н.К.Михайловского. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1992.

122. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1, Ч.2. Л., 1991.

123. Зильберман И.Б. Политическая теория анархизма М.А.Бакунина: критический анализ. Л., 1969.

124. Золотухина Н.М. Политические воззрения Вильяма Годвина. Диссертация на соискание ученой степени к.юр.наук. М., 1966.

125. Иванов В.П. О философском обосновании анархизма Бакунина. // Историко-философский сборник. М., 1969.

126. Исаев А.К. Кто победил? // Община. 1989. № 28.

127. Исаев А.К. Оценка М.А.Бакуниным теории и программы «государственного социализма». // Памяти М.А.Бакунина. М., 1990.
128. Исаев А.К., Олейников Д.И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении. // Вопросы истории. 1989. № 2.
129. Исаев А., Шубин А. В поисках социальной гармонии. // Исаев А., Шубин А. Демократический социализм – будущее России. М., 1995.
130. История политических и правовых учений: XVII-XVIII вв. (под ред. д.юр.наук, проф. В.С.Нерсисянца). М., 1989.
131. История политических и правовых учений (под ред. В.С.Нерсисянца). М., 1988.
132. История политических партий России (под ред. А.И.Зевелева). М., 1994.
133. История социологии. Минск. 1993.
134. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
135. Камю А. Избранное. М., 1990.
136. Камю А. Сочинения. М., 1989.
137. Кан С.Б. История социалистических идей (до возникновения марксизма). М., 1967.
138. Канев С.Н. Крах русского анархизма. // Вопросы истории. 1968. № 9.
139. Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987.
140. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1993.
141. Карелин А. Жизнь и деятельность Михаила Александровича Бакунина. М., 1919.
142. Карелин А. Русские бакунисты за границей. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб.статей под ред.Алексея Борового). М., 1926.
143. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.
144. Карпентер Э. Безгосударственное общество. // Анархия и Власть. М., 1992.
145. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990.
146. Касавин И.Т. Поль Фейерабенд в поисках «свободной теории познания». // Историко-философский ежегодник. М., 1986.

147. Киркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994.
148. Кислицына И.Л. Бакунизм на юге России. 70-ые годы XIX века. Владивосток, 1992.
149. Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917-1920 гг. М., 1978.
150. Ковалев А.Д. Дарвинизм социальный. // Современная западная социология (словарь). М., 1990.
151. Козлова Е.Е. Идеиное формирование левого прудонизма в период Второй Империи во Франции. Диссертация на соискание ученой степени к.ист.наук. М., 1971.
152. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1986.
153. Колпинский Н.Ю., Твардовский В.А. Бакунин в русском и международном освободительном движении. // Вопросы истории. 1964. № 16.
154. Комин В.В. Анархизм в России. Калинин, 1969.
155. Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
156. Корн М. Борьба с капиталом и властью (наши спорные вопросы). Одесса, 1918.
157. Корнилов А. Бакунины // Новый энциклопедический словарь (ред. Ф.А.Брокгауз, К.А.Ефрон). Т.4. СПб., б/г.
158. Корнилов А.А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.-М., 1925.
159. Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915.
160. Косичев А.Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964.
161. Кострюков В.Я. Проблема личности в трудах П.А.Кропоткина. // Возрождение России: проблема ценностей в диалоге культур (материалы второй Всероссийской научной конференции 1-3 февраля 1995 г.). Ч.3. Нижний Новгород. 1995.
162. Костюченко Л.Г. Вильям Годвин как представитель утопического социализма и коммунизма Англии. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1970.
163. Красная книга ВЧК. Издание второе, уточненное. Т.1. М., 1989.
164. Кропоткин А.П. Контуры научного универсализма в эпоху П.А.Кропоткина и в наши дни. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.

165. Кропоткин П.А. Анархизм. Федерация русских рабочих организаций С.Ш. и Канады. Дело труда. 1934.
166. Кропоткин П.А. Анархический коммунизм. // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX– начала XX века. Избранные произведения. М., 1994.
167. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал. Кронштадт, 1917.
168. Кропоткин П.А. Век ожидания (сб.статей). М., 1925.
169. Кропоткин П.А. Великая Французская Революция. 1789-1793. М., 1979.
170. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей, как двигатель прогресса. Пб.-М., 1922.
171. Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992.
172. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
173. Кропоткин П.А. Литературный послужной список. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина, Вып.2. М., 1992.
174. Кропоткин П.А. Наказание смертной казнью. // Смертная казнь: за и против. М., 1989.
175. Кропоткин П.А. Обращение Кропоткина к рабочим и передовым кругам общественности Западной Европы. Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги. // Вопросы философии. 1991. № 11.
176. Кропоткин П.А. Обращение к украинскому народу. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
177. Кропоткин П.А. О текущих событиях. Современное положение России. // Вопросы философии. 1991. № 11.
178. Кропоткин П.А. Письма С.Л.Мильнеру. // Вопросы философии. 1991. № 11.
179. Кропоткин П.А. Письмо А.Шапиро 1920 г. // Вопросы философии. 1991. № 11.
180. Кропоткин П.А. Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. Пб.-М., 1921.
181. Кропоткин П. Речи бунтовщика. Пб.-М., 1921.
182. Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и Анархия. М., 1990.
183. Кропоткин П.А. Что же делать? // Труды комиссии по научному наследию

П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

184. Кропоткин П.А. Этика. Т.1. Происхождение и развитие нравственности. Пб.-М., 1922.

185. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды. М., 1991.

186. Кропоткин П.А., Кропоткин А.А. Переписка. Т.1, 2. М.-Л., 1932-1933.

186. Кузнецов Ф. Публицисты 1860-ых годов. Круг «Русского слова». Григорий Благосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. М., 1969.

188. Кульчицкий Л. М.А.Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906.

189. Курчинский М.А. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Пг., 1920.

190. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.

191. Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин. М., 1925.

192. Лебедев Н.К. П.А.Кропоткин. Человек, мыслитель, революционер.//Петр Кропоткин (сб.статей под ред.А.Борового и Н.Лебедева). Пб.-М., 1922.

193. Лебедев Н.К. Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель. Пб.-М., 1920.

194. Лебедева А.П. Анархический идеал и практика большевизма. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

195. Леви Ева-Мария. Критика идеологии и практики современного анархизма в ФРГ. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1978.

196. Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1975.

197. Лондонская конференция Первого Интернационала 17-23 сентября 1871 г. Протоколы и документы. М., 1988.

198. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.

199. Лурье С.Я. Антифонт. Творец древнейшей анархической системы. М., 1925.

200. Лурье С.Я. Предтечи анархизма в древнем мире. Вып.1. М., 1926.

201. Ляшенко Л.М. Революционные народники. М., 1989.

202. М.С-к. Проблема свободы. // Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Детройт, 1991.

203. Макарова Е.А. Общественно-политические взгляды английского социального утописта, историка и писателя Уильяма Годвина. Диссертация на соискание ученой степени к.ист.наук. М., 1989.
204. Маккай Дж.Г. Анархисты. М., 1906.
205. Маккай Дж.Г. Макс Штирнер, его жизнь и учение. СПб., 1907.
206. Малатеста Э. Избранные сочинения. Пб., 1919.
207. Малинин В.А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX-начало XX века. М., 1991.
208. Малинин В.А., Шинкарук В.И. Левое гегельянство. Критический анализ. Киев, 1983.
209. Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. М., 1989.
210. Мандель Д. Рабочий контроль за заводах Петрограда. М., 1994.
211. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
212. Мапельман В.М. Опыт прочтения работы М.А.Бакунина «Государственность и Анархия». М., 1991.
213. Маркин В.А. От географии к анархизму. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
214. Маркин В.А. Петр Кропоткин. Иркутск, 1992.
215. Маркс К., Энгельс Ф. Альянс Социалистической Демократии и Международное Товарищество Рабочих. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.
216. Маркс К. К критике гегелевской философии права. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.1.
217. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и Анархия». // Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. Т.18. М., 1961.
218. Маркс К., Энгельс Ф. Мнимые расколы в Интернационале. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1983.
219. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М., 1933.
220. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. М., 1987.

221. Маркс К. О Гаагском конгрессе. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.
222. Маркс К. О Прудоне. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т.2. М., 1983.
223. Маркс К. Павлу Васильевичу Анненкову. // Маркс К. Нищета философии. М., 1987.
224. Маркс К. Политический индифферентизм. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т.18. М., 1961.
225. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
226. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995.
227. Маршев В.И. История управленческой мысли. М., 1987.
228. Матвеев С.А. Под флагом «левого» бунтарства. М., 1986.
229. Материалы для биографии М.Бакунина (под ред. В.Полонского). Т.1, 2, 3. М.-Л., 1923-1928.
230. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону, 1995.
231. Махно Н. Воспоминания. М., 1992.
232. Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм. Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. (Составил В.Семенов). М.-Л., 1926.
233. Мелье Ж. Завещание. Т.1-3. М., 1954.
234. Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.
235. Михаил Бакунин (сб.статей). М., 1926.
236. Михаил Бакунин. 1876-1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926.
237. Михаил Бакунин – о государстве. // Анархизм (сб.). СПб., 1907.
238. Михайлов М.И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М., 1976.
239. Мкртичан А.А. «Всякого угнетателя личности я ненавижу». // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.2. М., 1992.
240. Мндоянц С.А. М.А.Бакунин и левое гегельянство. // Вестник московского университета. Серия: философия. 1996. № 6.

241. Мндоянц С.А. П.А.Кропоткин. // Кропоткин П.А. Хлеб и Воля. Современная наука и Анархия. М., 1990.
242. Мндоянц С.А. Философия анархизма в России второй половины XIX – начала XX веков: М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин (историко-критический анализ). Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1987.
243. Моисеев П.И. Критика философии М.Бакунина и современность. Иркутск, 1981.
244. Моисеев П.И. Философия и эволюция воззрений М.А.Бакунина (30-40 и 70 гг. XIX в.). Иркутск, 1973.
245. Мор Т. Утопия. М., 1978.
246. Мортон А.А. Английская утопия. М., 1956.
247. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.
248. Мяло К.Г. Под знаменем бунта (очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950 – 70-ых годов). М., 1985.
249. Назаров А.А. Уроки реализма: П.А.Кропоткин в годы революции. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
250. Налимов В.В. Канатоходец. М., 1994.
251. Налимов В. Об истории мистического анархизма в России. // Путь. 1993. № 3.
252. Нахов И.М. Кинизм и цинизм. Отжившее и живое. // Живое наследие античности. М., 1987.
253. Нахов И.М. Философия киников. М., 1982.
254. Нерсисянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979.
255. Неттлау М. Бакунин. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб. статей под ред. Алексея Борового). М., 1926.
256. Неттлау М. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. Пб.-М., 1920.
257. Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. Детройт, 1991.
258. Никитин А.Л. Анархо-мистики Кропоткинского музея и масонство. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.

259. Никитин А.Л. К событиям 20-ых гг. вокруг Кропоткинского музея. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.2. М., 1992.
260. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Проблема самоутверждения личности в философии и психологии (к истории проблемы). // Вопросы философии. 1995. № 8.
261. Никулин А.М. Литературно-эстетические взгляды П.А.Кропоткина. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
262. Ницше Ф. Антихристианин. // Сумерки богов (сб.). М., 1990.
263. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 1994.
264. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. // Ницше Ф. Избранные произведения в двух томах. Кн.2. М., 1990.
265. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
266. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. // Ницше Ф. Злая мудрость. М., 1993.
267. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
268. Новомирский Я. Манифест анархистов-коммунистов. М., 1917.
269. Новомирский Я. П.Л.Лавров на пути к анархизму. Пг., 1922.
270. Общественное движение в России в начале XIX в. Т.1 – 3. СПб., 1909.
271. Олейников Д. Анархо-гуманизм Алексея Борового. // Община. 1990. № 47.
272. Олейников Д.И. Образ М.А.Бакунина в общественном сознании. // Памяти М.А.Бакунина. М., 1990.
273. Олицкая Е. Мои воспоминания. Т.1-2. Франкфурт-на-Майне, 1971.
274. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Вопросы философии. 1989. № 3, 4.
275. Оруэлл Дж. Сочинения в двух томах. Пермь, 1992.
276. Осинковский И.Н. Томас Мор. М., 1985.
277. Отверженный Н. М.Штирнер и Достоевский. М., 1925.
278. П.А.Кропоткин в 1917 году: первые впечатления от революционной России. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

279. П.А.Кропоткин и его учение. Интернациональный сборник. (Под ред. Г.П.Максимова). Чикаго, 1931.
280. Павленко Г.В. Вильгельм Вейтлинг. М., 1985.
281. Памяти Петра Алексеевича Кропоткина (сб.статей). М.-Пг., 1921.
282. Петр Алексеевич Кропоткин. Указатель литературы 1921-1992 гг. (составители Беленький И.А., Старостин Е.В.). М., 1992.
283. Петрищев А.Б. М.А.Бакунин. Пг-М., 1923.
284. Пирумова Н.М. Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
285. Пирумова Н. Бакунин. М., 1970.
286. Пирумова Н.М. Бакунин в Сибири. // Вопросы истории. 1986. № 9.
287. Пирумова Н.М. Бакунин или Нечаев? // Прометей. 1968. № 5.
288. Пирумова Н.М. «Быть свободным и освобождать других...» // Встречи с историей. Вып.3. М., 1990.
289. Пирумова Н.М. Гуманизм и революционность Петра Кропоткина. // Вопросы философии. 1991. № 11.
290. Пирумова Н.М. Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность М., 1966.
291. Пирумова Н.М. Мятежный князь. // Аргументы и факты. 1990. № 40.
292. Пирумова Н.М. Новое о Бакунине на страницах французского журнала. // История СССР. 1968. № 4.
293. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.
294. Пирумова Н.М. Петр Кропоткин и Лев Толстой. // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.
295. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А.Бакунина. М., 1990.
296. Письма М.А.Бакунина. // Литературное наследство. Т.96. М., 1985.
297. Письма М.А.Бакунина к А.И.Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906.
298. Письма П.А.Кропоткина М.И.Гольдсмит, А.А.Боровому, А.Шапиро. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

299. Письма П.А.Кропоткина о революционном насилии. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.
300. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1-4. М., 1990-1994.
301. Политическая история Россия в партиях и лицах. М., 1993.
302. Политические битвы в странах капитала. М., 1971.
303. Политические деятели России 1917. Биографический словарь (ред. П.В.Волобуев). М., 1993.
304. Полонский В. Михаил Александрович Бакунин. М., 1920.
305. Полянский Ф.Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976.
306. Полянский Ф.Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973.
307. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1-2. М., 1992.
308. Прокофьев В. Герцен. М., 1987.
309. Пронякин Д. Анархизм: исторические претензии и уроки истории. Л., 1990.
310. Просветительское движение в Англии (сб.под ред.проф.Н.М.Мещеряковой). М., 1991.
311. Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. М., 1908.
312. Прудон П.Ж. Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права. Т.1-2. М., 1864.
313. Прудон П.Ж. Искусство, его основания и общественное назначение. СПб., 1985.
314. Прудон П.Ж. История конституционного движения в XIX столетии. // Французские конституции XIX столетия и Наполеон III. Часть I. СПб., 1871.
315. Прудон П.Ж. Литературные майораты. Разбор проекта закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников. Пб., 1865.
316. Прудон П.Ж. Письма к А.И.Герцену. // Герцен А.И. Собрание сочинений в семи томах. Т.7. М., 1975.
317. Прудон П.Ж. Порнократия или женщины в настоящее время. М., 1876.
318. Прудон П.Ж. Предостережение собственникам, или Письмо г-ну Виктору Консидерану,

редактору газеты «Фаланга», о защите собственности. // Анархия и Власть. М., 1992.

319. Прудон П.Ф. Французская демократия. СПб., 1867.

320. Прудон П.Ж. Что такое собственность или исследование о принципе права и власти. М., 1919.

321. Пуже Э. Основы синдикализма. Пб.-М., 1922.

322. Пустарнаков В.Ф. М.А.Бакунин. // Бакунин М.Ф. Философия, социология, политика. М., 1989.

323. Пустарнаков В.Ф. М.А.Бакунин как философ. // Михаил Александрович Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987.

324. Пустарнаков В.Ф. Михаил Бакунин против Иммануила Канта. // Кант и философия в России. М., 1994.

325. Пустарнаков В.Ф. Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина. // Труды комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992.

326. Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М., 1925.

327. Рассел Б. История западной философии. М., 1959.

328. Рейхель А. Воспоминания о Бакуине. // Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин. Казань, 1906.

329. Реклю Э. Анархия, М., 1917.

330. Реклю Э. Эволюция, революция и идеал анархизма. М., 1917.

331. Речи анархистов перед судом государственников. Киев, 1919.

332. Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.

333. Ростиславлева Н.В. Мозес Гесс о Прудоне. // Анархия и Власть. М., 1992.

334. Русская литературная утопия (под ред.В.П.Шестакова). М., 1986.

335. Рутенберг В.И. Кампанелла. Л., 1956.

336. Рябов П.В. К вопросу об антропологии М.А.Бакунина. // Научные труды МПГУ им. В.И.Ленина. Серия: социально-исторические науки. М., 1995.

337. Рябов П.В. Проблема личности в учении П.А.Кропоткина. // Труды международной

научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1995.

338. Рябов П.В. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю. // Возрождение России: проблема ценностей в диалоге культур (материалы второй Всероссийской научной конференции 1-3 февраля 1995 г.). Ч.1. Нижний Новгород, 1995.

339. Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991.

340. Савинков Б. (В.Ропшин). То, чего не было. Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения. М., 1992.

341. Саводник В.Ф. Ницшеанец 40-х годов. Макс Штирнер и его философия эгоизма. М., 1902.

342. Сажин М.П. Воспоминания о М.А.Бакунине. // Михаилу Бакунину 1876-1926. Очерки истории анархического движения в России (сб.статей под ред.Алексея Борового). М., 1920.

343. Самарская Е.А. Социал-демократия в начале века. М., 1994.

344. Сартр Ж.-П. Стена. Избранные произведения. М., 1992.

345. Святловский В.В. Анархизм. Его сущность и учение. Пг., 1917.

346. Святловский В.В. Очерки по анархизму. Пг., 1922.

347. Семенов А.Л. Левое студенческое движение во Франции (1956-1968). М., 1975.

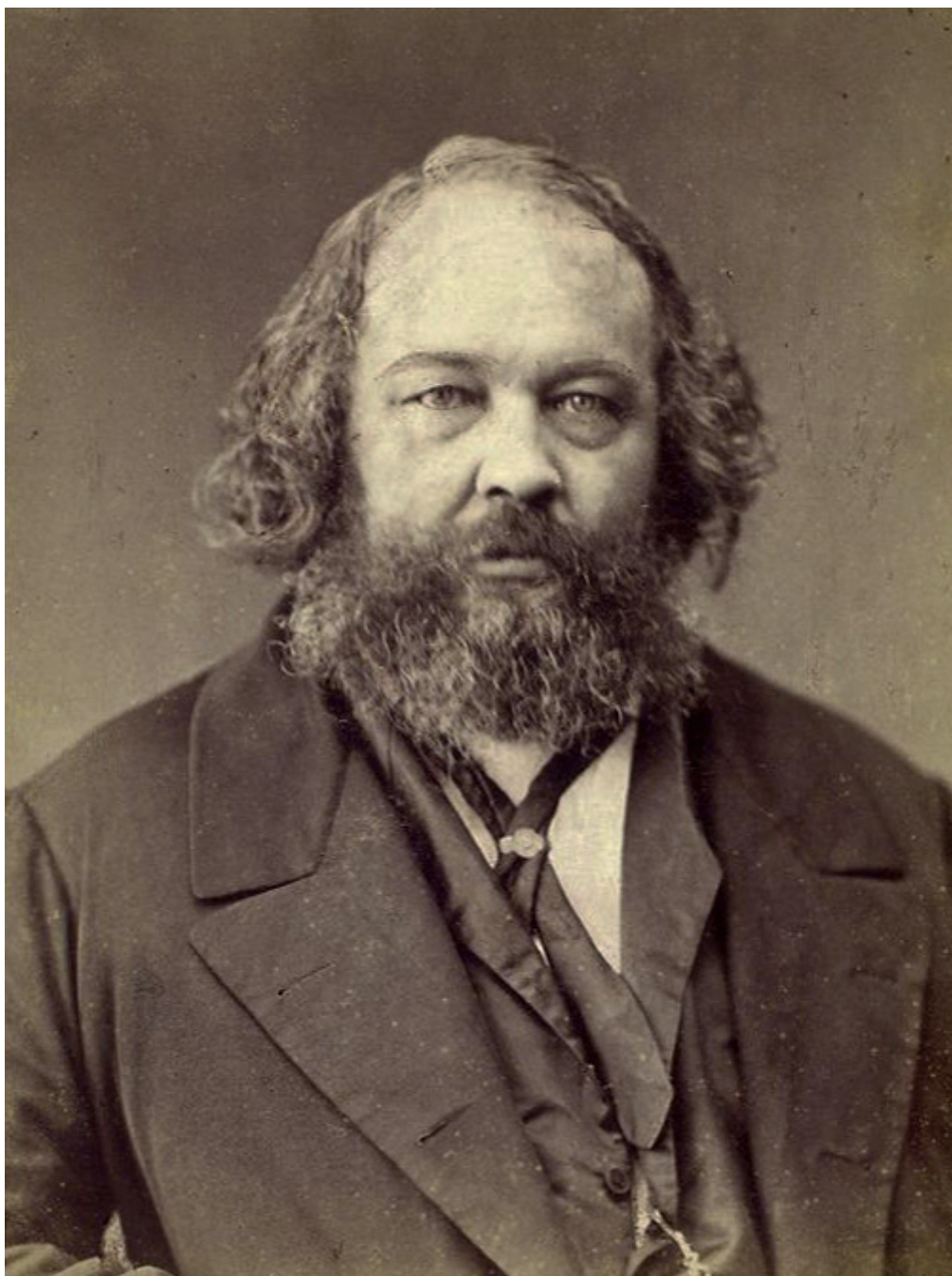
348. Семенов А.Л. Проблема самоуправления во Франции: май-июнь 1968 г. // Анархия и Власть. М., 1992.

349. Снегирева Т.Д. Идеи анархизма в современной американской буржуазной философии. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.наук. М., 1981.

350. Снегирева Т.Д. Проблема анархизма в современной американской социальной философии. // Вопросы философии. 1980. № 10.

Дамье Вадим. Михаил Бакунин: от социалистического федерализма к анархизму

2014, источник: [здесь](#). Опубликовано: "Философские науки". 2014. №7. С.83-102.

Роль Михаила Александровича Бакунина в возникновении анархизма как организованного идейно-политического течения трудно переоценить. Вокруг него сплотились в конце 1860-х – начале 1870-х гг. те активисты Первого Интернационала, которые затем вместе с ним положили начало мировому анархистскому движению. Это антиавторитарное крыло Интернационала нередко называют "бакунистским", и уже одно это свидетельствует о том значении, которое имело для современников и наследников имя Бакунина.

Его харизматическая личность и неукротимая энергия привлекала к нему даже тех, кто не во всем разделял его взгляды. Работа Бакунина по созданию международной организации революционеров-либертариев и выработке целей и задач ее деятельности продолжалась в общей сложности более 10 лет. Она пережила множество головокружительных перипетий и, в конечном счете, увенчалась успехом. На пример и наследие великого бунтаря XIX столетия, названного Вальтером Беньямином носителем "радикального понимания свободы", до сих пор ссылаются анархисты и анархо-синдикалисты всего мира.

И в то же время, с точки зрения формирования системы идей анархизма как концепции общественного устройства без государства, принуждения, собственности, классов и неравенства во всех видах, как "модели" всеобщего самоуправления во всех сферах человеческой жизни, Бакунин оставался еще во многом переходной фигурой. В целом, он был скорее человеком действия, чем теоретиком, который детально продумывал и излагал свои воззрения. Он проходил путь к анархизму, по существу, вместе с тем идейно-политическим течением, ведущим активистом и символом которого он являлся. Его дорога не была простой и прямой, как стрела. Частично это объясняется особенностью и спецификой личной идейной эволюции революционера – выходца из среды русских народников с их общинным социализмом и надеждами на коллективизм крестьянства. Другим фактором следует считать, безусловно, общий фон политики и идей европейского радикализма 1860-х – 1870-х годов. Хотя отдельные сторонники антиавторитарных и анархистских идей действовали и в предшествующие десятилетия (как минимум, с конца XVIII в.) (1), именно в этот период происходит становление либертарного идейно-политического течения.

Михаил Бакунин никогда не был поборником государства. Задолго до своего перехода к анархизму, в далеком 1848 г., он писал своему другу, немецкому поэту Георгу Гервегу о том, что стремится к "миру без законов и потому свободному" (2). Но одно дело – далекие идеалы, а другое – реальная революционная борьба и общественная деятельность, в которую с головой ушел Бакунин, очутившийся в конце 1861 г. в Европе после головокружительного побега из царской ссылки. Оказавшись в определенной идейно-политической среде, российский революционер влился в нее и стал развиваться вместе с ней.

Стоит вкратце напомнить контекст событий. После провала планов организовать экспедицию в поддержку Польского восстания против царизма в 1863 г., Бакунин в 1864 г. перебирается в Италию и налаживает прочные связи с местными революционерами, продолжая, в то же самое время, поддерживать контакты, установленные им с радикальными активистами других стран. Здесь, во Флоренции, как утверждает историк анархизма Макс Неттлау, и зарождаются первые начала международного тайного общества (3). "Эпизод 1847 – 1863 гг. окончательно завершился, и он увидел вещи в их истинном свете. Он видел, как в остальной Европе растет национализм под эгидой Мадзини и Наполеона III, видел революции, в которых доверие вкладывалось в руки буржуазии или диктаторских социалистов, Жюлей Фавров или Огюстов Бланки, и видел совершенно сбившихся с пути рабочих, занявшихся тред-юнионизмом, избирательной реформой, кооперацией, – иными словами, занятых исключительно своей средой и поэтому передававших судьбы революции буржуа и диктаторам. У Бакунина, видевшего, что все партии действия работают тайно – Мадзини, Бланки, поляки и т.д. – наконец, возникла идея «Интернационального революционного общества», тайного общества, чьи члены, интернациональные братья (отсюда также название «Интернациональное братство») работали бы над распространением антигосударственных и федералистских идей, а в случае революции придали бы ей ориентацию на разрушение государства и переустройство общества снизу доверху, воспрепятствовав диктаторам и другим извращениям революции" (4). По словам Неттлау, это общество носило скорее неформальный характер, что не мешало Бакунину все время разрабатывать его программу и устав – "была у него такая слабость" (5).

Все эти программные наброски имели весьма малое практическое значение. Зато они служат бесценными источниками, которые позволяют нам получить детальное представление о действительных взглядах их автора – Бакунина, и об эволюции его воззрений на власть и государство.

В проекте 1866 г. ("Принципы Интернационального революционного общества") его автор провозглашает "необходимость разрушения всех ныне существующих в Европе государств, за исключением Швейцарии и радикального уничтожения всех политических, военных, административных, судебных и финансовых установлений, составляющих в настоящее время жизнь и мощь государств" (6). Оговорка относительно Швейцарии представляется весьма существенной, поскольку в ней и заключается суть дела: для революционера речь шла не о ликвидации государственной политической власти вообще, а об уничтожении модели централизованного государства. Поставленная им задача – "отмена, уничтожение и моральное, политическое, судебное, бюрократическое и финансовое банкротство опекающего главенствующего, централистического государства" (7).

То, что Бакунин выступает в данном проекте не как анархист, а как радикальный социалистический федералист, становится очевидным и из описания им послереволюционного общественного устройства. Централизованное государство подлежало, по его мнению, замене децентрализованной федерацией на трех уровнях: низовом, региональном и общегосударственном: "Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путем федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять, по меньшей мере, хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция" (8). При этом Бакунин признавал принцип представительной демократии, выступая за "непосредственное и прямое избрание народом всех общественных, судебных и гражданских служащих, а также всех национальных, провинциальных и коммунальных представителей или советников, то есть избрание их путем предоставления права голоса всем взрослым мужчинам и женщинам" (9).

Для государства как формы организации в принципе характерна концентрация власти. Чем "выше" находится тот или иной государственный институт в вертикали власти, тем больше и шире его полномочия. Даже если местные органы сохраняют определенную свободу в решении локальных или региональных вопросов, центральный орган имеет право отменить их решения, если считает, что эти решения идут вразрез с общегосударственными интересами или противоречат законам государства в целом. Напротив, в проекте 1866 г. Бакунин предлагал, по существу, "перевернуть" властную пирамиду и сосредоточить основные решающие полномочия на местах. При этом само наличие вертикали власти им еще не отрицалось.

Согласно "Принципам Интернационального революционного общества", "основой политической организации страны должна стать безусловно автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей". Такая местная община должна была сама избирать и сменять путем голосования своих "служащих, правителей и судей", распоряжаться "без всякого контроля своим имуществом и финансами", издавать без всякого утверждения свыше собственные законы и определять

свое внутреннее устройство. Общины, согласно проекту, могли объединяться в провинциальные федерации, для чего им надлежало "согласовать свой собственный строй с главнейшими основаниями строя провинции и получить на него санкцию провинциального парламента", подчиняться "приговорам провинциального суда и предписываемым провинциальным правительством мероприятиям по отношению к ней". На уровне провинции предусматривалось избрание провинциального парламента из одной или двух палат (представителей всего населения и представителей общин). Этот орган, не вмешиваясь во внутреннее управление общинами, должен был выработать основные положения провинциальной конституции, обязательные для всех входящих общин, утверждать законы провинции, одобрять провинциальные мероприятия и определять участие в них общин, устанавливать налоги, контролировать работу выборного провинциального правительства, утверждать или отвергать его решения. При этом "общинное законодательство сохраняет право отклоняться во второстепенных пунктах от провинциального законодательства, но не от его основ". Наконец, "нация не может быть не чем иным, как федерацией автономных провинций". Выборный однопалатный или двухпалатный национальный парламент точно так же, не вмешиваясь в управление и внутреннюю политическую жизнь провинций, должен был разработать национальную конституцию (с правами провинций отклоняться от нее во второстепенных пунктах), контролировать действия выборной исполнительной власти, принимать законы и одобрять мероприятия общенационального значения, заключать международные договоры, решать вопросы войны и мира и распоряжаться набором национальной армии. Предусматривалось существование Национального суда. Наконец, на тех же самых принципах должны были, по мысли Бакунина, строиться интернациональная федерация стран и народов и ее органы (10).

Совершенно очевидно, что перед нами – проект не безгосударственного общественного устройства, а программа радикально-федералистского типа. Сторонники Бакунина противопоставляли ее централистским течениям тогдашнего социализма и пытались добиться ее принятия международным революционным движением.

Сам Бакунин еще в 1864 г. интересовался Первым Интернационалом и планировал присоединиться к нему. Но этому первоначально помешал целый ряд обстоятельств. Одним из важнейших факторов были при этом острые разногласия между его сторонниками – "интернациональными братьями" и тогдашним прудонистским большинством французских секций Интернационала. И бакунисты, и прудонисты были приверженцами радикального федерализма, но их позиции по вопросам социально-экономической организации и тактики были несовместимы. Первые были социалистами, сторонниками общественной собственности на средства производства и революционной экспроприации капиталистов; вторые же отстаивали умеренно-реформистскую линию. По настоянию последователей Прудона (А. Толена, Э. Фрибура и др.) конгрессы Первого Интернационала в 1866 – 1868 гг. приняли резолюции о развитии кооперативов и организации взаимного кредита как пути перехода средств производства в руки работников, о запрете промышленного труда для женщин и т.д. (11) Прудонисты отрицательно относились к расширению забастовочного движения. Многие участники бакунинского течения считали взгляды прудонистов неприемлемыми и возражали против участия в международной организации, в которой те доминировали.

Поэтому первоначально Бакунин (с 1867 г. живший в Швейцарии), Элизе Реклю и другие "интернациональные братья" примкнули к другому объединению – пацифистско-федералистской Лиге мира и свободы, стремясь придать ей более радикальный характер (12). В сентябре 1867 г. их группа (Бакунин, Н. Огарев, Н. Жуковский, М. Мрочковский, Я. Загорский, А. Наке) представила конгрессу Лиги резолюцию, ориентированную на антиклерикализм и социальную справедливость. Бакунин стремился убедить членов Лиги, что ее цель – достижение всеобщего мира –достижима лишь при осуществлении переустройства Европы на предлагаемых им радикально-федералистских началах. Для обоснования своей идеи он написал проект письма Центральному комитету Лиги, известный под названием "Федерализм, социализм и антитеологизм". Как и в "Принципах Интернационального революционного общества", Бакунин позитивно отзываясь о практике республиканского федерализма (в Швейцарии и США): он призывает "решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы" и напоминает о том, что Швейцария "успешно применяет" федералистский принцип, "присоединилась к нему без всякого ограничения и приняла его со всеми вытекающими последствиями". Революционер предложил Лиге выступить за создание Соединенных Штатов Европы (13).

В этой рукописи Бакунин беспощадно критикует сам принцип государства, подчеркивая его исторический характер: "Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли... Оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить». Государство есть ограничение человеческой свободы, и даже демократическое правление может эту свободу подавлять: "Это целиком будет зависеть от назначения Государства и власти, которую граждане ему предоставят. Республиканское Государство, основанное на всеобщей подаче голосов, может быть очень деспотичным, даже более деспотичным, чем монархическое, если под предлогом, что оно представляет общую волю, государство будет оказывать давление на волю и свободное развитие каждого из своих членов всей тяжестью своего коллективного могущества" (14). Другой порок государства – это национальная ограниченность, "патриотизм", т.е. тенденция принимать во внимание исключительно собственных гражданам или подданных, "отрицание человечности", неизбежно порождающее войны. Бакунин видит в государстве проявление принципа "авторитета", т.е. идеи, "что массы, будучи всегда неспособны к самоуправлению, во всякое время должны пребывать под благотворным игом мудрости и справедливости, так или иначе навязанным им сверху" (15). В любом государстве всегда управляет привилегированное меньшинство, в ущерб наемным работникам: "Ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись без принудительного труда наемных или поработанных масс" (16). Так обстоит дело во всех государствах, "даже если они наделены самыми демократическими институтами, как, например, Соединенные Штаты Северной Америки и Швейцария... Self-government масс, несмотря на весь аппарат народного всемогущества, является там по большей частью только видимостью" (17).

В этой незаконченной рукописи Бакунин не предлагает принципов политического устройства, которым следовало бы, по его мнению, заменить государство (за исключением общего упоминания об интернациональной федерации). Тем не менее можно отметить, что его антиэтатизм становится здесь более резким, решительным и обоснованным.

Критика в адрес государства и самого принципа государственности нашла отражение и в написанном Бакуниным во второй половине 1860-х гг. проекте "Программа общества международной революции". В нем повторяется ряд положений, намеченных в рукописи "Федерализм, социализм и антитеологизм". Государство, по мнению Бакунина, – это "историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, над народными массами во имя какой-либо религии, либо исключительных привилегий одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам рабочих, подневольный труд которых они жестоко эксплуатируют". Как видим, здесь уже совершенно отчетливо сформулирована анархистская мысль о том, что любое государство неразрывно связано с классовым неравенством и угнетением и не может не быть инструментом классового разделения и господства. "Государство, неизбежно основанное на эксплуатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость, неизбежно должно быть грубым, хищническим, грабительским и стремится к завоеваниям. Государство – всякое государство, безразлично, монархия или республика, есть отрицание человечности" (18).

Наконец, осенью 1868 г. был подготовлен очередной проект программного документа "Интернационального братства", в котором выдвинута цель "радикальной и всемирной, одновременно философской, политической, экономической и социальной революции, с тем чтобы от современного порядка, основанного на частной собственности, эксплуатации одних людей другими, нищете, невежестве и всякого рода авторитетах, не осталось камня на камне". Там же провозглашается "полное уничтожение всякого государства, всякой церкви, всех религиозных, политических, бюрократических, судебных, финансовых, полицейских, экономических, университетских и фискальных учреждений" и захват "коллективом всего социального капитала, земельной собственности, горных промыслов, квартир, общественных зданий, церквей, орудий производства, сырья, ценных металлов и готовых продуктов". Задача "отмены и ликвидации государства" выдвигается в качестве немедленной. "Мы призываем анархию", – заявлено в этом наброске (19).

Важность этого небольшого текста состоит еще и в том, что в нем впервые (хотя и в самых общих чертах) объясняется, как "организовать анархию", т.е. чем надлежит заменить отменяемое государство. Вместо федерального переустройства существующих государств предлагается действовать в ходе восстания "без малейшего внимания к территориальным делениям и существующим государственным границам". Предлагается провозгласить повстанческие "временные общины" и соединить их в федерацию через посредство делегатов с "императивными мандатами". Эти делегаты должны были затем составить "совершенно отдельные и независимые друг от друга комитеты" по конкретным вопросам и отраслям деятельности: "Из всего этого составит великий федеративный союз революционной солидарности, все действия которого будут вдохновляться непосредственно народными массами и непосредственно от них получать одобрение". Так осуществится "провозглашение всемирной и солидарной моральной революции" (20).

Дальнейшая эволюция взглядов Бакунина и его сторонников в сторону разработки анархистской альтернативы общественного устройства происходила уже в рамках Первого Интернационала. Попытки склонить на сторону своих идей Лигу мира и свободы с ее либеральным большинством оказались безуспешными. Между тем, положение в самом

Интернационале существенно изменилось: в 1867 – 1868 гг. прудонисты утратили преобладающее влияние в его французских секциях, и гегемония перешла к так называемым "коллективистам" (Э. Варлен, А. Бурдон и др.), которые придерживались федералистских взглядов, но, в отличие от ортодоксальных последователей Прудона, выступали за общественную собственность на средства производства, за расширение забастовок и революционные формы борьбы. По многим аспектам их позиция приближалась к взглядам Бакунина и его друзей.

В сентябре 1868 г. Бакунин предпринял последнюю попытку добиться перемен в Лиге мира и свободы. На ее Втором конгрессе в Берне он выступил с предложением объединить усилия Лиги и Интернационала и взять курс на революцию, целью которой будет "уравнение классов" (т.е. ликвидация классового деления общества). Однако из 110 участников заседания в поддержку этих предложений выступили всего 18 (включая Элизе и Эли Реклю, Николая Жуковского, Джузеппе Фанелли, Саверио Фриша и Альберто Туччи). Потерпев поражение, сторонники Бакунина ("социалистическое меньшинство Лиги") вышли из Лиги и создали Международный альянс социалистической демократии. Его программа предусматривала совершение революции, "торжество дела пролетариата против капитала", ликвидацию ("уравнение") классов и уничтожение государства: "Все ныне существующие политические и авторитарные государства, все больше и больше сокращаясь до простых административных функций социальных служб в своих соответствующих странах, должны исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций, как сельскохозяйственных, так и промышленных" (21).

Выступая от имени Альянса, Бакунин обратился к Генеральному совету Первого Интернационала с просьбой о приеме в состав международного объединения трудящихся. Интересно, что идея вступления в качестве простой секции все еще встречала оговорки со стороны французских членов Альянса, прежде всего, Элизе Реклю и Виктора Жаклара. Убежденные противники прудонизма, они все еще опасались пагубного влияния этого течения и в дискуссии с Бакуниным отстаивали идею сохранения Альянса в качестве самостоятельной международной организации в рамках Интернационала. Однако такой вариант был неприемлем для Генерального совета, отвергавшего существование "двойных структур" (22). Вопрос был урегулирован в 1869 г.: центральное бюро Альянса официально распускалось, а его секции вступали в качестве секций в Интернационал.

Действуя в составе Первого Интернационала, сторонники Бакунина в последующие несколько лет сыграли решающую роль в организации его секций в Италии и Испании. На Базельском конгрессе (сентябрь 1869) они продолжали противостоять прудонистам, блокируясь, в первую очередь, с французскими коллективистами, бельгийскими сторонниками С. де Папа, но также с приверженцами К. Маркса. Совместными усилиями им удалось добиться принятия резолюции о праве общества отменить частную собственность на землю и превращении земли в общественное достояние. Звучали на конгрессе и синдикалистские идеи: французский коллективист Жан-Луи Пэнди представил доклад о роли и задачах профсоюзов, подчеркнув, что в будущем обществе они должны будут образовать "свободные коммуны, причем правительство и муниципальные управления будут заменены советами делегатов от профессиональных рабочих союзов" (23).

Всего за несколько лет до этого Бакунин с известной симпатией высказывался о федеративной модели Швейцарии и всеобщих выборах. К 1870 г. его отношение к этим вопросам стало резко критическим. В работе "Бернские медведи и Петербургский медведь" он подверг развернутой и уничтожающей критике институты представительной демократии и даже прямую демократию в рамках существующей государственнической системы. Правда, Бакунин по-прежнему противопоставляет автономию кантонов политической централизации и общегосударственному правительству, ибо "всякое правительство, даже самое демократическое – естественный враг свободы, и чем более оно централизовано, чем сильнее, тем оно становится более угнетающим" (24). Но он замечает, что "во всех странах, где существует представительный образ правления, а Швейцария является одной из таких стран, свобода, стало быть, может быть реальной лишь при условии, если этот контроль – действительный. Наоборот, если этот контроль только фиктивный, народная свобода становится неизбежно также простой фикцией. Было бы нетрудно доказать, что нигде в Европе нет действительного народного контроля" (25). Бакунин обрушивается и на сам принцип представительства: "Когда было введено всеобщее избирательное право, подумали, что свобода народа теперь обеспечена. Но это была большая иллюзия... Вся ложь системы представительного правительства покоится на той фикции, что власть и законодательная палата, выбранные народом, непременно должны, или даже только могут, представлять действительную волю народа" (26). На самом же деле это невозможно, поскольку интересы правящих и управляемых, "опекунов" и "опекаемых" противоположны, между ними не может быть равенства. "Когда есть политическая власть, есть господство. А там, где существует господство, более или менее значительная часть общества необходимо находится в подчиненном положении, те же, кто находится в подчиненном положении, естественно ненавидят тех, кто господствует, тогда как те, кто господствует, должны необходимо подавлять и, следовательно, угнетать тех, над кем они господствуют" (27). Положение не спасет даже создание правительства и парламента из рабочих и социалистов: они вскоре превратятся, даже помимо собственной воли, в новый господствующий слой. Тем более дело обстоит так в буржуазном обществе, где политическое равенство между гражданами является фикцией, поскольку имущий класс пользуется своими возможностями (включая свободное время, знания ситуации, законов и т.д.) для того, чтобы влиять на массы избирателей, которые намного хуже разбираются в материях законодательства и управления. В момент выборов претенденты на власть могут делать вид, что их интересует мнение простого народа. "Когда выборы закончены, каждый возвращается к своим обыденным занятиям: народ к своему труду, а буржуазия к своим доходным делам и политическим интригам. Они почти не встречаются больше, не знают друг с другом. Каким образом народ, обремененный работой и не имея понятия о большей части поднимаемых вокруг него вопросов, будет контролировать политические акты своих выборных? И разве не ясно, что контроль избирателей над своими представителями лишь простая фикция?" (28)

Бакунин утверждает, что наиболее свободными являются местные (коммунальные) выборы, где народ еще может действительно выразить свою волю и более или менее понимает, за что он голосует. Выборные органы кантонов еще дальше от простого человека, и уж совсем далеки от него национальные парламент и правительство. И даже "референдум, или прямое народное законодательство" – "только паллиатив, новая иллюзия, ложь" (29).

Проанализировав политическое устройство Швейцарии, Бакунин приходит к анархистскому выводу: Поскольку "вернуться к политической автономии кантонов невозможно", а "сохранить политическую централизацию нежелательно", то "дилемма имеет только одно решение: уничтожение всякого политического государства, как кантонального так и федерального, превращение политической федерации в экономическую, национальную и международную федерацию" (30). "Нужно, – пишет он, – совершенно уничтожить, в принципе и фактически, все, что называется политической властью; потому что пока будет существовать политическая власть, будут всегда господствующие и подчиненные, господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. По уничтожении политической власти нужно ее заменить организацией производительных сил и хозяйственной жизни страны" (31).

На Базельском конгрессе Интернационала 1869 г. проявились и разногласия между сторонниками Бакунина и Маркса, хотя в тот момент по вопросу скорее тактического характера. И те, и другие выступали в принципе за общественную собственность на средства производства, но первые предлагали в качестве первостепенной меры на этом пути отмену права наследования, вторые же полагали, что исчезновение этого права станет естественным следствием процесса социальных преобразований. Ни то, ни другое предложение в итоге не набрало необходимого большинства голосов.

Настоящие, действительно непримиримые противоречия между "бакунистами" и "марксистами" сказались уже в начале 1870-х гг. Мощный стимул им придали события, связанные с франко-прусской войной 1870 – 1871 гг. Поражение Франции и вспыхнувшее под его влиянием широкое революционное движение, названное современниками "коммунальной революцией" (наиболее громким и известным ее эпизодом стала знаменитая Парижская коммуна), дали возможность Бакунину и его сторонникам попытаться реализовать свои идеи на практике. В сентябре 1870 г. Бакунин принял участие в восстании в Лионе и попытке провозглашения коммуны. Предполагалось, что аналогичные выступления в других городах и районах Франции приведут к созданию Революционной федерации коммун, которая заменит Французское государство. Программа этой федерации была написана Бакуниным и во многом отражала его анархистские взгляды, хотя и несла на себе печать определенного компромисса с другими революционными течениями – бланкистами и неоякобинцами. Согласно этому документу, революционные коммуны различных городов страны, "которые подготовили и руководят солидарно и координировано революционным движением за свержение императорской тирании", должны были объединиться в федерацию и провозгласить, что их федерация "ЭКСПРОПРИИРУЕТ всю государственную и частную собственность, все предприятия, земли, движимое и недвижимое имущество на территории французской Республики". Должны были быть аннулированы и отменены все долги и ипотеки, право наследования, все прежние законы, декреты и административные распоряжения, налоговая система и т.д. Все государственные учреждения упразднялись. Армия и полиция подлежали роспуску и замене революционным народным ополчением (32).

Хотя "коммунальная революция" во Франции потерпела поражение, она обогатила представления социалистов о революционном движении и будущем общественном устройстве. Стихийная инициатива "снизу", помимо программ и проектов, дала образец основной базовой единицы свободного общества – самоуправляющейся территориальной

единицы (коммуны). Различные социалистические течения сделали вывод о том, что именно объединению этих территориальных образований в той или иной форме и предстоит заменить современное государство. К такой мысли пришли не только бакунисты и коллективисты, но и Маркс (33). Расхождения касались того, каким быть такому объединению, как оно должно организоваться и действовать и каким образом можно к нему прийти.

Не вдаваясь в детали противоборства между "марксистами" и "бакунистами" в 1869 – 1872 гг., которое и привело, в конечном счете, к расколу Первого Интернационала, а вместе с ним и всего мирового социалистического движения, отмечу, что непосредственной причиной размежевания между ними стали организационные разногласия и различное отношение к политической борьбе за власть. В 1871 г. Маркс и его сторонники собрали в Лондоне конференцию Интернационала, на которой был поставлен вопрос о централизации организации и увеличении полномочий ее Генерального совета. Была принята резолюция о том, что "образование рабочей политической партии необходимо для того, чтобы обеспечить торжество социальной революции и ее высшей цели – уничтожения классов" (34). Такие партии (позднее получившие название социал-демократических) могли принимать участие в выборах, а в потенциале должны были ориентироваться на завоевание политической власти и построение социалистического общества.

Напротив, "бакунисты" выступили за укрепление автономии секций, входящих в Интернационал, и против оформления рабочего движения в виде централизованных политических партий, ориентированных на борьбу за власть. Конгресс Юрской федерации в Шо-де-Фон под их влиянием принял резолюцию, в которой выдвигалась задача ликвидации государственной политической власти как таковой. "Полное освобождение трудящихся возможно только при условии изменения политического общества, основанного на привилегии и власти, в общество экономическое, покоящееся на равенстве и свободе... Всякое правительство, или политическое государство, есть не что иное как организация эксплуатации, выражением которой является юридическое право", – говорилось в резолюции. Из этих положений делался вывод о том, что "всякое участие рабочих в буржуазной правительственной политике" (т.е. выборах) недопустимо и контрреволюционно, а потому следует "отказаться от всякой деятельности, имеющей целью социальные изменения при посредстве политических национальных реформ" и "перенести свою энергию на устройство федеративных профессиональных союзов – единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции" (35).

Таким образом, в центре размежевания между марксистами и анархистами - "бакунистами") оказался именно вопрос о государстве, различное отношение к которому определяло расхождения и в тактике, и в форме организации. Сам Бакунин в письме к итальянским единомышленникам (январь 1872) описывал эти разногласия так: Маркс "хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, – но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического, временного правительства, т.е. путем отрицания свободы. Его экономический идеал – государство в качестве единственного владельца земли и всех видов капитала... Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего того, что зовется

юридическим правом... Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов" (36).

В работе "Государственность и анархия" Бакунин обвиняет марксистов в намерении создать после революции "переходное" государство, что неминуемо приведет, по его мнению, к формированию нового правящего класса из чиновников и привилегированных специалистов: "Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства" (37). Он высмеивает представление о том, что вначале необходимо завладеть государственной властью (путем восстания или выборов), а затем постепенно вести дело к ее "отмиранию", проводя социальные преобразования: "Тут явное противоречие. Если их государство будет действительно народное, то зачем ему упраздняться, если же его упразднение необходимо для действительного освобождения народа, то как же они смеют называть его народным?" – спрашивает он (38).

Раннее Бакунин уже высказывал те же мысли в статье о Парижской коммуне: марксисты "полагают, что они должны организовать рабочие силы для того, чтобы овладеть политической властью государств", тогда как сторонники его течения "организуются ввиду разрушения или, выражаясь более учтиво, ввиду ликвидации государства" (39). Равенство должно установиться в мире "путем спонтанной организации труда и общей собственности производственных ассоциаций, организованных и федерируемых в коммуне, и путем столь же спонтанной федерации коммун, но не путем высшего и опекающего действия государства" (40). И в этом смысле, по мнению Бакунина, Парижская коммуна подтвердила правоту его единомышленников, которые не стали декретировать проведение социалистических мер сверху, но положились на инициативу самих масс. Социальная революция, доказывает он, во всем отличается от революции политической, она не может "быть декретирована и организована ни диктатурой, ни вышедшим из политической революции учредительным собранием" (41). Ее осуществляют сами трудящиеся, беря в свои руки средства производства и управление собственной жизнью и открывая путь новому общественному устройству. "Будущая социальная организация должна быть создана исключительно снизу вверх, путем свободной ассоциации и федерации трудящихся, сперва в ассоциациях, затем в коммунах, регионах, нациях и, наконец, в великой интернациональной и всемирной федерации" (42). Эта точка зрения была подтверждена на Брюссельском конгрессе федералистского Первого Интернационала в 1874 г.

Как видим, ко времени смерти Бакунина в 1876 г. были в основном сформулированы (при его активном участии) многие фундаментальные положения анархистской революционной "доктрины", такие как концепция социальной (а не политической) революции, отрицание представительной демократии, политических партий и борьбы за власть, упор на социально-экономическую борьбу с государством и капитализмом через рабочие союзы, обобществление собственности в ходе самого революционного переворота путем ее захвата объединившимися и самоорганизованными трудящимися, ликвидация государства с заменой его федерацией коммун и рабочих ассоциаций. Тем не менее некоторые положения

теории все еще имели недостаточно четкий или не вполне последовательный характер. Их доработка происходила уже после кончины Бакунина, в рамках созданного им и его последователями антиавторитарного (федералистского) Первого Интернационала (43).

Так, опыт Парижской коммуны оставил неразрешенным вопрос о форме организации народного самоуправления в отдельных коммунах. Было неясно, следует ли обновить муниципальный совет, состоящий из выборных депутатов, и наделить его властными полномочиями – или необходимо решительно упразднить сам принцип представительства, заменив власть прямым самоуправлением трудящихся (жителей). Во второй половине 1870-х гг. анархисты окончательно избрали второй путь. Конференция окружных федераций Испанской региональной федерации (1876) одобрила следующие принципы, которые должны были быть осуществлены в момент революции: объявление населенных пунктов свободными и независимыми от национальной структуры; переход в их руки всего находящегося на их территории имущества; роспуск всех органов и институтов государств; создание на местах советов из делегатов от жителей и их ассоциаций и состоящих из них технических специализированных комиссий; созыв окружных и региональных конгрессов для объединения местностей в свободные федерации снизу вверх и координации совместной деятельности. Конгрессы на всех уровнях должны были образовываться из делегатов "снизу" и формировать технические комиссии для решения практических задач (44). Конгресс Юрской федерации (1878) подтвердил принцип "ликвидации государства во всех его формах" и требование "автономии коммун", в которых и следует начинать революционные преобразования. Участники конгресса подчеркнули при этом, что речь ни в коем случае не идет об участии в политике на муниципальном уровне (45). Коммуны должны были объединяться в свободные федерации.

Позднее анархисты придали этим положениям более четкие формулировки, отделяющие анархизм от федералистского муниципализма: сама местная коммуна должна стать собранием делегатов от различных групп населения и инициатив, которые будут не управлять, а действовать в соответствии с императивным мандатом от тех, кто их направил.

Парижская коммуна, подчеркивал П.А. Кропоткин в 1881 г., еще "не порвала окончательно с традициями государства и представительства, не постаралась осуществить в Коммуне той организации, которую она представляла себе, провозглашая независимость и свободную федерацию коммун... Так как в это время анархические идеи не проникли еще в сознание народа, он остановился на полпути. В своей Коммуне он высказался за старый принцип власти и учредил Совет Коммуны, наподобие Городской Думы. Раз мы признаем, что центральное правительство абсолютно не нужно для регулирования соотношений между коммунами, неужели мы допустим его необходимость для регулирования взаимных отношений между группами, составляющими Коммуну! Раз мы предоставляем свободной инициативе коммун право входить в соглашения относительно предприятий, касающихся нескольких коммун, неужели мы откажем в этом праве группам, составляющим каждую коммуну? Правительство в Коммуне не имеет большего *raison d'être*, чем правительство над Коммуной" (46). В качестве позитивного примера Кропоткин и Элизе Реклю ссылались на греческие полисы и средневековые города-коммуны с их структурой общих собраний жителей.

"Чтобы заставить голосование почти полностью исчезнуть, – объяснял на конгрессе Юрской федерации 1878 г. Поль Брусс, – достаточно ввести принцип автономии повсюду, где это возможно сделать... Провозгласим на этой почве автономию квартала, региона, коммуны, и закон большинства сразу же отступит. Принцип автономии может быть сперва применим, благодаря специализации интересов. Установите автономию профессий, группы потребителей, образовательного общества, музыкального общества и т.д. – и вы также заставите отступить закон числа" (47). Иными словами, анархисты провозгласили принцип самоуправления любой группы людей, которая сможет решать свои вопросы общим собранием и координировать действия с другими объединениями через делегатов с императивным мандатом.

Бакунин до конца жизни сохранял в своих взглядах непоследовательность и в отношении к так называемому "национальному вопросу". Он резко обрушивался на национализм и государственный патриотизм, но, очевидно, разделял модные в его время представления о коллективной психологии народов и связанных с ней характерных чертах. Многие из его высказываний на эту тему сами отдают тем самым национализмом, который он столь яростно отвергал. Возможно, на его воззрениях сказались многолетние связи с русским народничеством и славянскими национальными движениями Европы. В период франко-прусской войны Бакунин призывал защищать Францию и т.д. Однако похоже на то, что его взгляды медленно эволюционировали в сторону более реального (а не противоречивого) интернационализма. Так, он осуждал идею национального единства, критикуя, в частности, действия Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди по созданию объединенного итальянского государства, а в 1875 г. пытался отговорить итальянского анархиста Э. Малатесту от участия в антитурецком восстании в Герцеговине (48). Историк анархизма М. Неттлау подмечает эту противоречивость в позиции Бакунина и так характеризует более позднее отношение к ней анархистов: "Дело в том, что интернационализм был еще слабо развит у людей, которые, подобно Бакунину, перешли к нему непосредственно от национализма ... Мы учимся у Бакунина – социального критика и смелого поборника свободы; это – его специальность. Его взгляды в других областях для нас не обязательны, если мы, действительно, анархисты" (49).

Анархистская идея автономии местных коммун и их федераций, в конечном счете, вступала в противоречие с этническим или национальным подходом и вела к революционному космополитизму. Так, в заявлении протеста, направленном Испанской региональной федерацией Первого Интернационала в кортесы (1871), в ответ на обвинение в том, что ее члены являются "врагами родины", провозглашалось: "Да; мы хотим заменить жадное чувство родины огромной любовью к человечеству, а узкие и искусственные границы – великой родиной труда, миром. Нет другого средства избежать войн наподобие франко-прусской" (50). В последующие годы большинство анархистов склонилось к формуле "Мир – наша родина" (Э. Реклю на конгрессе Юрской федерации 1878 г.) (51). Критическое отношение к "национально-освободительным" войнам также сложилось постепенно. Как замечает М. Неттлау, "первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны" было отмечено на Бернском конгрессе федералистского Интернационала в 1876 г. Эта позиция была изложена в манифесте, написанном Ш. Перроном, Дж. Гильомом, К. Кафиеро и Н. Жуковским. Поддержавшие его "объявили себя и против России, и против Турции, и отказались считать эту войну освободительной войной" (52).

Наконец, третья область, в которой соратники и последователи дополнили и развили Бакунина – это представление об экономической структуре анархистского общества. Сам Бакунин был убежденным коллективистом: сторонником общественной собственности, но распределения по принципу предоставления каждому работнику "продукта его труда". Во второй половине 1870-х гг. анархисты (прежде всего, Юрская и Итальянская федерации) перешли к принципу анархистского коммунизма: распределению на основе принципа "от каждого по способностям, каждому по потребностям" при безгосударственном общественном устройстве. Эта идея активно дискутировалась около 1876 г. В том же году ее одобрил Флорентийский конгресс Итальянской федерации. В Юрской федерации на конгрессе 1878 г. участники склонялись к тому, чтобы считать анархистский коммунизм конечной целью, а коллективизм – путем к нему. Но в 1880 г. конгресс юрцев в Шо-де-Фоне последовал примеру итальянских товарищей (53).

Возведение здания классического анархизма – процесс, в котором решающая роль принадлежала Михаилу Бакунину, развивавшемуся вместе со своим «детищем» – на этом этапе завершился.

Примечания

1. Среди них можно назвать Сильвэна Марешаля, Уильяма Годвина, Жана-Жозефа Мэя, Жозефа Дежака, Эрнеста Кордеруа, Элизэ Реклю и др. По ряду положений приближались к анархизму федералистские взгляды Пьера-Жозефа Прудона и его последователей.
2. Nettleau M. Breve Historia de la Anarquia. – S.l.: Ediciones "CENIT", s.d. P. 88.
3. Nettleau M. Bakunin. – [S.l.]: Schwarze Presse, 1972. S. 46.
4. Nettleau M. Breve Historia... P. 89.
5. Ibidem.
6. Бакунин М.А. Принципы Интернационального революционного общества // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. – М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 98.
7. Там же. С. 42.
8. Там же. С. 47.
9. Там же. С. 42.
10. Там же. С. 47 – 53.
11. Zocchi H. Die Erste Internationale // Die Erste Internationale 1864. – Berlin: Libertad Verlag, 1979. S. 22 – 24
12. Clark J. P. La pensée sociale d'Elisée Reclus, géographe anarchiste. – Lyon: Atelier de création libertaire, 1996. P. 83.
13. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. С. 17 – 18.
14. Там же. С. 88 – 89.
15. Там же. С. 105.
16. Там же. С. 97.
17. Там же. С. 105.
18. Бакунин М.А. Программа общества международной революции // Бакунин М.А. Анархия и Порядок: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 319 – 320.

19. Интернациональное братство // Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. С. 114 – 115.
20. Там же. С. 116.
21. Zocchi H. Die Erste Internationale. S. 23 – 26. Текст программы альянса см.: Programme et Règlement de l'Alliance publique // Bakounine M. De la guerre à la Commune. – Paris: Édition anthropos, 1972. P. 583 – 586.
22. Schrupp A. Weder Marxistinnen noch Anarchistinnen // Begegnungen feindlicher Brüder. Zum Verhältnis von Anarchismus und Marxismus in der Geschichte der sozialistischen Bewegung. Bd. 1. – Münster: UNRAST-Verlag, 2011. S. 60.
23. Цит. по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся. 2-е изд. – М.: КомКнига, 2010. С. 47.
24. Бакунин М.А. Бернские медведи и Петербургский медведь // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. III. – Пг.; М.: Голос труда, 1920. С.19.
25. Там же. С.20.
26. Там же. С.21.
27. Там же. С.21 – 22.
28. Там же. С.23.
29. Там же.
30. Там же. С.31.
31. Там же. С.22.
32. Бакунин М.А. Програма на Революционната федерация на комуните / Бакунин М. Избрани страници за и от него. – София: ШРАПНЕЛ, 2004. С. 77 – 80.
33. См.: Маркс К. Гражданская война во Франции / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. – М.: Политиздат, 1960.
34. Цит. по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. С. 65.
35. Там же. С. 65 – 66.
36. Бакунин М.А. Письмо Рубикону и всем остальным друзьям / Материалы для биографии Бакунина... Т. 3. С. 330.
37. Бакунин М.А. Государственность и анархия / Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика... С. 482.
38. Там же. С. 483.
39. Bakounine M. La Commune de Paris et la notion de L'Etat / Bakounine M. De la guerre à la Commune... P.407.
40. Ibidem.
41. Ibid. P.413.
42. Ibid. P.415.
43. В 1872 г. Первый Интернационал официально раскололся на две международные организации, каждая из которых сохранила прежнее название – "Международная ассоциация трудящихся" (традиционный русский перевод "Международное товарищество рабочих"). Сторонники централистской структуры и политической борьбы (марксисты, бланкисты, лассальянцы и др.) перенесли штаб-квартиру в США, где в 1876 г. их организация была распущена. Большинство секций Интернационала присоединилось к федералистской организации, провозгласившей автономию входящих в нее федераций как в организационном отношении, так и в выборе форм и методов борьбы. Это объединение включило анархистов, коллективистов, бельгийских сторонников Де-Папа, значительную часть социалистов и т.д. Внутренние разногласия привели к тому, что после 1877 г. оно фактически прекратило функционировать, а входившие в него секции пошли разными

путями: некоторые продолжали действовать как анархистские организации (Юрская федерация, Испанская региональная федерация, Итальянская федерация и др.), другие объединились с социал-демократией.

44. См.: Leval G. Das libertäre Spanien. Das konstruktive Werk der Spanischen Revolution (1936 – 1939). – Hamburg: Association, 1976. S. 26.

45. L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. № 32. 12.08.1878.

46. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 65, 69.

47. L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. № 32. 12.08.1878.

48. См.: Fabbri L. Life of Malatesta. – URL:

http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/malatesta/lifeofmalatesta.... 49. Цит. по:

Материалы для биографии М. Бакунина... Т. 3. С.586.

50. Protesta a las Cortes de la FRE-AIT. – URL: <http://grupostirner.blogspot.ru/2011/04/protesta-las-cortes-de-la-ait.html> 51. L'Avant-Garde. Organ Collectiviste et Anarchiste. №32. 12.08.1878.

52. Неттлау М. Что должны делать анархисты в случае войны // Неттлау М. Очерки по истории анархических идей. – Tucson: Спичка (The Match), 1991. С. 198.

53. Nettlau M. Breve Historia... P. 107 – 110.